ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

ISSN 2312-0312

№ 2 (70) 2025

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 2 (70) 2025

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Соучредители – Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акшиков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачоньтомай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – зам. главного редактора, отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2025
© Авторы статей, 2025

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 2 (70) 2025

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Co-founders – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Deputy Editor, Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Ключева М.А. Сложные глагольные комплексы в марийских текстах с описаниями народных подвижных игр 7

Куклина С.Б., Исламова Ю.В. О функциях поэтонимов в лирических произведениях Ю.К. Вэллы 47

Сергеев О.А. К характеристике рукописного «Словаря языка черемисскаго» 58

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михайлов В.Т. Современная марийская проза: тематическое и жанровое разнообразие 70

Шабдарова Л.Е. Марий илыш гоч тӱрлыш устан… (М. Ушакован «Шылтыме» шинчаончалтыш» ойлымашыже негызеш) 84

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Свечников С.К. Оценка уровня общественного развития марийского народа в сочинениях российских и западноевропейских авторов XVI–XVII веков 101

ПЕРСОНАЛИИ

Максимов В.Н. Барцева Людмила Ивановна – исследователь марийского языка 117

Некрасова О.И. Юбилей Евгения Александровича Цыпанова 123

РЕЦЕНЗИИ

Рогачев В.И., Карабанова Н.В. К проблеме семиотических кодов традиционной культуры мордовского (эрзи и мокши) народа в вышивке. Рец.: Кодификационно-семиотическая система мордовского этноса: прошлая и настоящая жизнь знака: монография / [рук. проекта Е. Е. Ледяйкин]; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2024. 152 с. 128

Янцукова Т.В. Комплексное исследование союзов и союзных средств современного марийского языка. Рец.: Эрцикова Г.А. Союзы и союзные средства в современном марийском языке: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2025. 274 с. 134

ХРОНИКА

Ипакова М.Т. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «III Ӱпымарий лудмаш (III Васильевские чтения): актуальные проблемы современной компаративистики», посвящённая Дню национального героя 137

Федосеева Н.А. Региональная научно-практическая конференция «XXV Игнатьевские чтения: горные марийцы в историко-культурном пространстве России», посвящённая Году защитника Отечества 142

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Klyucheva M.A. Complex verbs in the Mari texts with descriptions of folk outdoor games 7

Kuklina S.B., Islamova Yu.V. On the functions of poetnyms in the lyrical works of Yu.K. Vella.. 47

Sergeev O.A. About the characterization of the handwritten «Cheremiss Dictionary» 58

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORE

Mikhailov V.T. Modern Mari prose: thematic and genre diversity 70

Shabdarova L.E. The masterfully embroidered life of Mari (based on the short story “Mysterious Look” by Margarita T. Ushakova) 84

HISTORY AND ETHNOLOGY

Svechnikov S.K. Assessment of the level of social development of the Mari people in the works of Russian and Western European authors of the 16th-17th centuries 101

PERSONALIA

Maximov V.N. Bartseva Lyudmila Ivanovna is a researcher of the Mari language 117

Nekrasova O.I. Evgeniy A. Tsypanov’s jubilee 123

BOOK REVIEWS

Rogachev V.I., Karabanova N.V. On the problem of semiotic codes of traditional culture of the Mordvin (Erzya and Moksha) people in embroidery. Review: Codification and semiotic system of the Mordvin ethnos: past and present life of a sign: Monograph / [Project Director E.E. Ledyaykin]; Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. Saransk, 2024. 152 p. 128

Yantsukova T.V. Comprehensive study of conjunctions and connectives of the modern Mari language. Review: Ertsikova G.A. Conjunctions and connectives in the modern Mari language: monograph. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI, 2025. 274 p. 134

CHRONICLE

Ipakova M.T. All-Russian scientific and practical conference with international participation “III Üpymariy Ludmash (III Vasiliev Readings): current problems of modern comparative studies”, dedicated to the Day of the National Hero 137

Fedoseeva N.A. Regional scientific and practical conference “XXV Ignatyev readings: the Hill Mari in historical and cultural space of Russia” dedicated to the Year of the Fatherland Defender 142

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.151:394.3
DOI 10.51254/2312-0312-2025-2-70-7-46

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В МАРИЙСКИХ ТЕКСТАХ С ОПИСАНИЯМИ НАРОДНЫХ ПОДВИЖНЫХ ИГР

© 2025 г. М.А. Ключева

Введение. Статья посвящена исследованию сложных глагольных комплексов (деепричастных конструкций, составных глаголов) в марийских текстах, содержащих описания традиционных подвижных игр народа мари. Основная **цель исследования** заключается в выявлении состава, объема и особенностей семантики деепричастных конструкций с грамматикализованными и модальными глаголами в данном корпусе текстов. **Материалы и методы.** Исследование проводится на материале книги А.Е. Китикова «Марий калык модыш» («Марийские народные игры», 1990). Используются метод сплошной выборки исследуемых конструкций из текста, анализ контекстной семантики, статистические методы (оценка количественных данных по сложным глагольным комплексам в тексте). **Результаты исследования, обсуждения.** Проведенное исследование выявило ранее не рассматривавшиеся в научной литературе пары лексических и грамматикализованных глаголов, а также отдельные новые случаи грамматикализации глаголов *ышташ* ‘делать’, *ончыкталташ* ‘показываться’, *налалташ* ‘браться’. Рассматриваются также некоторые нетривиальные морфосинтаксические свойства сложных глагольных комплексов в марийском языке, в частности: конструкции из трех глаголов (CVB+CVB+VERB), сложные и редуплицированные глаголы на месте лексического глагола, инверсии элементов, эллипсисы лексического глагола. **Заключение.** Практический результат проведенной работы значим в рамках комплексного исследования глагольной лексики в марийских текстах с описаниями народных игр (на материале той же книги «Марийские народные игры» А.Е. Китикова). В частности, ранее была дана семантическая классификация глаголов в этих текстах, по основному словарному значению глагольных лемм – выделены глаголы

движения, контактного воздействия, звукоизвлечения, ментального действия и глаголы базовых значений. К последним мы относим глаголы бытия и существования, модальные, фазовые, служебные глаголы и т.п. Представленный в данной статье анализ грамматикализации позволил точнее учесть контекстную семантику каждого глагольного словоупотребления и скорректировать взаимные количественные показатели лексико-семантических групп глаголов в тексте. Самой многочисленной группой в текстах с описаниями игр оказались глаголы базовых значений, вытеснив на второе место глаголы движения.

Ключевые слова: уральские языки; финно-угорские языки; марийский язык; народные игры; деепричастные конструкции; сложные глагольные комплексы; грамматикализация; контекстная семантика; акциональность.

Введение

В статье рассматриваются сложные глагольные комплексы в марийском языке. Подобным конструкциям посвящена значительная литература, начиная еще с «Черемисской грамматики» Альбинского (1837)[1] и «Пособия по изучению черемисского языка» Ф. Васильева (1887)[2]. В исследованиях авторов XIX–XX веков подобные конструкции называются составными глаголами [Васильев, 1887, с. 36; Серебренников, 1960, с. 188–205; Исанбаев, 1961а, с. 70–74; Современный марийский язык, 1961; Исанбаев, 1978], иногда сложными [Саваткова, Учаев, 1956, с. 824–825][3], спаренными глаголами [Чхаидзе, 1960]; в лингвистической литературе на марийском языке – *йыжыҥан койыш*

[1] Альбинский указал на возможность «прибавления» к глаголам «вспомогательных глаголов» *колташ* ‘слать’, *каяш* ‘идти’ и *шинчаш* ‘сесть’ [Черемисская грамматика, 1837, с. 45–46]. (В оригинальной орфографии – формы NPST.3SG *колтэ́мъ, ке́емъ, шинза́м*.) «Черемисская грамматика» Альбинского основывается на материале горного наречия марийского языка.

[2] В «Пособии...» Ф. Васильева (1887) уже достаточно подробно обсуждаются «составные глаголы» и выявлено 14 вспомогательных глаголов, выражающих в марийском языке совершенный вид (*колташ* ‘послать’, *шукташ* ‘довести’, *пытараш* ‘окончить’, *шогалташ* ‘поставить’, *шындаш* ‘посадить’, *пурташ* ‘ввести’, *кодаш* ‘оставить’, *каяш* ‘пойти’, *шуаш* ‘достичь’, *пыташ* ‘окончиться’, *шогалаш* ‘встать’, *шинчаш* ‘сесть’, *пураш* ‘войти’, *кодаш* ‘остаться’) [Васильев, 1887, с. 36–41] и еще три, выражающих продолжительность действия (*шогаш* ‘стоять’, *кошташ* ‘ходить’, *илаш* ‘жить’) [Васильев, 1887, с. 42–43].

[3] Но чаще в марийском языкознании сложными называются глаголы, «которые состоят из двух или более лексических основ» «подчинительного типа» (например: *вашлияш* «встретить, встречать, встретиться, встречаться» от *ваш* «навстречу» + *лияш* «быть, стать») либо «сочинительного типа», записывающиеся через дефис, например *кочкаш-йӱаш* «питаться, обедать» от *кочкаш* «есть» + *йӱаш* «пить». Последние также называют парными глаголами [Исанбаев, 1961, с. 61–70].

мут-влак ‘составные глаголы’ [Учаев, Матросова, Максимов, 2022, с. 209]. В англоязычной литературе соответствующие термины – compound (paired, serial) verbs [Driussi, 1992–1993]. Спрягаемый глагол в конструкции называется вспомогательным (англ. auxiliary), модификатором, грамматикализованным, также лёгким глаголом[4]. Лексический глагол (предикат), состоящий в паре с модификатором, в русскоязычной литературе XIX веке называли «настоящим», в XX веке – «главным», «основным». В дальнейшем в литературе термин «составные глаголы» постепенно вытесняется; используются определения «глагольные конструкции», «аналитические конструкции», «конструкции из деепричастия и спрягаемых модальных глаголов» (для сочетаний, выражающих модальные отношения) [Исанбаев, 1982], «сочетания [глагола] с деепричастием» [СМЯ, 1990–2005], «деепричастные конструкции» (англ. converb constructions) [Bradley, 2016], «сложные глагольные комплексы» [Кашкин, 2018; 2023][5]. Далее будем использовать последнее определение, вынесенное в название статьи, а также сокращенное наименование «деепричастные конструкции» (подразумевая деепричастные конструкции со спрягаемым грамматикализированным или модальным глаголом), отличая это явление от деепричастных оборотов со «свободными»[6] деепричастиями.

В лингвистике (типологии) основным направлением классических и современных исследований сложных глагольных комплексов в марийском языке является изучение их семантической структуры, определение ограничений на сочетаемость различных классов лексических глаголов с грамматикализованными спрягаемыми формами, а также сопоставление аналогичных конструкций в марийском языке с соответствующими конструкциями в других финно-угорских и тюркских языках. В частности, показано, что марийские деепричастные конструкции относятся к типу, характерному для тюркских языков [Исанбаев, 1978; Bradley, 2021]. От М.П. Чхаидзе и Б.А. Серебренникова до Дж. Брэдли исследователи сходятся на мысли, что «в марийском и уд-

[4] Термин «легкий глагол» по отношению к марийскому материалу использует Ф. Голосов [Голосов, 2018; 2019]. В корпусе марийского языка Тимофея Архангельского вспомогательные глаголы (выступающие в качестве грамматикализованных в деепричастных конструкциях) также имеют маркировку lv – light verbs [Корпус лугового марийского языка].

[5] Интересно, что еще в начале XX в. основоположник марийской лингвистики В. М. Васильев избегал термина «составные глаголы», а говорил о сочетании «двух глаголов, из которых один для другого служит вспомогательным. При этом спрягается вспомогательный глагол, главный же ставится перед ним в форме наст.-прошед. деепричастия» [Васильев, 1918, с. 39–40; 1927, с. 42].

[6] Свободными условно будем называть деепричастия в обычных деепричастных оборотах, не связанные в глагольные конструкции с грамматикализованным или модальным глаголом.

муртском языках они [составные глаголы. – *М.К.*] возникли, несомненно, под влиянием поволжско-тюркских языков» [Исанбаев, 1978, с. 60].

Цель статьи – проанализировать все комбинации лексического глагола в форме n-ового деепричастия и спрягаемого глагола (грамматикализованного или модального), встречающиеся в специально отобранном корпусе марийских текстов конкретной тематики, а именно: в описаниях народных подвижных игр.

Материалы и методы

Материал исследования – корпус текстов на литературном марийском языке (лугово-восточный), включающий описания народных игр общим объёмом около 6217 словоупотреблений. Основой корпуса послужила книга А.Е. Китикова «Марий калык модыш» (Марийские народные игры (1990). (Далее КК – корпус Китикова). Подвижные игры характеризуются особой динамичностью – соответственно, тексты, их отображающие, должны одновременно учитывать разные аспекты описываемых ситуаций (порядок и взаимную обусловленность действий, их направленность, бенефициара, различную степень совершенности, модальность и т.п.), что требует активного использования деепричастий. Действительно, обработав ранее корпус текстов с описаниями игр в программе-конкордансере AntConc, мы обнаружили, что среди 57 глагольных форм, попавших в топ-200 самых «ключевых»[7]в данном корпусе, доля деепричастий оказалась высокой – 26 % в словоформах и 21 % в токенах. Наряду с деепричастиями значительную долю в этом списке составили глагольные формы 3-го лица настояще-будущего времени: NPST.3PL (18 % в словоформах и 16 % в словоупотреблениях), NPST.3SG (16 % в словоформах и 26 % в словоупотреблениях).

Всего в КК мы насчитали примерно 384 словоупотребления n-овых деепричастий (165 форм). Отношение этого числа (384) к общему числу словоупотреблений глаголов в КК (2000 вхождений) составляет 19,2 %, а к числу всех слов в КК (6217) – 6,18 %. Для условного сравнения, в онлайн-корпусе марийского языка [Korp][8] аналогичные показатели составили 10,4 % и 1,66 %

[7] Ключевость (keyness) – это мера специфичности слов в конкретном тексте (таргетном), которая вычисляется (по определенным формулам математической статистики) через сравнение их частотностью в таргетном и референтном корпусе (как правило, более крупном корпусе, который выполняет роль модели языка). Опыт вычисления ключевости глаголов в корпусе текстов с описаниями марийских игр представлен в статье [Ключева, 2024].

[8] Подробнее о марийском корпусе Korp, составе и объеме текстов в нем, возможностях поисковой системы см. [Ключева, 2025]. Там же дано сравнение его с другими крупными онлайн-корпусами марийского языка.

соответственно[9], т.е. доля деепричастий в данном референтном корпусе значительно ниже, чем в КК (по результатам автоматического поиска).

Исходя из имеющихся предварительных данных и логических предпосылок, полагаем, что в текстах с описаниями игр (акциональных, по типу содержания) можно ожидать значительного объема сложных глагольных комплексов, поскольку они отличаются семантической гибкостью и собственно служат для выражения нюансов действия – модальности, темпоральности, направленности и адресата [Bradley, 2016, с. 260–269].

Задачами настоящего исследования являются диагностика и полная выборка сложных глагольных комплексов из корпуса описаний игр (п. 1), обсуждение некоторых их нетривиальных морфосинтаксических свойств (п. 2). Такое исследование имеет для нас практическую ценность в рамках решения более общей задачи анализа семантики глаголов в текстах с описаниями игр. Ранее мы провели семантическую классификацию 100 самых частотных глаголов в КК по основному словарному значению глагольных лемм, выявив следующие лексико-семантические группы: глаголы движения-перемещения (29 лемм, 402 токена в КК)[10], контактного воздействия (27 лемм, 304 токена), ментального и зрительного действия (вместе 16 лемм, 180 токенов), звукоизвлечения (12 лемм, 158 токенов), глаголы базовых значений[11] (15 лемм, 368 токенов) и глагол *модаш* ‘играть’ (1 лемма, 83 токена). Систему глаголов в описаниях игр мы понимаем в целом как языковое отражение структуры игрового действия. Учет грамматикализации (контекстного значения) позволит точнее оценить взаимный количественный баланс глаголов разных семантических групп в тексте, а значит увидеть более точное соотношение различных видов действия в марийских подвижных играх. Заключение содержит обобщающие выводы относительно особенностей функционирования сложных глагольных комплексов в КК, а также представляет скорректированную семантическую классификацию наиболее употребляемых глаголов КК, основанную на результатах проведённого анализа процессов грамматикализации. В Приложении представлены исчерпывающие статистические сведения о частоте употребления всех выявленных сложных глагольных комплексов в корпусе, включая детальную разбивку по каждому компоненту – лексическому и спрягаемому глаголу.

---

[9] При поисковом запросе в Korp по части речи «глагол» находится 7 617 284 токена (7 191 257 – за вычетом леммы *ок* спрягаемого глагольного отрицания), при поисковом запросе на деепричастия (по глоссе V.Ger.Gen) – 749 024 токена. 749 024*100/7 191 257=10,4 %. Всего в Korp – 57,38 млн токенов, а за исключением знаков препинания – 45 142 065. 749 024*100/45 142 065=1,66 %.

[10] К глаголам движения-перемещения также относим глаголы позы и смены позы.

[11] К глаголам базовых значений мы относим глаголы бытия и существования, служебные, фазовые, модальные и т.п.

Результаты исследования, обсуждения

1. Выборка и диагностика деепричастных конструкций

В КК содержится 407 глагольных лемм общим объемом 2000 токенов[12]. В первую очередь перед нами стояла техническая задача выделить в исследуемом тексте все случаи примыкания «деепричастие + глагол»[13]. Затем полученные единицы следовало разделить на два класса: свободные деепричастные обороты и составные глагольные конструкции. Сначала были отобраны сочетания со спрягаемыми модальными и фазовыми глаголами (*керташ* ‘мочь’ и *мошташ* ‘уметь’; *пыташ* ‘кончаться’, *пытараш* ‘закончить’, *чарнаш* ‘перестать’). Все они относятся к деепричастным конструкциям, и семантика спрягаемого глагола в них очевидна (модальный, фазово-аспектуальный маркер). Для остальных сочетаний деепричастий с глаголами следовало выяснить, происходит ли грамматикализация спрягаемого глагола (т.е. полная или частичная утрата лексического значения). Если грамматикализация имеет место – диагностируем сложный глагольный комплекс, если нет – сочетание глагола со свободным деепричастием. Для выявления грамматикализации, помимо базо-

[12] Основные принципы счета глагольных основ в КК: Все производные глаголы считаются как отдельные леммы, например, *ончаш* ‘смотреть’, *ончыкташ* ‘показывать’ и *ончыкалташ* ‘показываться’ – три разные леммы. Каждое вхождение сдвоенного или редуплицированного глагола (например, *кушташ-мураш* ‘плясать и петь’, *кушталташ-муралташ* ‘сплясать и спеть’, *кочкаш-йӱаш* ‘есть и пить’, *шочаш-кушкаш* ‘родиться и вырасти’; *муралтен-муралтен* ‘спев.RDP’, *ӧндалал-ӧндалал* ‘приобняв.RDP’, и т.п.) считается за два токена к основным леммам (*кушташ, мураш, кушталташ, муралташ, кочкаш, йӱаш, шочаш, кушкаш, ӧндалалаш*). Отдельные леммы *кушташ-мураш, кушталташ-муралташ, кочкаш-йӱаш, шочаш-кушкаш/шочын-кушкаш* не выделяются, хотя некоторые из них являются вполне словарными. Такой подход к работе со сдвоенными глаголами определяется, во-первых, тем, что в тексте КК и в целом в марийских литературных текстах имеет место флуктуация их записи (то через дефис, то через запятую); во-вторых, такой подход оправдан ввиду дальнейших задач семантической классификации глаголов в КК (например, лемма *кушташ-мураш* ‘плясать и петь’ складывается из двух основ, первая из которых относится к семантической группе глаголов движения, а вторая – к группе глаголов звучания).

В КК присутствуют две вставки горномарийских текстов (один стишок-четверостишие и одна игровая песня). Общий объем этого горномарийского материала – 153 словоупотребления. Глаголы из горномарийских текстов включены в статистику на общих основаниях. Без горномарийских материалов только литературный лугово-восточный текст КК включает 402 глагольные леммы, 1968 токенов. 6 глагольных лемм встречаются только в горномарийских текстах: *мӱдӓш* ‘закрывать’, *пӧртӓш* ‘кружить’, *шӓпнӓш* ‘рассыпаться’, *севӓлӓш* ‘ударить, хлопнуть’, *талашалаш* ‘поспешать’, *сӓрнӓш* ‘вертеться’.

[13] При этом учитываем, что между деепричастием и спрягаемым глаголом в деепричастной конструкции могут быть фокусные частицы (*-ак, -ат, веле, гына*) и/или маркер отрицания.

вого анализа семантики, существует определенный инструментарий, например, тест на возможность разрыва конструкции [Кашкин, 2023, с. 434], наличие у спрягаемого глагола собственных зависимых [Гращенков, 2015, с. 183] и др. Однако, поскольку марийские деепричастные конструкции уже достаточно хорошо изучены, мы не стали отдельно подробно тестировать каждое обнаруженное сочетание деепричастия с глаголом, но прежде всего исходили из факта его фиксации в статусе «составного глагола» и т.п. в уже имеющейся лингвистической литературе. Все возможные в марийском языке пары таких сочетаний наиболее полно и четко отражены в диссертации Джереми Брэдли [Bradley, 2016]. Он выделил 66 глаголов (включая модальные и фазовые), которые выступают в таких парах как вспомогательные[14]. Для каждого[15] такого вспомогательного глагола Брэдли привел полный список лексических глаголов, которые образуют с ним пары, извлекая материал из имеющихся книжных источников и корпусных данных. Работа с корпусом [Korp] позволила Брэдли отследить и зафиксировать немало ранее не описанных в литературе пар из деепричастия и вспомогательного глагола.

Таким образом, ключевым признаком определения статуса пары как деепричастной конструкции с грамматикализованным глаголом служило её присутствие среди зафиксированных ранее и систематизированных в работах Брэдли примеров подобных сочетаний. Однако пары, приведенные в списке, не являются автоматически искомой конструкцией, например, сочетание *йонгалтарен колта* (оглашать.CVB слать.NPST.3SG), хоть и может быть деепричастной конструкцией со значением ‘запоет, зазвучит’ [Bradley, 2016, с. 168],

[14] Если сравнить этот результат с достижениями предшественников, «В [Серебренников, 1960, с. 190–199] описана семантика 18 предикатов, подвергающихся грамматикализации. В [Современный марийский язык, 1961, с. 202–216] таких предикатов приводится 31, в [Driussi, 1992–1993, с. 86–88] – 36» [Кашкин, 2023, с. 433]. И.Н. Исанбаев выявил 40 вспомогательных глаголов (модификаторов) в марийском языке, не считая модальных глаголов, но отдельно рассмотрел только 32 из них [Исанбаев, 1978]. Большое количество новых модификаторов было выявлено и зафиксировано в словаре [СМЯ, 1990–2005]. Дж. Брэдли собрал в свой список из 66 вспомогательных глаголов марийского языка практически весь выявленный предшественниками материал, исключив лишь отдельные из них, например, названные М.П. Чхаидзе «полумодификаторами» *ашнаш* ‘содержать’ и *керылташ* ‘втыкаться’ [Чхаидзе, 1960, с. 58], а также упомянутый Исанбаевым глагол *ямдылаш* ‘приготовить’ [Исанбаев, 1978, с. 61].

[15] Лишь для некоторых модальных и фазовых глаголов, например, *керташ* ‘мочь’, *мошташ* ‘уметь’, *чарнаш* ‘переставать’, Брэдли не приводит перечни лексических глаголов, с ними сочетаемых, поскольку это совершенно открытые списки и практически любой глагол может оказаться в такой паре. Ниже в таблице 1 отсутствие данных по частотности у Брэдли отражается, как в источнике [Bradley, 2016], пометой N/A (англ. no answer ‘нет ответа’).

в конкретном случае в КК имеет совершенно другое значение – ‘со свистом запустит (мяч)’. Контекст:

(1) *пераш кудалтыме мечым* ***йонгалтарен колта***
ударить.INF бросать.PTCP.PASS мяч.ACC оглашать.CVB слать. NPST.3SG
‘мяч, подброшенный для удара (подачи), запускает со свистом’.

В данном контексте это не деепричастная конструкция, а сочетание глагола со свободным деепричастием образа действия, и глагол *колташ* ‘пускать’ является не грамматикализованным и употребляется в прямом значении.

Другой пример:

(2) *Телым кандра тӱӊыш кылмыше имне*
зимой веревка основание.INE замерзать.PTCP.ACT лошадь
терысым <…> мече гайжым ***ойырен***
навоз.ACC <…> мячик как.POSS.3SG.ACC отделять.CVB
оптеныт.
складывать.PST2.3PL
‘Зимой у основания веревки складывали замерзшие комки конского навоза, которые как мячики’.

В этом предложении можно усмотреть деепричастную конструкцию *ойырен оптеныт* (выбирать.CVB складывать.PST2.3PL) со значением ‘выбирали’ [Bradley, 2016, с. 201]. Но глагол *оптеныт* ‘складывали’ связан с обстоятельством места *кандра тӱӊыш* ‘у основания веревки’ (т.е. у него есть собственное зависимое), поэтому сочетание *ойырен оптеныт* в данном конкретном случае не является деепричастной конструкцией, хотя зафиксировано в таком качестве в списке Брэдли.

Кроме того, списки Брэдли нельзя считать закрытыми, поскольку эти структуры продуктивны, и состав лексических глаголов, с которыми грамматикализованный глагол может образовывать пары, в той или иной мере открыт. В наших текстах (КК) нашлось 20 новых пар, которые соответствуют определению деепричастных конструкций с грамматикализованным спрягаемым глаголом, но ранее они не были учтены в таком статусе, в том числе у Брэдли. Их аргументированная презентация будет сделана дополнительно, тем более что в ряде таких вновь найденных пар грамматикализация спрягаемого глагола не очевидна.

Из 66 марийских вспомогательных глаголов, по Брэдли, в исследуемом корпусе текстов с описаниями игр встречается 55 глаголов[16]. Для 33 из них в КК имеются примеры сочетаний с лексическими глаголами

[16] 11 глагольных лемм из списка 66 вспомогательных глаголов Брэдли не встречаются в КК ни разу ни в каком качестве. Это *вончаш* ‘переходить’, *кияш* ‘лежать’, *кӱзыкташ* ‘поднимать’, *намияш* ‘приносить’, *ситараш* ‘набирать, накапливать в нужном количестве’, *чыташ* ‘терпеть’, *чучаш* ‘попадать’ (мар. Г), *шогылташ* ‘стоять’, *шинчылташ* ‘посиживать’, *шӱташ* ‘протыкать’, *шӱтлаш* ‘прокалываться’.

(деепричастиями)[17]. Они приведены в таблице 1 вместе с показателями количества лексических глаголов, с которыми образуют пары в КК и в марийском языке в целом, согласно исследованию Брэдли [Bradley, 2016]. Если для отдельных вспомогательных глаголов в КК имеются сочетания с лексическими глаголами, ранее не зафиксированные у Брэдли [Bradley, 2016], это отражается записью в таблице в виде суммы чисел. Первое слагаемое в таких записях отражает число уже известных по Брэдли [Bradley, 2016] сочетаний с лексическими глаголами, второе слагаемое – число вновь обнаруженных. В предпоследнем столбце таблицы указана базовая семантическая категория грамматикализованных глаголов из четырех основных:

– направление действия (помета Dir < англ. direction)
– бенефактивный либо автобенефактивный маркер (Ben)
– модальный маркер (Mod)
– фазово-аспектуальный в самых разных значениях[18] (FA).

В последнем столбце таблицы, условно обозначенном как «мера грамматикализации», приведено процентное соотношение случаев употребления глагола в составе сложных глагольных комплексов к общему числу его употреблений в КК.

Таблица 1

Спрягаемые глаголы в сложных глагольных комплексах в КК

	Спрягаемый глагол (СГ) и количество его вхождений в КК	Число лексических глаголов, которые сочетаются с данным СГ		Основная семантика СГ	Мера грамматикализации СГ
		по [Bradley, 2016]	в КК		
1	2	3	4	5	6
1.	возаш ‘ложиться’, 4	89	1	Dir, FA	1/4=25%
2.	волаш ‘спускаться’, 14	19	1	Dir, FA	3/14=21,43%

[17] 22 глагола из списка Брэдли встречаются в КК, но только не в качестве вспомогательного глагола в деепричастной конструкции. Это глаголы *волташ* ‘спускать’, *илаш* ‘жить’, *кодаш* ‘оставлять’, *кудалташ* ‘бросать’, *кӱзаш* ‘подниматься’, *кынелаш* ‘вставать’, *кышкаш* ‘кидать’, *лияш* ‘быть, становиться’, *нангаяш* ‘уводить’, *ойырлаш* ‘расходиться’, *опташ* ‘класть’, *пурташ* ‘вводить’, *темаш* ‘наполняться’, *темаш* ‘наполнять’, *толашаш* ‘пытаться, стараться’, *тӧчаш* ‘пытаться’, *улаш* ‘быть’, *уташ* ‘быть лишним’, *чумыраш* ‘собирать’, *шуаш* ‘бросать’, *эрташ* ‘проходить’, *эртараш* ‘проводить’. (Глагол *тӧчаш* ‘пытаться’ неоднократно сочетается в КК в связке с инфинитивами, но не деепричастиями.)

[18] Например, игрессив, результив, эксхаустив, дуратив, делимитатив, континуатив, итератив, градуал (инкрементив) и т.д., см. [Bradley, 2016, с. 260–269].

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
3.	каяш ‘идти’, 24	332	2	Dir, FA	2/24=8,33%
4.	керташ ‘мочь’, 48	N/A	35	Mod	42/48=87,5%
5.	кодаш ‘остаться’, 14	99	3	FA	3/14=21,43%
6.	колташ ‘слать’, 28	375	10+**2**	FA	23/28=82,14%
7.	кондаш ‘принести, привести’, 5	19	1	Dir	1/5=20%
8.	кошташ ‘ходить’, 13	267	4+**4**	FA	8/13=61,54%
9.	лекташ ‘выйти’, 30	167	3	Dir, FA	3/30=10%
10.	лукташ ‘выносить’, 16	139	4	Dir, FA	6/16=37,5%
11.	мияш ‘прийти; ходить’, 9	43	1	Dir, FA	3/9=33,33%
12.	мошташ ‘уметь’, 10	N/A	4	Mod	7/10=70%
13.	налаш ‘брать’ (предмет), 26	284	4	Ben, FA	6/26=23,08%
14.	ойыраш ‘отделять; выбирать’, 13	8	0+**1**	Dir	1/13=7,69%
15.	ончаш ‘смотреть’, 8	148	1	Mod, FA	1/8=12,50%
16.	ончыкташ ‘показывать’, 29	19	5+**1**	Ben	11/29=37,93%
17.	**ончыкталташ ‘показываться’, 1**	**0**	**+1**	Ben	1/1=100%
18.	пуаш ‘дать’, 10	174	2+**1**	Ben, FA	3/10=30%
19.	пураш ‘войти’, 10	36	1	Dir	1/10=10%
20.	пытараш ‘закончить’, 9	265	5+**1**	FA	6/9=66,67%
21.	пыташ ‘кончаться’, 12	224	3	FA	3/12=25%
22.	пышташ ‘класть’, 9	104	1	FA	1/9=11,11%
23.	савырнаш ‘повернуться’, 17	21	2	Dir, FA	6/17=35,29%
24.	сенаш ‘победить’, 21	34	1+**3**	Mod	4/21=19,05%
25.	толаш ‘прийти, приехать’, 25	191	4	Dir, FA	7/25=28%
26.	чарнаш ‘перестать’, 2	10	1+**1**	FA	2/2=100%
27.	шинчаш^{I} ‘сесть’[19], 9	158	1	FA	1/9=11,11%
28.	шинчаш^{II} ‘сидеть’, 1	111	+**1**	FA	1/1=100,00%
29.	шогалаш ‘стать; встать; остановиться’, 37	113	7+**2**	FA	11/37=29,73%
30.	шогалташ ‘ставить’, 3	37	1	FA	1/3=33,33%
31.	шогаш ‘стоять’, 22	375	4+**2**	FA	6/22=27,27%
32.	шуаш ‘доходить’, 37	114	10+**1**	FA	25/37=67,57%
33.	шукташ ‘успеть’ выполнять, 5	153	2	FA	2/5=40%
34.	шындаш ‘сажать’, 3	291	3	FA	3/3=100%
35.	**ышташ ‘делать’, 29**	**0**	**+2**	FA	2/29=6,9%

Помимо 33-х спрягаемых глаголов, соответствующих списку вспомогательных глаголов Брэдли, в таблицу 1 добавлены два глагола (выделены жирным шрифтом), которые в качестве вспомогательных в деепричастных конструкциях ни у Брэдли, ни в другой литературе ранее не обсуждались – это глаголы *ончыкталташ* ‘показываться’ и *ышташ* ‘делать’.

[19] Здесь и в таблице 2 верхние индексы I и II при марийских глаголах означают спряжение.

Глагол *ончыкталташ* ‘показываться’ (производный от *ончыкташ* ‘показывать’ с возвратным суффиксом *-алт* < *ончаш* ‘смотреть’ + каузатив *-ыкт*) образует в КК пару с лексическим глаголом *ышташ* ‘делать’:

(3) *ойлымо* *действий* *практически* ***ыштен***
говорить.PTCP.PASS действие практически делать.CVB
ончыкталтеш
показываться.NPST.3SG ‘называемые действия изображаются’.

Поскольку производящий глагол *ончыкташ* ‘показывать’ в деепричастных конструкциях является бенефактивным маркером [Bradley, 2016, с. 199][20], логично, что такая же семантика при грамматикализации в аналогичных конструкциях и у производного от него глагола *ончыкталташ* ‘показываться’. В Korp конструкция *ыштен ончыкталташ* ‘делаться, выполняться’ не встречается, однако имеется немало примеров сочетаний *ончыкталташ* ‘показываться’ с другими лексическими деепричастиями, например: *модын ончыкталташ* (< *модаш* ‘играть’), *луктын ончыкталташ* (< *лукташ* ‘вынимать’), *почын ончыкталташ* (< *почаш* ‘открывать’), *сӱретлен ончыкталташ* (< *сӱретлаш* ‘рисовать’), *ӱшандарен ончыкталташ* (< *ӱшандараш* ‘уверять). Эти же лексические деепричастия образуют, согласно Брэдли [Bradley, 2016, с. 199], сложные глагольные комплексы с исходным (производящим) глаголом *ончыкташ* ‘показывать’: *модын ончыкташ*, *луктын ончыкташ*, *почын ончыкташ* и т.д.[21] Во всех этих примерах глаголы *ончыкташ* и *ончыкталташ* являются бенефактивным маркером.

Глагол *ышташ* ‘делать’ в качестве вспомогательного в сочетании с деепричастием также в предшествующей литературе не обсуждался (в том числе у Брэдли)[22]. Такие конструкции нуждаются в специальном анализе, особенно

[20] До Джереми Брэдли *ончыкташ* как вспомогательный глагол в деепричастных конструкциях был выявлен только З.В. Учаевым [Учаев, 1995, с. 163].

[21] В Korp перед *ончыкталташ* встречаются также деепричастия (в том числе свободные) от глаголов *иземдаш* ‘уменьшать’, *келыштараш* ‘согласовывать’, *кугемдаш* ‘увеличивать’, *кылдалташ* ‘связываться’, *манаш* ‘говорить’, *негызлалташ* ‘основываться’, *радамлаш* ‘разбирать’, *рашемдаш* ‘уточнять’, *рашемдалташ* ‘уточняться’, *таҥастаралташ* ‘сравниваться’ и редкий глагол *омыраш* ‘отрывать, оторвать’ (< тат. [Исанбаев, 1994, с. 109], ср. *омырлаш* ‘быть разорванным в клочья’ [Moisio, Saarinen, 2008, с. 455], *омырен кочкаш* ‘быстро и много есть; пожирать, пожрать’ [СМЯ, IV, с. 299]).

[22] Аналитическая модальная форма из инфинитива (но не деепричастия!) и спрягаемого вспомогательного глагола *ышташ* ‘делать’ рассматривалась И.Н. Исанбаевым в рамках исследования аналитических форм модальности в марийском языке [Исанбаев, 1982, с. 28–33]. Он установил, что *ышташ* в ней имеет модальное значение решения совершить действие («обязывающее других лиц совершить это действие») [Исанбаев, 1982, с. 27]. Исанбаев приводит следующие примеры: *каяш ыштеныт* «обязали пойти», *мыланем мландым пуаш ыштеныт* ‘постановили выделить мне землю’ [Исанбаев, 1982, с. 10] и др. с лексическими глаголами – *налаш*, *пӧртылаш*, *петыраш*, *колташ*, *наҥгаяш*, *тарванен каяш* и др.

учитывая большое количество примеров сочетаний глагола *ышташ* с разнообразными деепричастиями, зафиксированными в корпусах помимо тех, что были отмечены в изучаемом КК (*канҥашаш* ‘советовать’ и *кычкыралаш* ‘крикнуть’)[23]. Специфика глагола *ышташ* ‘делать’ заключается в его генерической (неспецифической) семантике (пустой, тонкий, семантически слабый, легкий глагол, «местоглаголие»). При анализе деепричастных конструкций, когда речь заходит о степени утраты лексического значения спрягаемых глаголов, для глагола *ышташ* ‘делать’ проблематично определить меру такой утраты, так как изначально его значение крайне незначительно выражено. Полагаем, что случаи, представленные в КК (*канҥашен ыштат* ‘договорятся’ (советоваться.CVB делать.NPST.3PL), *кычкырал ышта* ‘кричит’ (крикнуть.CVB делать.NPST.3SG), как и приведенные в сноске выше примеры из [Korp], характеризуют *ышташ* прежде всего как аспектуальный маркер (комплетив).

Таким образом, включение глаголов *ончыкталташ* и *ышташ* в список вспомогательных глаголов марийского языка Брэдли позволяет расширить его до 68 единиц. Однако этот список не является исчерпывающим: целесообразно провести дальнейшую проверку возможности грамматикализации всех производных глаголов с возвратным суффиксом *-алт*, образованных от основ существующих модификаторов. Например, в списке Брэдли есть деепричастная конструкция *модын налаш* ‘выиграть’, а возможная конструкция *модын налалташ* ‘выигрываться’ не обнаруживается ни в одном из марийских крупных онлайн-корпусов. Но в архивных материалах фольклорных экспедиций МарНИИ (в одном из описаний игры в классики) встретилась следующая формулировка:

(4) *мо* ***модын*** ***налалтын*** – *чыла* *йомеш*
что играть.CVB браться.PST2.3SG всё пропадать.NPST.3SG
‘всё выигранное сгорает’ (зап. А.Е. Китиков в 1990 г.) [Ключева, 2024а, с. 311].

И дальнейший поиск по Korp позволяет обнаружить еще ряд лексических деепричастий, сочетающихся с модификатором *налалташ*: *пален налалташ* ‘узнаться’, *ыштен налалташ* ‘сделаться’, аналогично *поген/ойырен/печен/шотлен/чумырен/сулен/авырен налалташ*. С этими же лексическими глагола-

[23] Например, в [Korp]: *сӱретым шке гыч* ***шонен ыштыза*** ‘рисунок придумайте сами’, *ала-мом шып ойлен ыштыш* ‘что-то сказал тихонько’; *Чертёжым* ***пужен ыштыман*** ‘Надо испортить чертеж’; *иктаж-могае янлыкым кучаш* ***кӱнчен ыштен*** *вынемым-лӧдым* ‘Чтобы поймать какого-нибудь зверя, (он) выкопал яму-ловушку’; *Пӱртӱс мутым 20-шо ийлаште шонен луктыныт, тупӱрымӧ* [*ту пӱрымӧ*] *тӱс савыртышым* ***кӱчыкемден ыштеныт*** ‘Слово природа придумали в 20-е годы, оборот *ту пӱрымӧ тӱс* (‘тот предопределенный облик’) сократили’; *Мый изиш* ***каналтен ышташ*** *веле манам* ‘я лишь говорю немного отдохнуть’ и т.д. См. также сочетания *нӧлтал ышташ, поген нанҥаен ышташ, кутырен ышташ, уэмден ышташ, шекланен ышташ, тыршен ышташ* и др.

ми (со всеми, кроме *чумыраш* ‘собирать, сосредоточивать’) сочетается и производящий модификатор *налаш* [Bradley, 2016, с. 190–191]. Данный лингвистический факт расширяет список Брэдли модификаторов в деепричастных конструкциях еще на одну единицу (+*налалташ*) – до 69.

Обсудим также выявленные в КК случаи сочетаемости известных вспомогательных глаголов с новыми, ранее не зафиксированными лексическими глаголами. Их всего 20, в том числе сочетания, в которых вспомогательный глагол является:

– маркером направления (1): *кӱрлын ойыраш* ‘оторвать’;

– модальным маркером (3): *конден сеҥаш* ‘смочь принести’, *куржтал сеҥаш* ‘мочь бегать’, *поген сеҥаш* ‘смочь собрать’ (при этом основное прямое лексическое значение глагола *сеҥаш* ‘победить’);

– бенефактивным маркером, т.е. указанием на то, что действие совершается для кого-то, в интересах кого-то другого, не деятеля (2): *оҥарен ончыкташ* ‘изображать’ (передразнивать.CVB показывать), *кушталтен-муралтен пуаш* ‘сплясать и спеть’ (петь и плясать.CVB дать);

– аспектуальным маркером:

– *результативом* (комплетивом)[24], т.е. выражает достижение результата/финала предельного процесса (4): *кылмен шуаш* ‘замерзнуть’ (букв. успеть замерзнуть); *модын чарнаш* ‘прекратить игру’; и менее очевидные в плане грамматикализации *(нуным) алмаштен шогалаш* ‘сменить (их)’ (сменять.CVB встать); *(кидым) шуялтен шогалаш* ‘протянуть (руки)’ (рука.ACC протягивать.CVB встать);

– *экскаустивом*, т.е. выражает исчерпанность действия (1): *лӱен пытараш* ‘застрелить, перестрелять (всех)’[25];

– *семельфактивом*, т.е. выражает единичный квант мультипликативной ситуации (2): *кӱдыртатен колташ* ‘прогромыхать’ (громыхать.CVB слать), *ӧндалал-ӧндалал колташ* ‘приобнять’ (приобнять.CVB.RDP слать)[26];

---

[24] Брэдли также использует для обозначения семантики такого модификатора термин final-transformative [Bradley, 2016, с. 266].

[25] В [Bradley, 2016, с. 206] зафиксированы деепричастные конструкции *лӱйкален пытараш* и *лӱйылтен пытараш*, но не *лӱен пытараш*.

[26] В интерпретации семантики этих сочетаний с глаголом *колташ* мы опираемся на теоретические заключения и формулировки В. Дьячкова [Кашкин, 2023, с. 455–459]. В целом модификатор *колташ* многозначен. Он может указывать на начало действия, однократную законченность, мгновенность и неожиданность действия, а также играть роль «диминутивного маркера» [Bradley, 2016, с. 170]. «При этом интерпретация сложного глагольного комплекса зависит от акциональных свойств лексического глагола» (В. Дьячков) [Кашкин, 2023, с. 457]. В нашем случае *кӱдырататаш* и *ӧндалалаш-ӧндалалаш* являются мультипликативными глаголами, означающими серию единообразных действий, и их сочетания с модификатором *колташ* относятся к ситуации «мультипликатив > семельфактив».

– *дуративом*, т.е. выражает длительность действия (7): *кушталтен-кушталтен кошташ* ‘танцевать’ (танцевать.CVB.RDP ходить), *совалтен-совалтен кошташ* ‘хлопать в ладоши’ (хлопать.CVB.RDP ходить), *тавалтен-тавалтен кошташ* ‘топать’ (топать.CVB.RDP ходить), *тӧрштaлтен-тӧрштaлтен кошташ* ‘прыгать’ (топать.CVB.RDP ходить), *(шинчам) карен шинчаш* ‘таращить (глаза)’ (глаз.ACC таращить.CVB сидеть)[27], *(кидым) нӧлтал шогаш* ‘поднимать (руки)’ (рука.ACC поднимать.CVB стоять)[28], *шупшекедыл шогаш* ‘дергать’ (дергать.CVB стоять)[29].

В приведенных примерах (с дуративами *кошташ* ‘ходить’, *шинчаш* ‘сидеть’, *шогаш* ‘стоять’) грамматикализация не очевидна, поскольку указанные действия либо совершаются, либо потенциально возможны именно в указанных позициях – на ходу, сидя или стоя. Но такая же сомнительность порою возникает с интерпретацией и других сочетаний глаголов позиции (позы) с лексическими глаголами, в том числе в списках Брэдли. В частности, в литературе ранее обсуждался вопрос сочетания марийских глаголов позиции (позы) и смены позиции с переходными глаголами. Н.И. Исабаев отмечал, что глагол *шинчаш*^{II} ‘сидеть’ сочетается с непереходными глаголами [Исанбаев, 1978, с. 79]. Дж. Брэдли ставит под сомнение ограничение транзитивности, приводя примеры сочетания этого модификатора с переходными лексическими глаголами [Bradley, 2016, с. 229]. Не говорится об ограничении транзитивности для этого случая и в словаре [СМЯ, IX, с. 139]. В КК имеется пример сочетания *шинчаш*^{II} ‘сидеть’ с переходным глаголом, ср.: *шинчам карен шинчаш* ‘таращить глаза’, букв. ‘глаза тараща сидеть’ (глаз. ACC таращить.CVB сидеть).

Нетривиальны и случаи с дуративом *кошташ* ‘ходить’. Рассмотрим оригинальный текст (из КК), в котором одновременно встречаются сразу четыре конструкции типа *тӧрштaлтен-тӧрштaлтен коштеш* ‘подпрыгивает’ (подпрыгивать.CVB.RDP ходить.NPST.3SG):

(5) *Модшо-влак йыр шогалыт, ваш-ваш кидым кучен, мурен-мурен ик велке пӧрдыт. Мераҥ лийше еҥ круг покшелне шога да муро почеш мо ышташ кӱлмым шукта (тӧрштaлта, тавалта, кушталта, совалта). Йыр пӧрдмӧ годым тыге мурат:*

---

[27] Контекст: – *Мераҥ-мераҥ, молан шинчам карен шинчет?* ‘Заяц-заяц, почему ты таращишь глаза?’ (букв. сидишь, тараща глаза)

– *Поян озан пийже деч лӱдам*. ‘Боюсь хозяйской собаки’.

[28] Контекст: *кидым нӧлтал шогышо рвезе муралта* ‘мальчик с поднятыми руками запевает’ (букв. руки подняв стоящий мальчик запевает).

[29] Контекст: *Тидлан кандран ик мучашыжым лӱҥгалтыш вараш але оҥаш кылдат да йыжыҥын-йыжыҥын* ***шупшекедыл шогеныт***. ‘Для этого один конец веревки привязывают к перекладине или доске качели и время от времени подергивали (раскачивали)’ (букв. подергивая, стояли).

Сур мераҥ, тӧрштaлте, – 2 гана
Йырге пӧрдын савырне! – 2 гана
(Сур мераҥ покшелне ***тӧрштaлтен-тӧрштaлтен коштеш****.)*
Сур мераҥ, куштaлте, – 2 гана
Йырге пӧрдын савырне! – 2 гана
(Сур мераҥ покшелне ***куштaлтен-куштaлтен коштеш****.)*
Сур мераҥ, тавaлте, – 2 гана
Йырге пӧрдын савырне! – 2 гана
(Сур мераҥ покшелне ***тавaлтен-тавaлтен коштеш****.)*
Сур мераҥ, совaлте, – 2 гана
Йырге пӧрдын савырне! – 2 гана
(Сур мераҥ покшелне ***совaлтен-совaлтен коштеш****.)*

‘Игроки встают в круг, взявшись за руки, и кружатся с песней в одну сторону. Игрок, ставший зайцем, стоит посередине круга и выполняет, следуя песне, нужные движения (подпрыгивает, притопывает, танцует, похлопывает).

Когда движутся по кругу в хороводе, поют так:
Серый заяц, попрыгай, – 2 раза
Вокруг себя покружись! – 2 раза
(Серый заяц в середине ходит подпрыгивая/прыгает.)
Серый заяц, попляши,
Вокруг себя покружись!
(Серый заяц в середине ходит приплясывая/пляшет.)
Серый заяц, потопай, – 2 раза
Вокруг себя покружись! – 2 раза
(Серый заяц в середине ходит топая/топает.)
Серый заяц, похлопай, – 2 раза
Вокруг себя покружись! – 2 раза
(Серый заяц в середине ходит хлопая в ладоши/хлопает в ладоши.)’

Обсудив этот материал с Е.В. Кашкиным и применив ряд тестов на грамматикализацию, мы обнаружили, что часть опрошенных носителей языка допускают возможность перестановки слов типа:

a) *Сур мераҥ покшелне* ***совaлтен-совaлтен коштеш*** (оригинал, см. последний куплет песни).

> b) *Сур мераҥ* ***совaлтен-совaлтен*** *покшелне* ***коштеш***.

Такая перестановка разрывает деепричастную конструкцию, что было бы веским аргументом против грамматикализации. Однако при этом происходит буквализация значения, т.е. заяц не может просто стоять в середине хоровода и хлопать, как, собственно, и происходит в игре, а обязательно именно ходит по кругу и хлопает[30]. При этом в русском литературном переводе этого тек-

[30] Кроме того, прямой порядок слов в марийском языке предполагает, что свободное деепричастие образа действия стоит ближе к глаголу, чем обстоятельство места. При осуществленной в ходе теста перестановке возникает смысловой акцент на значение «в середине», на что обратили внимание и наши информанты-носители языка.

ста с описанием игры, опубликованном в книге «Марийские народные игры» (2020), соответствующие формулировки не содержат слова «ходит»: «Заяц» хлопает в ладоши»; «Заяц прыгает и поворачивается»; «Заяц пляшет». (Абзац с топаньем в данной книге пропущен.) [Марийские народные игры, 2020, с. 92]. В многочисленных описаниях аналогичной русской игры, с которой марийская, по-видимому, является калькой, также не подразумевается «хождение» при выполнении движений. Ср. соответствующие формулировки: «Дети, стоя в кругу, топают ножками, руки при этом держат на поясе»; «Дети хлопают в ладоши»; «Дети поворачиваются»; «Дети подпрыгивают на двух ногах, кто как может»[31].

Таким образом, мы склоняемся к мнению, что грамматикализация *кошташ* здесь имеет место. Но допустимо интерпретировать эти конструкции с *кошташ* ‘ходить’, а также с дуративами *шинчаш* ‘сидеть’ и *шогаш* ‘стоять’, и как свободные сочетания деепричастия образа действия с глаголом. Лексическое значение спрягаемых глаголов, как уже отмечено, в этих сочетаниях с деепричастиями не отменяется – действия совершаются (точно или предположительно) сидя, стоя, на ходу.

По аналогичным причинам проблематично говорить о полноценной грамматикализации глагола *шогалаш* ‘встать’ (при выражении «законченности действия, совершающегося в положении стоя» [Исанбаев, 1978, с. 80]), а также с глаголом *шинчаш* ‘сесть’ (при описании законченности действий, завершающихся в положении сидя). Таковы в нашем списке выше деепричастные конструкции:

– *(нуным) алмаштен шогалаш* ‘(их) сменить’, букв. ‘(их) сменяя встать’[32];

– *(кидыштым) шуялтен шогалаш* ‘протянуть (руки)’, букв. (их руки) протягивая встать[33];

– *пурен шинчаш* ‘усесться, разместиться’, букв. ‘войдя сесть’[34].

Описанные в данных примерах действия происходят в положении стоя (первые два примера), сидя (третий пример), и поэтому утрата лексического значения глаголов *шогалаш* ‘встать’ и *шинчаш* ‘сесть’ под вопросом. К тому же модификатор *шогалаш* чаще сочетается с непереходными глаголами. «Сос-

---

[31] https://www.maam.ru/detskijsad/podvizhnaja-igra-s-detmi-ranego-vozrasta-1053519.html (дата обращения 30.04.2025)

[32] Контекст: *Чылан каен пытымек, мучаш мужыр нуным* ***алмаштен шогалеш***. ‘Когда все уйдут, последняя пара их сменяет’ (букв. их сменяя встает).

[33] Контекст: *А вес линийыште улшышт кидыштым* ***шуялтен шогалыт.*** ‘А находящиеся на другой линии протягивают руки’ (букв. протягивая встают).

[34] Контекст в КК: *маска чия ужалышым верышке* ***пурен шичмешкыже*** *кучышаш* ‘медведь должен поймать продавца красок до того, как он вернется (букв. войдя сядет) на место’. Конструкция *пурен шинчаш* ‘усесться, разместиться’ зафиксирована в [СМЯ, V, с. 348].

тавные глаголы, включающие модификатор *шогалаш*, образованы в марийском языке в основном от непереходных глаголов и обозначают законченность действия, совершающегося иногда в положении стоя» [Исанбаев, 1978, с. 79]. Е.В. Кашкин на обследованном им горномарийском материале также указывает на сочетаемость *шагалаш* ‘вставать’ (в качестве грамматикализованного) только с непереходными глаголами контролируемого перемещения, а также вхождения в новое состояние (*лиäш* ‘становиться’ (~ мар. ЛВ *лияш*) и *шоаш* ‘достигать’ (~ мар. ЛВ *шуаш*) [Кашкин, 2018, с. 183]. Вместе с тем, согласно словарю [СМЯ, IX, с. 168] и Брэдли [Bradley, 2016, с. 230], глагол *шогалаш* ‘вставать’ может сочетаться в деепричастных конструкциях и с переходными лексическими глаголами, как в приведенных здесь примерах из КК.

Приложение включает исчерпывающие сведения обо всех сложных глагольных комплексах, выявленных в КК: представлены все лексические глаголы, с которыми сочетается каждый модификатор, а также указано количество употреблений каждого лексического глагола, каждого модификатора и всех их сочетаний в тексте. В эту таблицу не вошли некоторые обнаруженные в КК сочетания деепричастия и глагола, относительно которых у нас возникли еще большие сомнения (есть грамматикализация или нет)[35]. Среди них, например, следующее, в котором можно усмотреть определенную степень грамматикализации спрягаемого глагола *кӱзаш* ‘подниматься’:

(6) *тоям* *але* *вошты́рым* *налыт* *да,* *ӱлыч* *мучаш*
палка.ACC или прут.ACC брать.NPST.3SG и снизу конец
гыч *кӱшкыла* *ик* ***кидым*** ***оптен*** ***кӱзат***
из вверх один рука.ACC класть.CVB подниматься.NPST.3PL
‘берут палку или прут и снизу вверх перехватывают руками’.

В данном контексте *кӱзаш* означает лишь направление движения рук при перехватывании палки (т.н. конании – способе жеребьевки[36]). Однако, по Брэдли, этот глагол в деепричастных конструкциях сочетается только с непереходными глаголами [Bradley, 2016, с. 177–178]. Здесь же лексический глагол *опташ* ‘класть’ переходный.

В определенном смысле аналогичен случай со спрягаемым глаголом *шинчаш*[I] ‘садиться’, который, согласно Брэдли [Bradley, 2016, с. 225], сочетается в деепричастных конструкциях только с непереходными глаголами, а в КК к нему примыкает деепричастие от переходного глагола *ваштáлташ*[II] ‘менять’:

---

[35] Например, не включено в итоговый список сочетание *тӧрген кудалына* ‘скачем’, букв. ‘подпрыгивая скачем’ и *тӧрген кудалмыла куржеш* ‘скачет’, букв. ‘словно скача подпрыгивая бежит’. Здесь *тӧрген* можно интерпретировать как деепричастие образа действия (тип бега лошади – возможно, галоп).

[36] Конаться – рус. устар. метать жребий.

(7) *Тиде* *жапыште* *модшо-влак* *верыштым*
этот время-INE играть.PTCTP.ACT.PL место.POSS.3PL.ACC
вашталтен ***шинчыт***
менять.CVB садиться.NPST.3PL
‘В это время игроки меняются местами (пересаживаются)’.

Тест на разбиение конструкции также указывает на отсутствие здесь грамматикализации:

(7а) *Тиде* *жапыште* *модшо-влак* *верыштым*
этот время-INE играть.PTCTP.ACT.PL место.POSS.3PL.ACC
вашталтен ***тенгылыш*** ***шинчыт***
менять.CVB лавка.INE садиться.NPST.3PL
‘В это время игроки, меняясь местами, садятся на лавку’.

При этом в марийском языке есть еще непереходный глагол *вашталташ*[I] ‘меняться’ (возвратный)[37], который в сочетании с тем же спрягаемым глаголом *шинчаш*[I] ‘садиться’ вполне образует деепричастные конструкции с ярко выраженной грамматикализацией спрягаемого глагола, например:

(8) *Чурийже* *кенета* ***вашталт*** ***шинче***
лицо.POSS.3SG вдруг изменяться.CVB сесть.1PST.3SG
‘Его лицо вдруг переменилось’ [Korp][38].

Но в КК такая деепричастная конструкция не встречается.

2. Некоторые морфосинтаксические свойства деепричастных конструкций в КК

2.1. Краткая (усеченная) форма деепричастия в деепричастной конструкции

В марийском языке n-овые деепричастия от глаголов 1-го спряжения имеют окончание *-ын*, 2-го спр. – *-ен*. В КК выявлено около 105 глаголов, деепричастия от которых участвуют в образовании деепричастных конструкций ис-

---

[37] При идентичных инфинитивах глаголы *вашталташ*[II] ‘менять’ и *вашталташ*[I] ‘меняться’ отличаются спряжением. И такое соотношение (непереходный глагол – первого спряжения, а переходный от той же основы – второго) в марийском языке носит достаточно систематический характер. Аналогичные примеры: *темаш*[I] ‘наполняться’ – *темаш*[II] ‘наполнять’, *кодаш*[I] ‘оставаться’ – *кодаш*[II] ‘оставлять’, *пӧрдаш*[I] ‘вращаться’ – *пӧрдаш*[II] ‘вращать (вытачивать на токарном станке)’, *велаш*[I] ‘литься’ – *велаш*[II] ‘лить’, *возаш*[I] ‘ложиться’ – *возаш*[II] ‘ронять’ и др. Данная особенность марийского спряжения отчасти сходна с наличием двух спряжений – объектного (определенного) и необъектного (неопределенного) – в угорских языках (венгерском, хантыйском). Вместе с тем в марийских словарях глаголы от одной основы с различным спряжением всегда фиксируются как отдельные словарные единицы.

[38] У Брэдли в списке лексических глаголов, сочетающихся с модификатором *шинчаш*[I], слово *вашталташ*[I] ‘меняться’ отсутствует [Bradley, 2016, с. 224].

следуемого типа. В том числе 42 глагола – первого спряжения и 63 – второго. Из глаголов 1-го спряжения 18 имеют в КК нулевой показатель деепричастия, т.е. т. н. краткую (или усеченную) форму:

аралалташ ‘сохраняться’,
виянгаш ‘усиливаться’,
куржталаш ‘бегать’,
кучылташ ‘использовать’,
кушкедалташ ‘порваться’,
кычкыралаш ‘крикнуть’,
логалаш ‘попасть’,
лугалташ ‘мешаться’,
чумалаш ‘пнуть’,
лупшалаш ‘хлестнуть’
нӧлталаш ‘взвести’,
ойлалаш ‘сказать’,
ӧндалалаш.RDP ‘обнять’,
пӧртылаш ‘вернуться’,
савырнылаш ‘(по)вертеться’,
тошкалаш ‘наступить’,
тунемаш ‘учиться’
шупшкедылаш ‘дергать’.

Примеры подобных усеченных форм в тексте КК:

– *аралалт кодын* ‘сохранился’ (сохраниться.CVB оставаться.PST2.3SG);

– *кычкырал ышта* ‘кричит’ (крикнуть.CVB *ышташ* ‘делать.NPST.3SG’);

– *кушкедалт пытыше* ‘изорванный’ (порваться.CVB *пыташ*.PTCP) и т.п.

Это соответствует и литературной норме их словоупотребления в «случаях, когда деепричастие непосредственно примыкает к другому глаголу или употребляется в сдвоенной форме» [Исанбаев, 1961, с. 34–35]. Как видим, все эти глагольные леммы содержат в своей основе не менее двух слогов, основу на *-л*, *-лт*, *-ҥ*, *-м*[39], как правило, включающую словообразовательные суффиксы (*-алт*, *-ал*, *-ылт*, *-ыл*, *-ем* и др.).

Глагол *логалаш* ‘попадать’ встречается в КК в деепричастных конструкциях дважды: один раз в краткой форме (*логал кертын* ‘смог попасть’), и второй раз – в полной, с показателем *-ын* (*логалын ок керт гын* ‘если не сможет попасть’). Аналогично и в краткой, и в полной форме представлено в КК деепричастие от глагола *лупшалаш* (в деепричастной конструкции *лупшал кертыт* ‘смогут ударить’ и в полной форме в случае свободного деепричастия, хотя «примыкая к другому глаголу»: *лупшалын логалта гын* ‘если, хлестнув, попадет’). В КК также имеется деепричастие *йоҥгалтын* (в полной форме) от глагола *йоҥгалташ* ‘звучать’, которое в Korp в сочетании с *керташ* ‘мочь’ и другими глаголами встречается и в полной, и в краткой форме. И, наоборот, деепричастие от глагола *куржталаш* ‘бегать’ в КК встречается только в краткой форме, а в Korp – и в полной и краткой. Данные примеры (*логал/логалын*, *лупшал/лупшалын, йоҥгалт/йоҥгалтын*, *кужтал/куржталын*) и др. аналогичные им подтверждают определенную свободу для некоторых глагольных основ сбрасывать показатель деепричастия *-ын*.

[39] Также суффикс *-ын* может выпадать при основе на *-ед, -ешт, -ышт, -ыж* [Исанбаев, 1961, с. 34].

2.2. «Строенные глаголы»

Интересны сочетания двух следующих друг за другом деепричастий и спрягаемого глагола – CVB+CVB+VERB. «Строенные» или «тройные» глаголы в марийском языке обсуждались ранее М.П. Чхаидзе [1960, с. 14–15], П. Дриусси (англ. triple (serial) verbs) [Driussi, 1992–1993, с. 11–13, 44–48], и границы внутренних пар в этих тройках могут быть разными: 1+(2+3) либо (1+2)+3. Встречаются и «тройки» из сцепления двух деепричастных конструкций: (1+(2)+3). Все эти разновидности строенных глагольных конструкций присутствуют в КК.

Например, конструкция 1+(2+3) с деепричастием образа действия на первом месте и последующей деепричастной конструкцией:

(9) *шупшылал-шупшылал* *йӱын* *колто*
пригубить.CVB.RDP пить.CVB слать.IMP.2SG
‘пригубив-пригубив выпей’;

(10) *йӧндеркален*[40] *савырныл* *керташ*
приспосабливаться.CVB поворачиваться.CVB мочь.INF
‘приспосабливаясь, уметь поворачиваться (петлять)’ и др.

Структура (1+2)+3) в КК, складывающаяся из деепричастной конструкции и модального глагола на третьей позиции, представлена в следующих примерах:

(11) *савырнен* *толын* *кертеш*
вернуться.CVB прийти.CVB мочь.NPST.3SG
‘может вернуться’;

(12) *модын* *ончыктен* *кертыт*
играть.CVB показывать.CVB мочь.NPST.3PL
‘могут сыграть’;

(13) *шофер-влакын* *пашаштышт* *вашлиялтше*
шофер.PL.GEN работа.INE.POSS.3PL встречаться.PTCP.ACT
движенийым ***ыштен*** ***ончыктен*** ***кертыт***
движение.ACC делать.CVB показывать.CVB мочь.NPST.3PL
‘могут выполнять движения, встречающиеся в работе шоферов’.

В этих примерах одна деепричастная конструкция на месте лексического глагола вкладывается в другую – с модальным глаголом.

Наиболее интересны примеры в КК сцепления двух деепричастных конструкций – *куржын мияш* ‘прибежать’ и *миен шуаш* ‘прибыть’:

(14а) *куржын* *миен* *шумекыже*
бежать.CVB прийти.CVB доходить.CVB.CONSEC.POSS.3SG
‘когда прибежит’;

[40] В записи этого слова сохранена оригинальная орфография (*йонд**е**ркален*), хотя нормативно – *йӧнд**а**ркален* [МОМ, 2011, с. 114]. В других словарях [СМЯ, 1990–2005; Beke, 1997–2001; Moisio, Saarinen, 2008] это редкое слово отсутствует.

(14b) *куржын* *миен* *шушылан*
бежать.CVB прийти.CVB доходить.PTCP.ACT.DAT
‘успевшему прибежать’;
(14c) *куржын* *миен* *шудымо*
бежать.CVB прийти.CVB не доходить. PTCP.NEG).
‘неуспевший прибежать’.

У среднего элемента здесь двойная функция: он является грамматикализованным для первой деепричастной конструкции и лексическим – для второй. В итоге в примерах 14a–c собственно лексическим является деепричастие на первой позиции (‘бежать’). Второе деепричастие выражает направление (приближение), а спрягаемый глагол на третьей позиции выражает совершенный вид (аспектуальный маркер).

Интересен также следующий «псевдостроенный» глагол в КК:

(15) *шӱртнен* *пурен* *кайыш*
споткнуться.CVB входить.CVB идти.1PST.3SG
‘споткнувшись упал’.

Раздельная запись второго и третьего элемента этой конструкции (*пурен кайыш*) нестандартна с точки зрения современной марийской орфографии. Нормативной является запись *пуренгаяш* ‘упасть’ [СМЯ, V, с. 355; МОМ, 2011, с. 239]. Это сложный глагол подчинительного типа[41], значение которого – «упасть» – совершенно не очевидно по сумме значений составляющих его глагольных лемм – «входить» + «идти» (входя идти). При слитной записи (*шӱртнен* ***пуренгаяш***) очевидно, что здесь сочетание свободного деепричастия и глагола (споткнувшись упасть)[42].

При этом существование сложного глагола *пуренгаяш* ‘упасть’ не исключает существования самостоятельной деепричастной конструкции *пурен каяш* ‘быстро войти куда-л., зайти за что-л.; въехать куда-л., заехать за что-л.; скрыться, исчезнуть’ [СМЯ, V, с. 347].

Интересен следующий пример строенного глагола, представляющего собой сцепление двух деепричастных конструкций – *кудал пураш* ‘заехать’ [Bradley, 2016, с. 214] и *пурен каяш* ‘войти, зайти’, который приведен в текстах Дриусси [Driussi, 1992–1993, с. 45] (из марийских материалов Э. Беке):

[41] Согласно терминологии Н.И. Исанбаева [1961, с. 35; 1961а, с. 62–63].

[42] В тексте КК есть еще один случай ненормативной (раздельной) записи глагола *пуренгаяш* ‘упасть’: *Шке семынышт кутырат, вошты̆лыт,* ***пурен каен*** *лум вузык лийын кынелытат, адак содор курык ӱмбак кӱзен, мунчалтен волат*. ‘По-своему болтают, смеются, **свалившись**, все в снегу встают и снова быстро забравшись на горку, скатываются’.

(16) *əmn̑ə̂-šatəc̑̌* *okat* *jüep,* *möŋgö* *kuδəš̑ko*
лошадь-PL NEG.NPST.3.ADD пить.PL обратно дом-INE
kŭδal ***pŭren*** ***kajat***
скакать.CVB. входить.CVB идти.NPST.3PL
‘лошади даже не пьют, обратно домой убегают’[43].

Дриусси отмечает, что третий элемент указывает здесь на направление действия, а второй – на цель (the target of the event). Таким образом, оба они выполняют служебную функцию по отношению к лексическому глаголу (*кудалаш* ‘скакать’), который стоит на первом месте в трехсоставной глагольной конструкции. Соответственно, данная конструкция по своей логической структуре аналогична рассмотренному выше примеру *куржын миен шуаш* ‘прибежать’.

2.3. Сложные и редуплицированные лексические глаголы в деепричастной конструкции

В КК встречаются случаи, когда в составе деепричастной конструкции в качестве лексического глагола выступает парный глагол[44] – *кушталташ-муралташ* ‘сплясать и спеть’. Этот лексический глагол сочетается в КК со спрягаемыми глаголами *пуаш* ‘давать’ (*кушталтен-муралтен пуат* ‘спляшут и споют’) и *ончыкташ* ‘показывать’, причем во втором случае записывается через запятую (*ончыктыза кушталтен, муралтен* ‘спляшите, спойте’ вместо ожидаемого *ончыктыза кушталтен-муралтен*)[45]. Глагольная лемма *кушталташ-муралташ* отсутствует и в большом 10-томном «Словаре марийского языка», и в орфографическом словаре [МОМ, 2011]. В этих справочных источниках содержится только глагол *мураш-кушташ* ‘петь и плясать, веселиться’ [СМЯ, IV, с. 99; МОМ, 2011, с. 158]. Во всех трех основных корпусах марийского языка глагол *кушталташ-муралташ* (с записью через дефис) встречается, хотя при поиске по базовой форме в Korp не обнаруживается (т.е. лемма *кушталташ-муралташ* отсутствует в словарях этих корпусов).

Иногда в КК лексический глагол (деепричастие) редуплицируется. Причем все эти случаи сдвоенных глаголов – в текстах песен, исполняемых в играх, например, в хороводной игре ручеек (*Вӱдла йоген модмаш*):

(17) *Йӧраталме* *танҝетым*
любить.ATT.PTCP.PASS друг.POSS.2SG.ACC
Ӧндалал-ӧндалал *колто.*
обнимать.ATT.CVB.RDP слать.IMP.2SG
‘Любимого друга (подругу) / Приобними-приобними’.

[43] Перевод предложения на английский в оригинале: ‘the horses do not drink, they run back towards the house’ [Driussi, 1992–1993, c. 45].

[44] Парный глагол или сложный глагол сочинительного типа – также терминология Н.И. Исанбаева [1961, с. 35; 1961а, с. 65].

[45] Об этом примере, интересном с точки зрения порядка слов в деепричастной конструкции, подробнее будет сказано ниже, в п. 2.4.

Остальные подобные случаи из песни про зайца приводились и обсуждались выше (см. п. 1):

– *кушталтен-кушталтен кошташ* ‘приплясывать’,

– *совалташ-совалташ кошташ* ‘прихлопывать (в ладоши)’,

– *таваltаш-таваltаш кошташ* ‘притопывать’,

– *тӧрштaltаш-тӧрштaltаш кошташ* ‘припрыгивать’.

2.4. Перестановка элементов деепричастной конструкции

Морфосинтаксические свойства деепричастных конструкций с грамматикализованным глаголом достаточно целенаправленно обсуждались [Кашкин, 2023, с. 433–437] (на горномарийском материале), в результате чего были сформулированы следующие выводы. «Сложные глагольные комплексы имеют ряд общих морфосинтаксических признаков:

– оформление грамматикализованного глагола показателями, которых требует внешний синтаксический контекст;

– недопустимость перестановки компонентов;

– недопустимость разрыва другими составляющими[46];

– возможность опущения грамматикализованного глагола при эллипсисе;

– маркирование лексического глагола аффиксами множественности» [Кашкин, 2023, с. 435].

Наш материал в целом подтверждает данные тезисы, однако имеются некоторые дополнения и возражения относительно второго и четвертого пунктов указанных выводов.

Вопреки утверждению «Перестановка компонентов сложного глагольного комплекса невозможна» [Кашкин, 2023, с. 434] в КК имеется пример перестановки деепричастия и спрягаемого глагола в тексте игрового диалога в хороводной игре:

(18) – *Кертына* *ме* *кушташат,* *мурашат!*
мочь.NPST.2PL мы плясать.INF.ADD петь.INF.ADD
‘Можем мы и петь, и плясать!’
– ***Ончыктыза*** ***кушталтен,*** ***муралтен***
показывать-IMP.2PL сплясать-CVB спеть-CVB
‘Спляшите, спойте’.

[46] Единицами, которые могут разрывать сложные глагольные комплексы, являются фокусные частицы *-ок, -ӓт, веле* [Кашкин, 2023, с. 435]. В луговом и восточном наречии марийского языка (и литературном лугово-восточном марийском языке) к арсеналу таких фокусных частиц, которые могут разрывать деепричастные конструкции, можно добавить *гына* ‘только, лишь’. В КК же есть примеры деепричастий только с фокусной частицей -ат в рассматриваемых конструкциях: *погена**т** моштем* ‘и собирать умею’, *оптена**т** моштем* ‘и складывать умею’, *сусыргена**т** кертеш* ‘может и травмироваться’.

И такой случай не уникален. Аналогичные инверсии деепричастия и глагола в повелительном наклонении (IMP.2PL) подтверждаются достаточно многочисленными корпусными данными. Всего при автоматическом поиске в Korp нашлось 59 случаев сочетания глагола из списка вспомогательных в форме 2PL и деепричастия[47]. Хотя некоторые из них являются сочетаниями со свободными деепричастиями, но большинство – именно деепричастные конструкции с инверсией, например:

(19) *Ом келше –* ***колтыза*** ***поктен***.
NEG.NPST.1SG нравиться.STEM слать.IMP.2PL гнать.CVB
‘Не нравлюсь – прогони́те’.

(20) *Те* ***шогыза*** ***полшен*** *мыланна*.
вы стоять.IMP.2PL помогать.CVB мы.DAT.POSS.2PL
‘Вы нам помогайте’.

(21) *Пушеҥгым кеч те* ***кодыза*** ***шынден***.
Дерево.ACC хоть вы оставить.IMP.2PL сажать.CVB
‘Вы хоть дерево посадите’.

(22) ***Толза*** ***чоҥештен****!*
приходить.NPST.2PL летать.CVB
‘Прилетайте!’ и мн. др.

Таким образом, перестановка компонентов в деепричастной конструкции возможна, во всяком случае, при данной конкретной форме модификатора (IMP.2PL), на материале лугового марийского языка. Но и опрошенные нами носители горного наречия марийского языка подтвердили возможность аналогичного порядка слов в той же фразе (из КК): *Анжыктыда мыралтен-кушталтен* (как разговорная форма). При подобной перестановке элементов выражаемая в повелительном наклонении просьба воспринимается как более настойчивая.

Что касается деепричастных конструкций с модальными глаголами (в частности, с *керташ* ‘мочь’), инверсия лексического и модального глагола в них вполне возможна[48], см. пример № 18 (первая строка).

2.5. Эллипсисы

Эллипсис в деепричастной конструкции в марийском языке – мало исследованная тема. Е.В. Кашкин, работая на горномарийском материале, заключает следующее: «В случае эллипсиса грамматикализованный глагол может быть опущен без утраты приемлемости предложения, в то время как опущение

[47] Исключая деепричастие *манын*, которое в такой позиции, как правило, является цитативом. О цитативе *манын* (CVB от глагола *манаш* ‘говорить’) в марийском языке см. статью [Толдова, Сердобольская, 2014].

[48] Перестановки элементов и эллипсисы в деепричастных конструкциях с модальными глаголами в [Кашкин, 2023, с. 373–375] не рассматривались.

лексического глагола при сохранении грамматикализованного глагола невозможно» и приводит следующий пример:

(23) a. *vas'a* ***cüdej-en*** ***kolt-en,*** *dä* *pet'a=at*
Вася удивляться-CVB посылать-PRET и Петя=add
cüdej-en.
удивляться-PRET
b. **vas'a* ***cüdej-en*** ***kolt-en,*** *dä* *pet'a=at*
Вася удивляться-CVB посылать-PRET и Петя=ADD
kolt-en.
посылать-PRET
'Вася удивился, и Петя тоже удивился' [Кашкин, 2023, с. 435].

Интерпретация данного примера не вызывает сомнений.

Но в КК встречается пример и несколько другого типа эллипсисов (при ответе на вопрос, при споре в диалоге и др., когда пропущенное слово находится в предыдущем предложении), в которых, наоборот, сохраняется грамматикализованный глагол, а лексический опускается. В частности, в диалоге, который является отрывком из художественной литературы с описанием игры в горелки[49], имеется эллипсис деепричастия в конструкции *поктен шуаш* 'догнать':

(24) – ***Поктен ок шу! Ок шу!*** *– маныт ӱдыр-влак.*
– ***Шуэш, шуэш****! – ӱчашат каче-влак.*
– ***Ок шу, ок шу****!*
– Эй, тореш йол, ***ыш шу*** *вет!*
'– Не догонит, не догонит! – говорят девушки.
– Догонит, догонит! – спорят парни.
– Не догонит, не догонит!
– Эх, косолапый, не догнал ведь!'

Обсуждение с носителями горномарийского литературного языка показало, что аналогичные неполные фразы могут быть и в горномарийской речи:

(24а) *– Поктен ак шо! Ак шо! – маныт ӹдырвлӓ.*
– Шоэш, шоэш! и т.д.

В деепричастных конструкциях со спрягаемыми модальными глаголами *керташ* 'мочь' и *мошташ* 'уметь' лексический глагол опускается достаточно свободно, что видно по следующим примерам из КК:

(25) *А кандра оза тыгай озорникым йолжо дене* ***чумал кертеш. Кертеш гын****, тудым весе ваштальта.*
'А хозяин веревки может пинать таких озорников ногой. Если сможет, его сменяет другой'.

[49] Из романа марийского писателя Вениамина Иванова «Тӱтан» («Буря»).

(26) – *Парең*г*ыжым* ***луктын моштет****?*
– ***Моштем****. Изай-ең*г*ай туныктеныт* (фрагментирование: эллипсис при ответе на вопрос).
‘– Картошку-то копать умеешь?
– Умею. Старший брат (дядя) и его жена научили’.

(27) *Шке декыже* ***конден сең*г*а*** *гын, пленный лиеш.* ***Ок керт*** *да вес тӱшкашке перна гын, садетат пленный лиеш.*
‘Если сможет к себе привести, будет пленным (приведенный). Если не сможет и угодит в другую команду, сам же и станет пленным’[50].

Подобные примеры пропуска лексического глагола, спаренного с модальным глаголом, представляются для марийского языка совершенно тривиальными, впрочем, как и пропуски в таких конструкциях не лексического, а, наоборот, модального глагола, как в следующем примере из КК:

(28) *Моло-влак туштым* ***туштен****, кӱчык йомакым каласкален але школ илыш гыч сценкым модын* ***ончыктен кертыт***.
‘Другие могут загадывать загадки, рассказывать короткие сказки или разыгрывать сценки из школьной жизни’.

Заключение

Методом сплошной выборки в исследованном корпусе текстов с описаниями игр (КК) было выявлено 150 сложных глагольных комплексов общим числом вхождений – 207 единиц. В целом в КК каждый пятый глагольный токен (407[51] из 2000) входит в состав того или иного сложного глагольного комплекса (в качестве лексического глагола или спрягаемого). Высокая насыщенность деепричастными конструкциями является характерной чертой марийских текстов с описаниями подвижных игр. Вероятно, такова в целом специфика текстов с описаниями действий (т.н. акциональных текстов). Учет и анализ каждой деепричастной конструкции в КК позволил выявить ранее не обсуждавшиеся в качестве вспомогательных глаголы марийского языка *ышташ* ‘делать’, *ончыкталташ* ‘показываться’, *налалташ* ‘браться’ и, кроме того, двадцать ранее не отмеченных в литературе пар-сочетаний модификаторов с лексическими глаголами. Обнаружен также достаточно интересный

[50] В данном примере происходит еще и замена модального глагола (мочь) синонимом: *сең*г*аш* > *керташ.*

[51] Общее число деепричастных конструкций в КК (207) умножаем на 2, поскольку деепричастная конструкция – это пара глаголов (207*2=414). Из полученного числа во избежание двойного учета вычитаем 3 (вложения одной деепричастной конструкции в другую: *савырнен толын керташ, ыштен ончыктен керташ, модын ончыктен керта*ш), еще 3 (пересечения деепричастных конструкций: *куржын миен шуаш*, 3 вхождения) и 1 случай записи варианта лексического глагола в скобках (п*ерен (лупшал) керташ*) = 407.

материал, иллюстрирующий нетривиальные морфосинтаксические свойства марийских деепричастных конструкций, а именно: «строенные глаголы» (конструкции CVB+CVB+VERB), сложные и редублицированные лексические глаголы в деепричастной конструкции, деепричастные конструкции с инверсией элементов (VERB+CVB), эллипсис лексического глагола.

Проведенный анализ грамматикализации глаголов в деепричастных конструкциях позволяет уточнить ранее полученные данные о соотношении глаголов разных лексико-семантических групп в текстах с описаниями игр (КК). Достаточно значительная часть вхождений глаголов движения (76 из 402) и контактного действия (40 из 304), а также часть глаголов ментального и зрительного действия (17 из 180) приходится на сложные глагольные комплексы, где они выступают в качестве модификатора. Фактически это функция служебного глагола, т.е. в таких контекстах данные предикаты точнее будет отнести к лексико-семантической группе глаголов базовых значений. Исходные и уточненные данные о соотношении глаголов разных лексико-семантических групп в КК представлены в таблице ниже и на диаграммах 1 и 2.

Таблица 2

Сто самых частотных глаголов в КК: лексико-семантические группы

Лексико-семантические группы глаголов	Число лемм (по основному значению леммы)	Число токенов (по основному словарному значению леммы)	Число токенов в функции модификатора в сложных глагольных комплексе (СГК)	Число токенов по контекстному значению (с учетом случаев грамматикализации в СГК)
Движение	29	402	76, но 15 из них – с сохранением основного значения[52]	341
Контакт	27	304	40	264
Звук	12	158	–	158
Ментал	16	180	17	163
База	15	368	65	486
«играть»	1	83	–	83
Всего	**100**	**1495**	**198**	**149**

[52] Речь идет о конструкциях с модификатором-глаголом позы (сидеть, стоять) в случаях, когда действие происходит стоя, сидя и т.п.

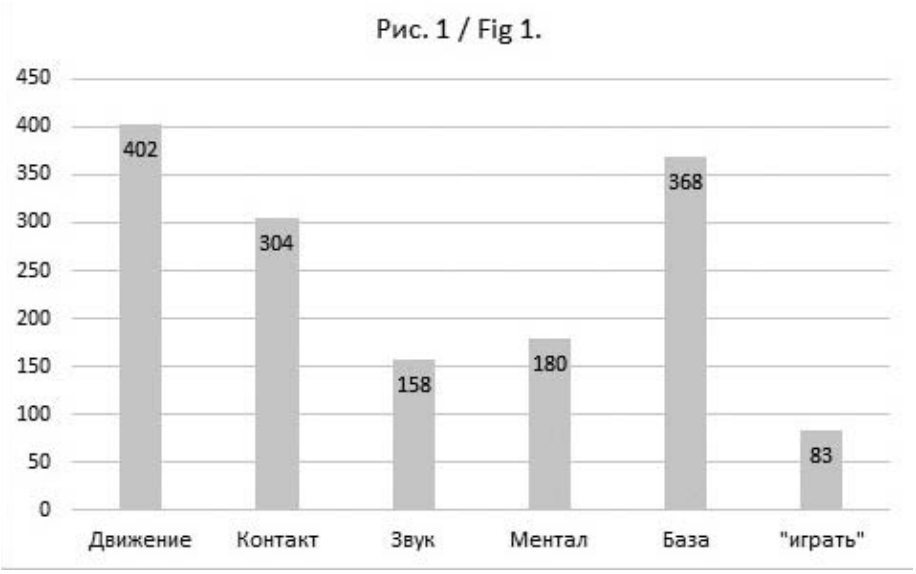

Рис. 1. Сто самых частотных глаголов в КК: соотношение глаголов разных лексико-семантических групп (в токенах), по основному словарному значению леммы

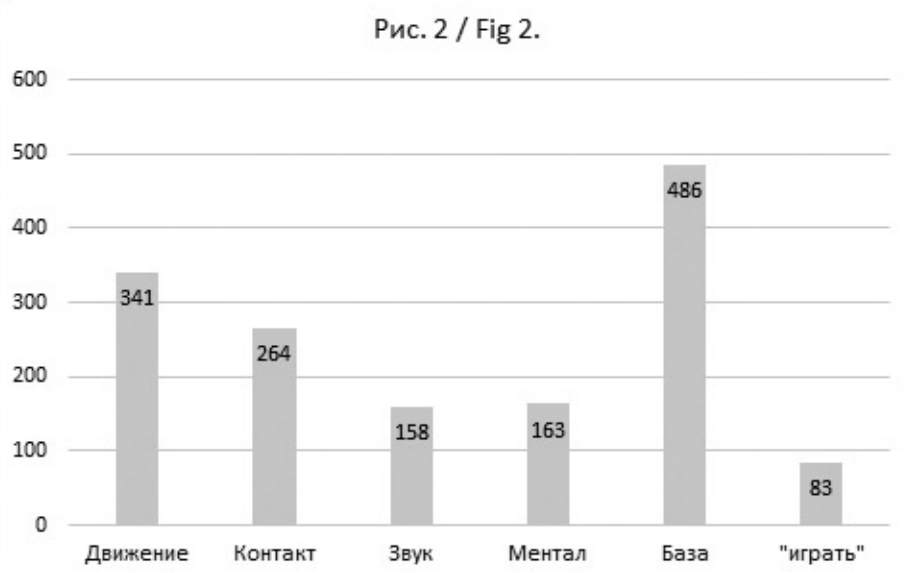

Рис. 2. Сто самых частотных глаголов в КК: соотношение глаголов разных лексико-семантических групп (в токенах), по основному словарному значению леммы, с учетом грамматикализации в деепричастных конструкциях

Следует отметить, что грамматикализация глаголов в марийском языке (и в тексте КК) не исчерпывается форматом деепричастных конструкций.

Например, глагол звукоизвлечения *манаш* ‘говорить, сказать, называть’ в 10 случаях (из 45) выступает в КК в качестве цитатива[53]; в 5 – в функции союза «чтобы». А для глаголов движения имеется 13 случаев использования в качестве компенсатора в конструкциях с причастиями, номинализированными глаголами на *-маш* и другими отглагольными существительными, например: *мутланымаш кая* ‘разговор идет’, *мутланымаш эрта* ‘разговор проходит’, *моло модышыжат, куштымаш-мурымашат лӱҥалтыш воктене эртен* ‘и другие игры, пляски-песни около качелей проходили’, *воштылмашкат верештеш* ‘будет осмеянным (букв. и на смех попадет)’, *сеҥышыш лектеш* ‘в победители выходит’ (7 вхождений в КК), *сеҥышыш савырнен* ‘превращался в победителя’, *модмаш шуйна* ‘игра продолжается (букв. тянется)’. В таких конструкциях (NMLZ+Verb, PTCP+Verb) семантика сложного предиката определяется значением первого элемента, а второй (спрягаемый глагол) свое основное словарное лексическое значение утрачивает (как и в сложных глагольных комплексах с лексическим деепричастием). Подобным образом в примере *йӱк лектеш* ‘звук выходит’ глагол движения *лекташ* ‘выходить’ служит для выражения звукоизвлечения (по семантике существительного, с которым сочетается).

Кроме разных видов грамматикализации на фактическое соотношение глаголов разных лексико-семантических групп в конкретном тексте влияет также фактор переносных и иных непрямых значений, например, глаголы движения нередко употребляются во временном значении (*йӱд толын* ‘ночь пришла’, *кече лектын* ‘солнце взошло (т.е. наступил день)’ и т.п.). В таких контекстах мы относим эти глаголы скорее к фазовым (группа базовых), чем к глаголам движения.

Наконец, поскольку, рассматривая соотношение разных лексико-семантических групп глаголов в КК, мы связываем это с системой игрового действия (анализом игры как конечной, главной целью), имеет смысл отсечь все случаи употребления глагольных форм в КК в посторонних, не имеющих отношение к игре контекстах (например, в рамочных текстах в начале и конце описания игры, когда автор дает некоторые общие замечания о практической пользе игры, об истории ее публикаций, попутно описывает праздник, во время которого игра происходила и т.п.). При исключении таких посторонних контекстов число словоупотреблений глагольных форм от ста самых частотных лемм в КК сокращается с 1494 до 1265. С учетом всей контекстной семантики (разные виды грамматикализации, переносные и прочие непрямые значения, исключение словоупотреблений в посторонних, не имеющих отношения к игровому

[53] Пример цитатива *манын* ‘сказать.CVB’: *«Бой!» манын кычкыралмек, мужыр-влак ваш-ваш кредылаш тӱҥалыт.* ‘Выкрикнув «Бой!», пары начинаются взаимно бороться’ (букв. ‘бой говоря выкрикнув’).

действию контекстах) соотношение глаголов разных лексико-семантических групп в КК выглядит следующим образом:

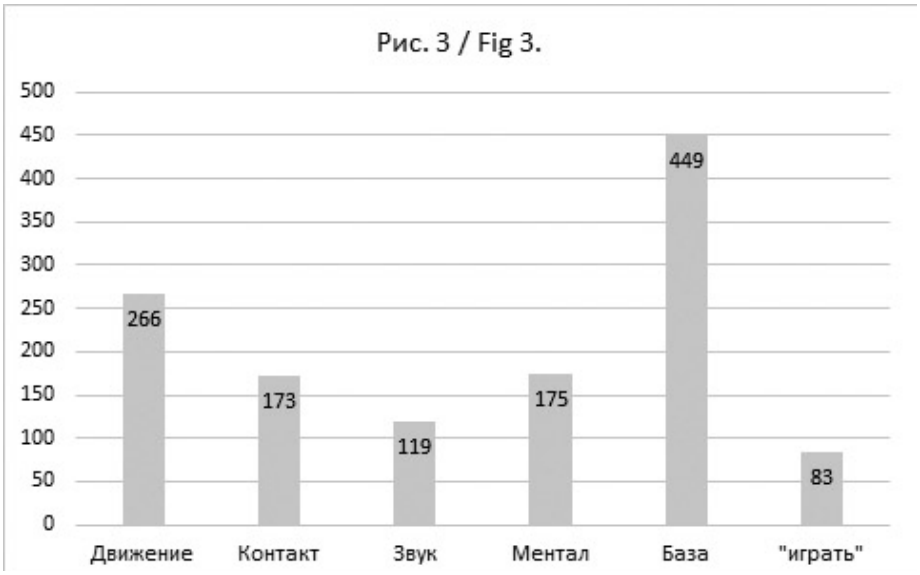

Рис. 3. Сто самых частотных глаголов в текстах с описаниями игрового действия в КК: соотношение глаголов разных лексико-семантических групп (в токенах), с учетом всех контекстных значений

Глаголы базовых значений оказались в токенах самыми многочисленными, потеснив на второе место глаголы движения. Подчеркнем, что для получения этого итогового результата по семантической классификации глаголов в КК (в токенах) самой объемной и трудоемкой частью анализа контекстной семантики был именно анализ грамматикализации в деепричастных конструкциях, изложенный в полном объеме в данной статье[54].

Статистические данные по всем сложным глагольным комплексам в КК см. в Приложении.

Приложение

В таблице 3 представлены полные статистические данные по всем сложным глагольным комплексам – число вхождений каждого из них в КК. Каждая деепричастная конструкция представлена дробно, как комбинация лексического и спрягаемого глагола (в смежных столбцах таблицы), указано число всех вхождений леммы и лексического, и спрягаемого глагола в КК. Деепри-

[54] Не случайно соотношение глаголов разных семантических групп на диаграммах 2 и 3 уже не сильно отличается.

частные конструкции представлены в таблице по алфавиту, по спрягаемым глаголам. Вновь выявленные сочетания лексических глаголов с грамматикализованными выделены жирным шрифтом, с неочевидной грамматикализацией – курсивом.

Таблица 3

Числовые данные по сложным глагольным комплексам в корпусе текстов с описаниями игр (КК)

		Лексический глагол в деепричастной конструкции и число всех его вхождений в КК	Спрягаемый глагол в деепричастной конструкции и число всех его вхождений в КК	Число сочетаний в КК
1.	1.1	шуйналташ[I] ‘тянуться’, 1	возаш[I] ‘ложиться’, 4	1
2.	2.1	мунчалташ[II] ‘скользить; катиться’, 18	волаш[II] ‘спускаться’, 14	3
3.	3.1	мунчалташ[II] ‘скользить; катиться’, 18	каяш[II] ‘идти’, 24	1
4.	3.2	эрташ[II] ‘проходить’, 10	каяш ‘идти’, 24	1
5.	4.1	верандаш[II] ‘размещать’, 1	керташ[I] ‘мочь’, 48	1
6.	4.2	виянаш[I] ‘усилиться; улучшаться’, 2	керташ ‘мочь’, 48	1
7.	4.3	йонгалташ[I] ‘прозвучать’, 2	керташ ‘мочь’, 48	1
8.	4.4	кочкаш[I] ‘есть’, 7	керташ ‘мочь’, 48	1
9.	4.5	кошташ[I] ‘ходить’, 13	керташ ‘мочь’, 48	1
10.	4.6	куандараш[II] ‘радовать’, 4	керташ ‘мочь’, 48	1
11.	4.7	кугемдаш[II] ‘увеличивать’, 1	керташ ‘мочь’, 48	1
12.	4.8	куржаш[I] ‘бежать’, 27	керташ ‘мочь’, 48	1
13.	4.9	куржталаш[I] ‘бегать’, 5	керташ ‘мочь’, 48	3
14.	4.10	кучаш[II] ‘держать’, 37	керташ ‘мочь’, 48	1
15.	4.11	кушталташ[II] ‘сплясать’, 7	керташ ‘мочь’, 48	1
16.	4.12	лияш[I] ‘быть, становиться’, 107	керташ ‘мочь’, 48	5
17.	4.13	логалаш[I] ‘попасть’ (логал кертын, логалын ок керт), 15	керташ ‘мочь’, 48	2
18.	4.14	логалташ[II] ‘попадать’, 6	керташ ‘мочь’, 48	1
19.	4.15	лупшалаш[I], 3	керташ ‘мочь’, 48	1
20.	4.16	лӱяш[II] ‘стрелять’, 6	керташ ‘мочь’, 48	1
21.	4.17	модаш[I] ‘играть’, 83	керташ ‘мочь’, 48	1
22.	4.18	модын[I] ончыкташ[II], 4	керташ ‘мочь’, 48	1
23.	4.19	муралташ[II] ‘петь-alt’, 14	керташ ‘мочь’, 48	1
24.	4.20	ончыкташ[II] ‘показывать’, 29	керташ ‘мочь’, 48	1
25.	4.21	палаш[II] ‘знать’, 13	керташ ‘мочь’, 48	1
26.	4.22	пераш[II] ‘ударять’, 22	керташ ‘мочь’, 48	1
27.	4.23	покташ[I] ‘гнать, догонять’, 15	керташ ‘мочь’, 48	1
28.	4.24	полшаш[II] ‘помогать’, 10	керташ ‘мочь’, 48	1

Продолжение таблицы 3

29.	4.25	пуэдашII ‘раздать’, 2	керташ ‘мочь’, 48	1
30.	4.26	савырнанII толашI, 1	керташ ‘мочь’, 48	1
31.	4.27	савырнылашI ‘поворачиваться’, 1	керташ ‘мочь’, 48	1
32.	4.28	сулалташI ‘выкупаться’, 1	керташ ‘мочь’, 48	1
33.	4.29	сусыргашII ‘повредиться, пораниться’, 1	керташ ‘мочь’, 48	1
34.	4.30	тӳкалташII ‘ткнуть’, 1	керташ ‘мочь’, 48	1
35.	4.31	чумалашI ‘пнуть; лягнуть’, 3	керташ ‘мочь’, 48	1
36.	4.32	шолышташI ‘красть’, 1	керташ ‘мочь’, 48	1
37.	4.33	шочашI ‘родиться’, 3	керташ ‘мочь’, 48	1
38.	4.34	шуйнашII ‘тянуться’, 5	керташ ‘мочь’, 48	1
39.	4.35	ыштенII ончыкташII, 3	керташ ‘мочь’, 48	1
40.	5.1	аралалташI ‘сменить’, 1	кодашI ‘остаться’, 14	1
41.	5.2	уташII ‘быть лишним’, 9	кодаш ‘остаться’, 14	1
42.	5.3	шогашII ‘стоять’, 22	кодаш ‘остаться’, 14	1
43.	6.1	виктарашII ‘выпрямлять’, 1	колташII ‘слать’, 28	1
44.	6.2	йӱашI ‘пить’, 3	колташ ‘слать’, 28	1
45.	6.3	каяшII ‘идти’, 24	колташ ‘слать’, 28	2
46.	6.4	**кӱдыртаташII ‘стучать, греметь, тарахтеть’, 1**	колташ ‘слать’, 28	1
47.	6.5	куржашI ‘бежать’, 27	колташ ‘слать’, 28	3
48.	6.6	нелашI ‘глотать’, 2	колташ ‘слать’, 28	1
49.	6.7	ойлалашI ‘говорить-att’, 1	колташ ‘слать’, 28	1
50.	6.8	ойлашII ‘говорить’, 21	колташ ‘слать’, 28	9
51.	6.9	**ӧндалалаш.RDP I ‘приобнимать’, 1**	колташ ‘слать’, 28	1
52.	6.10	ужаташII ‘провожать’, 1	колташ ‘слать’, 28	1
53.	6.11	шуашII ‘бросать’, 1	колташ ‘слать’, 28	1
54.	6.12	шӱлалташII, 1	колташ ‘слать’, 28	1
55.	7.1	покташII ‘гнать, догонять’, 5	кондашII ‘принести, привести’, 5	1
56.	8.1	кояшI ‘виднеться’, 4	кошташI ‘ходить’, 13	1
57.	8.2	***кушталташII*.RDP *‘поплясать’, 7***	кошташ ‘ходить’, 13	1
58.	8.3	*ончашII ‘смотреть’, 8*	кошташ ‘ходить’, 13	1
59.	8.4	***совалташII*.RDP *‘похлопать’, 4***	кошташ ‘ходить’, 13	1
60.	8.5	***тавалташII*.RDP *‘потопать’, 5***	кошташ ‘ходить’, 13	1
61.	8.6	***тӧрталташII*.RDP *‘прыгнуть’, 6***	кошташ ‘ходить’, 13	1
62.	8.7	тӧчаш ‘пытаться’, 7	кошташ ‘ходить’, 13	1
63.	8.8	шекланашII ‘наблюдать, следить’, 10	кошташ ‘ходить’, 13	1
64.	9.1	лияшI ‘быть, становиться’, 107	лекташI ‘выйти’, 30	1
65.	9.2	налашI ‘брать’, 26	лекташ ‘выйти’, 30	1
66.	9.3	толашI ‘прийти, приехать’, 25	лекташ ‘выйти’, 30	1
67.	10.1	налашI ‘брать’, 26	лукташI ‘выносить’, 16	1

Продолжение таблицы 3

68.	10.2	ойыраш^{II} ‘отделять; выбирать’, 13	лукташ ‘выносить’, 16	1
69.	10.3	пералташ^{II} ‘постучать’, 12	лукташ ‘выносить’, 16	2
70.	10.4	чумалаш^{I} ‘пнуть; лягнуть’, 3	лукташ ‘выносить’, 16	2
71.	11.1	куржаш^{I} ‘бежать’, 27	мияш^{II} ‘прийти; ходить’, 9	3
72.	12.1	кучылташ^{I} ‘использовать’, 9	мошташ^{II} ‘уметь’, 10	1
73.	12.2	лукташ^{I} ‘вынимать’, 16	мошташ ‘уметь’, 10	1
74.	12.3	опташ^{II} ‘класть’, 10	мошташ ‘уметь’, 10	2
75.	12.4	шекланаш^{II} ‘наблюдать, следить’, 10	мошташ ‘уметь’, 10	3
76.	13.1	ойыраш^{II} ‘отделять; выбирать’, 13	налаш^{I} ‘брать’, 26	2
77.	13.2	погаш^{II} ‘собирать’, 13	налаш ‘брать’, 26	1
78.	13.3	пурлаш^{I} ‘кусать’, 1	налаш ‘брать’, 26	1
79.	13.4	шижаш^{I} ‘чувствовать’, 3	налаш ‘брать’, 26	2
80.	14.1	**кӱрлаш^{I} ‘отрывать’, 1**	ойыраш^{II} ‘отделять; выбирать’, 13	1
81.	15.1	шогаш^{II} ‘стоять’, 22	ончаш^{II} ‘смотреть’, 8	1
82.	16.1	кушталташ^{II} ‘сплясать и спеть’, 2	ончыкташ^{II} ‘показывать’, 29	1
83.	16.2	модаш^{I} ‘играть’, 83	ончыкташ ‘показывать’, 29	4
84.	16.3	муралташ^{II} ‘петь’, 14	ончыкташ, 29	2
85.	16.4	**онараш^{II} ‘передразнивать’, 1**	ончыкташ ‘показывать’, 29	1
86.	16.5	сӱретлаш^{II} ‘рисовать’, 1	ончыкташ ‘показывать’, 29	1
87.	16.6	ышташ^{II} ‘делать’, 29	ончыкташ ‘показывать’, 29	2
88.	17.1	**ышташ^{II} ‘делать’, 29**	**ончыкталташ^{I} ‘показываться’, 1**	1
89.	18.1	**кушталташ-муралташ^{II} ‘сплясать и спеть’, 2**	пуаш^{II} ‘дать’, 10	1
90.	18.2	налаш^{I} ‘брать’, 26	пуаш ‘дать’, 10	1
91.	18.3	погаш^{II} ‘собирать’, 13	пуаш ‘дать’, 10	1
92.	19.1	тӧршташ^{II} ‘прыгать’, 5	пураш^{I} ‘войти’, 10	1
93.	20.1	кочкаш^{I} ‘есть’, 7	пытараш^{II} ‘закончить’, 9	1
94.	20.2	кучаш^{II} ‘держать’, 37	пытараш ‘закончить’, 9	1
95.	20.3	лӱйкалаш^{II} ‘стрелять’, 2	пытараш ‘закончить’, 9	1
96.	20.4	**лӱяш^{II} ‘стрелять’, 6**	пытараш ‘закончить’, 9	1
97.	20.5	налаш^{I} ‘брать’, 26	пытараш ‘закончить’, 9	1
98.	20.6	чумаш^{II} ‘пинать’, 1	пытараш ‘закончить’, 9	1
99.	21.1	каяш^{II} ‘идти’, 24	пыташ^{II} ‘кончаться’, 12	1
100.	21.2	кушкедалташ^{I} ‘порваться’, 1	пыташ ‘кончаться’, 12	1
101.	21.3	лугалташ^{I} ‘мешаться’, 1	пыташ ‘кончаться’, 12	1
102.	22	пӱчкедаш^{II} ‘резать; стричь’, 2	пышташ^{II} ‘класть’, 9	1
103.	23.1	куржаш^{I} ‘бежать’, 27	савырнаш^{II} ‘повернуться’, 17	1
104.	23.2	пӧрдаш^{I} ‘вращаться’, 9	савырнаш ‘повернуться’, 17	5

Продолжение таблицы 3

105.	24.1	**кондашII ‘принести, привести’, 5**	сеӈашII ‘победить’, 21	1
106.	24.2	**курҗталашI ‘бегать’, 5**	сеӈаш ‘победить’, 21	1
107.	24.3	ончылташII ‘обгонять’, 4	сеӈаш ‘победить’, 21	1
108.	24.4	**погашII ‘собирать’, 13**	сеӈаш ‘победить’, 21	1
109.	25.1	келшашII ‘нравиться, соглашаться’, 16	толашI ‘прийти, приехать’, 25	2
110.	25.2	куржашI ‘бежать’, 27	толаш ‘прийти, приехать’, 25	3
111.	25.3	пӧртылашI ‘возвращаться’, 2	толаш ‘прийти, приехать’, 25	1
112.	25.4	савырнашII ‘повернуться’, 17	толаш ‘прийти, приехать’, 25	1
113.	26.1	**модашI ‘играть’, 83**	чарнашII ‘переставать’, 2	1
114.	26.2	пӧрдашI ‘вращаться’, 9	чарнаш ‘переставать’, 2	1
115.	27.1	пурашII ‘войти’, 9	шинчашI ‘садиться’, 9	1
116.	28.1	***карашII (шинчам) ‘таращить (глаза)’, 1***	шинчашII ‘сидеть’, 1	1
117.	29.1	***алмашташ II ‘сменить’, 1 (нуным)***	шогалашI ‘встать’, 37	1
118.	29.2	кучашII ‘держать’, 37	шогалаш ‘встать’, 37	3
119.	29.3	мияшII ‘прийти; ходить’, 9	шогалаш ‘встать’, 37	1
120.	29.4	нӧлталашI ‘поднять’, 3	шогалаш ‘встать’, 37	1
121.	29.5	погынашII ‘собираться’, 11	шогалаш ‘встать’, 37	1
122.	29.6	савырнашII ‘повернуться’, 17	шогалаш ‘встать’, 37	1
123.	29.7	толашI ‘прийти, приехать’, 25	шогалаш ‘встать’, 37	1
124.	29.8	тошкалашI ‘ступить, шагнуть’, 2	шогалаш ‘встать’, 37	1
125.	29.9	***шуялташII ‘протянуть’ (кидыштым), 3***	шогалаш ‘встать’, 37	1
126.	30.1	ышташII ‘делать’, 29	шогалташII ‘ставить’, 3	1
127.	31.1	йогашII ‘литься, течь’, 3	шогашII ‘стоять’, 22	1
128.	31.2	кучашII ‘держать’, 37	шогаш ‘стоять’, 22	1
129.	31.3	кушкашI ‘расти’, 4	шогаш ‘стоять’, 22	1
130.	31.4	***нӧлталашI ‘поднять’, 3***	шогаш ‘стоять’, 22	1
131.	31.5	туныкташII ‘учить’, 6	шогаш ‘стоять’, 22	1
132.	31.6	***шупшкедылашI ‘тянуть, тащить; дёргать’, 1***	шогаш ‘стоять’, 22	1
133.	32.1	волашII ‘спуститься’, 14	шуашI ‘доходить’, 37	2
134.	32.2	кушкашI ‘расти’, 4	шуаш ‘доходить’, 37	3
135.	32.3	кӱзашII ‘подняться’, 5	шуаш ‘доходить’, 37	1
136.	32.4	**кылмашII ‘мерзнуть’, 2**	шуаш ‘доходить’, 37	1
137.	32.5	лекташI ‘выйти’, 30	шуаш ‘доходить’, 37	1
138.	32.6	лияшI ‘быть, становиться’, 107	шуаш ‘доходить’, 37	1
139.	32.7	мияшII ‘прийти, ходить’, 9	шуаш/шоаш (мар. Г), 37	5

Продолжение таблицы 3

140.	32.8	покташ^{II} ‘гнать, догонять’, 15	шуаш ‘доходить’, 37	7
141.	32.9	савырнашII ‘повернуться’, 17	шуаш ‘доходить’, 37	1
142.	32.10	толашI ‘прийти, приехать’, 25	шуаш ‘доходить’, 37	2
143.	32.11	тунемашI ‘учиться’, 2	шуаш ‘доходить’, 37	1
144.	33.1	пышташII ‘класть’, 9	шукташII ‘успеть’, 5	1
145.	33.2	шекланашII ‘наблюдать, следить’, 10	шукташ ‘успеть’, 5	1
146.	34.1	кылдашII ‘завязывать’, 4	шындашII ‘ставить’, 3	1
147.	34.2	кылмыкташII ‘замораживать’, 1	шындаш ‘ставить’, 3	1
148.	34.3	кыраш^{II} ‘быть, стучать’, 2	шындаш ‘ставить’, 3	1
149.	35.1	**канашашII ‘советовать’, 1**	**ышташII ‘делать’, 29**	1
150.	35.2	**кычкыралашI ‘крикнуть’, 13**	**ышташ ‘делать’, 29**	1
				207

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; 1PST – первое прошедшее время; ACC – акузатив; ATT – аттенуатив; CVB и CVB.GEN – n-овое (общее) деепричастие; CVB.CONSEC – деепричастие следования; DAT – датив; IMP – повелительное наклонение; INF – инфинитив; NEG – отрицательная форма; NOM – номинатив; NMLZ – номинализация; NPST – непрошедшее время (настояще-будущее); PART – частица; PL – множественное число; POSS – притяжательная форма; PRET = PST2; Prt2 = PST2 – второе прошедшее время; PTCP – причастие; PTCP.ACT – действительное причастие; PTCP.PASS – страдательное причастие; PTCP.PROSP – проспективное причастие; RDP – редупликация; SG – единственное число; STEM – основа слова; Verb – глагол, V.Ger.Gen – деепричастие (метка в Korp); букв. – буквально; рус. – русский; СГ – спрягаемый глагол; устар. – устаревшее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.М. Записки о грамматике народа мари. Материалы для этимологии и синтаксиса. Казань: Первая тип. Сов. Рабоч. и Красноар. Депутатов, 1918. 80 с.

Васильев В.М. Элементарная грамматика марийского языка. Пособие при изучении мар. языка. Краснококшайск: Изд. Мар. Обл. отд. народ. образования, 1927. 75 с.

Васильев Ф. Пособіе къ изученію черемисскаго языка на луговомъ нарѣчіи Протоіерея Ѳеодора Васильева. Казань: Изд. Православнаго Миссіонерскаго о-ва, 1887. ix-+110+iv+65 с.

Голосов Ф.В. Голосов. Дистрибуция легких глаголов *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’ в горномарийском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. Вып. 2. С. 28–45.

Голосов Ф.В. Синтаксис и семантика легких глаголов-телисизаторов в горномарийском и чувашском языках. Выпускная квалификационная работа бакалавра. М.: НИУ ВШЭ. 2019. 126 с.

Гращенков П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. 264 с.

Исанбаев Н.И. Деепричастие в марийском языке. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961. 150 с.

Исанбаев Н.И. Классификация марийских глаголов по образованию // Вопросы языка, литературы и фольклора (Труды МарНИИ. Вып. XV). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961а. С. 59–74.

Исанбаев Н.И. Общее и отличительное в составных глаголах марийского и поволжско-тюркских языков // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 59–90.

Исанбаев Н.И. Аналитические формы модальности в марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 7–56.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. 208 с.

Кашкин Е.В. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Междунар. симп. (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чув. ун-та, 2018. С. 178–184.

Кашкин Е.В. Сложные глагольные комплексы // Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / отв. ред. Е.В. Кашкин. М.: «Буки Веди», 2023. С. 432–477.

Китиков А.Е. Марий калык модыш (=Марийские народные игры). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. 60 с.

Ключева М.А. Корпусное исследование глагольной лексики в марийских народных играх: частотность, ключевость // Финно-угроведение. 2024. № 1 (65). С. 21–51.

Ключева М.А. Лексика игр в классики в марийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2024а. № 20 (2). С. 295–336.

Ключева М.А. Соотношение исконной финно-угорской лексики и заимствований в стослове самых частотных глаголов марийского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследования. 2025. № 1. С. 35–49.

Корпус лугового марийского языка / Тимофей Архангельский (ВШЭ, Гамбургский университет). URL: https://meadow-mari.web-corpora.net (дата обращения 30.04.2025)

МОМ – Марий орфографий мутер (=Марийский орфографический словарь) / отв. ред. И.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 368 с.

Марийские народные игры / сост. С.Д. Архипова. Йошкар-Ола: РО «Союз писателей России», 2020. 120 с.

Саваткова А.А., Учаев З.В. Краткий грамматический очерк марийского языка // Марийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1956. С. 793–863.

Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

СМЯ – Словарь марийского языка: в 10 т. / гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005.

Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Толдова С.Ю., Сердобольская Н.В. Глагол речи *manaš* в марийском языке: особенности грамматикализации // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 109–134.

Учаев З.В. Марий йылме. Мут вашталтмаш / Йылмым келгынрак тунемше-влаклан (=Марийский язык. Словоизменение / для углубленного изучения). Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1995. 216 с.

Учаев З.В., Матросова Л.С., Максимов В.Н. Марий йылме. Учеб. пособий. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2022. 352 с.

Черемисская грамматика [Альбинский А.Д.]. Казань: Печатано въ университетской типографіи, 1837. ii+248 с.

Чхаидзе М.П. Чхаидзе. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 108 с.

Beke Ö. Mari Nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV_{1-9}. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 1997–2000, 3332 s.

Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance. PhD thesis. Vienna: University of Vienna. 2016. 316 p.

Bradley J. Bradley, Pischlöger Ch. Converb constructions in Mari and Udmurt. Russian loanwords as a metric of productivity. Finnisch-Ugrische Forschungen. 2021. No. 66. P. 5–55.

Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1992–1993. № 16/17. P. 59–105.

Korp. Mari Meadow texts / J. Bredly; University of Vienna, University of Tromsø – The Arctic University of Norway (electronic resource). URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mhr#?lang=en&stats_reduce=word&cqp=%5B%5D (дата обращения: 30.04.2025).

Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. xix+924 s.

Maria Klyucheva

COMPLEX VERBS IN THE MARI TEXTS WITH DESCRIPTIONS OF FOLK OUTDOOR GAMES

Intoduction. Introduction. The article deals with complex verbs (gerund and compound verbs) in texts containing descriptions of Mari traditional outdoor games. **The purpose of the article** is to evaluate the content, volume, semantics of gerund constructions with grammaticalized and modal verbs in these texts. **Materials and methods.** The study is based on the book by A.E. Kitikov "Mari Folk Games", 1990, in Mari). Method of total examining, analysis of contextual semantics, statistical methods (evaluation of quantitative data on complex verb forms in the text) are used. **Research results, discussions.** The research revealed pairs of lexical and grammaticalized verbs that had not been previously considered in the scientific literature, and even some new cases of grammaticalization of verbs: *âštaš* 'to do', *onč̌âktaltaš* 'to be depicted', *nalaltaš* 'to be taken'. Some significant morphological and syntactic properties of complex verb constructions in the Mari language are also considered, in particular: constructions of three verbs (CVB+CVB+VERB), complex and reduplicated used instead of a lexical verb, inversions of elements, ellipses of a lexical verb. **Conclusion**. Practical result of our research is significant within the framework of a comprehensive study of verbal vocabulary in Mari texts with descriptions of folk games (based on "Mari Folk Games" by A.E. Kitikov). In particular, a semantic classification of verbs in these texts was previously given according to the main dictionary meaning of verb lemmas. Verbs of motion (displace-

ment), contact impact, sound extraction, mental action and verbs of basic meanings were identified. The latter include verbs of being and existence, modal verbs, phase and auxiliary verbs, etc. The analysis of the process of grammaticalization allowed us to take into account the contextual semantics of each verbal usage and adjust the mutual quantitative indicators of lexical and semantic groups of verbs in the text. Verbs of basic meanings are the most commonly used in texts, while verbs of motion follow them.

Keywords: Uralic languages; Finno-Ugric languages; the Mari language; folk games; gerund constructions; complex verbs; grammaticalization; contextual semantics; actionality.

REFERENCES

Vasil'jev V.M. Zapiski o grammatike naroda mari. Materialy dlja etimologii i sintaksisa [Notes on the grammar of the Mari people. Materials for etymology and syntax]. Kazan', Pervaja tipografija Sovetskih Rabochih i Krasnoarmejskih Deputatov, 1918, 80 p. (In Russian).

Vasil'jev V.M. Elementarnaja grammatika marijskogo jazyka. Posobie pri izuchenii marijskogo jazyka [Elementary grammar of the Mari language. A guide to learning the Mari language]. Krasnokokshajsk, Izdanie Marijskogo Oblastnogo otdelenija narodnogo obrazovanija, 1927, 75 p. (In Russian).

Vasil'jev F. Posobie k izucheniju cheremisskago jazyka na lugovom narѣchii Protoiereya Ѳeodora Vasil'jeva [A guide to learning the Cheremis language in the Meadow dialect of Archpriest Theodore Vasilyev]. Kazan', Izdanie Pravoslavnago Missionerskago obshhestva, 1887, ix+110+iv+65 p. (In Russian and In Mari).

Golosov F.V. Golosov. Distribucija legkih glagolov *keäš* 'uyti' i *koltaš* 'poslat' v gornomarijskom jazyke [Distribution of light verbs *keäš* 'to go' and *koltaš* 'to send' in Hill Mari]. Tipologija morfosintaksicheskih parametrov, 2018, vol. 1, iss. 2, pp. 28-45. (In Russian).

Golosov F.V. Sintaksis i semantika legkih glagolov-telisizatorov v gornomarijskom i chuvashskom jazykah [Syntax and semantics of light verbs-telisizers in the Hill Mari and Chuvash languages]. Moscow, Vysshaj shkola economici, 2019, 126 p. (In Russian).

Grashhenkov P.V. Tjurkskie konverby i serializacija: sintaksis, semantika, grammatikalizacija [Turkic Converbs and Serialization: Syntax, Semantics and Grammaticalization]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, 264 p. (In Russian).

Isanbaev N.I. Deeprichastie v marijskom jazyke [The Converb in the Mari language]. Yoshkar-Ola, Marknigoizdat, 1961, 150 p. (In Russian).

Isanbaev N.I. Klassifikacija marijskih glagolov po obrazovaniju [Classification of Mari verbs by formation]. *Voprosy jazyka, literatury i fol'klora.* Yoshkar-Ola, Marknigoizdat, 1961, pp. 59-74. (In Russian).

Isanbaev N.I. Obshhee i otlichitel'noe v sostavnyh glagolah marijskogo i povolzhsko-tjurkskih jazykov [Common and Distinctive Features in Compound Verbs of the Mari and Volga-Turkic Languages]. *Voprosy marijskogo jazyka.* Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 1978, pp. 59-90. (In Russian).

Isanbaev N.I. Analiticheskie formy modal'nosti v marijskom jazyke. Voprosy marijskogo jazyka [Analytical forms of modality in the Mari language. Questions of the Mari language].

Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 1982, pp. 7-56. (In Russian).

Isanbaev N.I. Marijsko-tjurkskije jazykovye kontakty. Ch. 2. Slovar' tatarskih i bashkirskih zaimstvovanij [Mari-Turkic language contacts. Pt. 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 1994, 208 p. (In Russian).

Kashkin E.V. Slozhnye glagol'nye kompleksy [Complex verb constructions]. Elementy gornomarijskogo jazyka v tipologicheskom osveshhenii. Ed. by E.V. Kashkin. Moscow, «Buki Vedi», 2023, pp. 432-477. (In Russian).

Kashkin E.V. Grammatikalizacija gornomarijskih glagolov pozicii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs]. *Yazykovyye kontakty narodov Povolzh'ja i Urala. XI Mezhdunarodnyj simpozium, Cheboksary, 21-24 May 2018 g. Sbornik statej.* Cheboksary, Chuvashskij Universit, 2018, pp. 178-184. (In Russian).

Kitikov A.E. Marij kalyk modysh [Mari folk games]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 1990, 60 p. (In Mari).

Korpus lugovogo marijskogo jazyka. Timofej Arkhangelskij. Available at: https://meadow-mari.web-corpora.net (accessed 12 May 2024). (In Russian).

Kljucheva M.A. Korpusnoe issledovanie glagolnoj leksiki v marijskih narodnyh igrah: chastotnost', kljuchevost' [A corpus-based analysis of the verb vocabulary in Mari folk games: frequency, keyness]. *Finno-Ugrovedenie,* 2024, no. 1 (65), pp. 21-51. (In Russian).

Kljucheva M.A. Leksika igr v klassiki v marijskom jazyke [Vocabulary for hopscotch in the Mari language]. *Acta Linguistica Petropolitana,* 2024a, no. 20 (2), pp. 295-336. (In Russian).

Kljucheva M.A. Sootnoshenie iskonnoj finno-ugorskoj leksiki i zaimstvovanij v stoslove samyh chastotnyh glagolov marijskogo jazyka [Native words of Finno-Ugric origin vs. borrowings in the top 100 most frequent verbs in the Mari language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskih i antropologicheskih issledovanij,* 2025, no. 1, pp. 35-49. (In Russian).

Marijskie narodnyye igry [Mari folk games]. Yoshkar-Ola, RO «Sojuz pisatelej Rossii», 2020, 120 p. (In Russian).

Marij orfografij muter [Mari Spelling Dictionary]. Ed. by I.G. Ivanov. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2011, 368 p. (In Mari).

Savatkova A., Uchaev Z. Kratkij grammaticheskij ocherk marijskogo jazyka. Marijsko-russkij slovar'. [A concise grammatical overview of the Mari Language. Mari-Russian dictionary]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1956, pp. 793-863. (In Russian).

Serebrennikov B.A. Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskih jazykah permskoj i volzhskoj grupp [Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permic and Volgaic groups]. Moscow, Akademija nauk ASSR, 1960, 300 p. (In Russian).

Slovar' marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari language]. Ed. by I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990-2005. (In Russian and In Mari).

Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija [Contemporary Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 324 p. (In Russian).

Toldova S.Ju., Serdobolskaja N.V. Glagol rechi *manash* v marijskom jazyke: osobennosti grammatikalizacii [Verb of speech *manaš* in Mari: Grammaticalization properties]. *Voprosy jazykoznanija,* 2014, no. 6, pp. 109-134. (In Russian).

Uchaev Z.V. Marij jylme. Mut vashtaltmash [Mari language. Inflection]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995, 216 p. (In Mari).

Uchaev Z.V., Matrosova L.S., Maksimov V.N. Marij jylmen [Mari language]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2022, 352 p. (In Mari).

Cheremisskaja grammatika [Cheremis grammar]. Kazan', Pechatano v universitetskoj tipografii, 1837, ii+248 p. (In Russian).

Chhaidze M.P. Sparennye glagoly v marijskom jazyke [Paired verbs in the Mari language]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960, 108 p. (In Russian).

Beke Ö. Mari Nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV1-9. Savariae, Berzsenyi Dániel Főiskola, 1997-2000, 3332 p. (In Hungarian).

Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance. Ph. D. thesis. Vienna, University of Vienna, 2016, 316 p. (In English).

Bradley J., Pischlöger Ch. Converb constructions in Mari and Udmurt. Russian loanwords as a metric of productivity. *Finnisch-Ugrische Forschungen,* 2021, no. 66, pp. 5-55. (In English).

Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen,* 1992-1993, no. 16/17, pp. 59-105. (In English).

Korp. Meadow Mari texts – Korp. Meadow Mari texts. J. Bredly; University of Vienna, University of Tromsø – The Arctic University of Norway. URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mhr#?lang=en&stats_reduce=word&cqp=%5B%5D (accessed 30 April 2025).

Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008, xix+924 p. (In German).

Ключева Мария Аркадьевна
кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола,
старший научный сотрудник
Института системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН,
г. Москва
e-mail: keymachine@yandex.ru

Maria Klyucheva
Candidate in Theory and History of Art, Senior Researcher of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola,
Senior Researcher, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences,
Moscow
e-mail: keymachine@yandex.ru

УДК 811.511.1
DOI DOI 10.51254/2312-0312-2025-2-70-47-57

О ФУНКЦИЯХ ПОЭТОНИМОВ В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ю.К. ВЭЛЛЫ

© 2025 г. С.Б. Куклина, Ю.В. Исламова

Введение. Статья посвящена выявлению специфики функций имен собственных в поэзии Ю.К. Вэллы. Имя собственное представляет собой важнейший элемент художественной системы любого произведения литературы, несущий символический, ассоциативный и культурологический потенциал. Оно становится своего рода кодовым элементом, раскрывающим смыслы, скрытые от поверхностного восприятия текста. Личные имена, используемые Ю.К. Вэллой, отличаются богатством семантической нагрузки, отражают многогранность характера персонажей, подчеркивая уникальные черты каждого персонажа и передавая глубинные философские размышления автора о жизни, любви, судьбе и предназначении человека. **Цель исследования** заключается в детальном анализе способов употребления личных имен в произведениях автора, выявлении закономерностей их включения в художественный текст и определении той роли, которую они играют в формировании образа лирического героя, создании эмоциональной атмосферы стихотворений и передаче авторского замысла. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили два произведения Ю.К. Вэллы «Жизнь, дающая силы и мне» и «Песнь хозяйки Агана». Для достижения поставленной цели применялись следующие методы исследования: описательно-аналитический, этнографический, контекстуально-лингвистический анализ. Методы реализованы посредством таких приемов, как наблюдение, детальное изучение текста, интерпретация и аналитическая обработка материала. **Результаты исследования, обсуждение.** Исследование позволило систематизировать и описать многообразие функций имён собственных в указанных произведениях Ю.К. Вэллы. Выделены и проанализированы следующие функции: аллюзивная, содержательная, текстообразующая, локализационная, структурообразующая и экспрессивная. Эти функции существенно влияют на восприятие читателями художественного замысла и способствуют глубокому пониманию творчества поэта. **Заключение.** Анализ поэтических текстов Ю.К. Вэллы показал, что имена собственные активно

участвуют в формировании смыслового пространства произведений, выполняя важные семантические и эстетические роли. Они выступают выразительными средствами, придающими особую значимость образному строю стихов и несущими значительную стилистическую нагрузку.

Ключевые слова: поэтическая ономастика; поэтоним; семантическая значимость; функции поэтонимов; топоним; гидроним; антропоним.

Введение

Ономастика как наука об именах собственных возникла достаточно давно, но её становление в современном статусе произошло лишь в 50–60 гг. XX века. Исходя из лингвистических характеристик имён собственных, выделяют различные направления ономастики: современная и историческая, теоретическая и прикладная, реальная и поэтическая, литературная и диалектная. Данная работа написана в русле поэтической ономастики.

Поэтическая ономастика (ономатопоэтика) – раздел ономастики, изучающий любые поэтонимы[1] в художественных литературных произведениях: способы их создания, стиль, функционирование в тексте, читательскую перцепцию[2]: а также мировоззрение и эстетические установки автора [Подольская, 1988, с. 96].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что литературная ономастика является одним из популярных направлений современного языкознания. Изучение поэтонимов способствует познанию языковой картины мира и раскрытию замысла автора. Описание художественных систем, написанных ими произведений, будет неполным без изучения имен собственных. Изучение функций поэтонимов в тексте позволяет провести более глубокую и детальную интерпретацию созданного автором текста.

Цель данной работы заключается в выявлении и систематизации специфических функций имён собственных в лирическом наследии Ю.К. Вэллы.

Материалы и методы

В процессе написания работы были задействованы такие методы исследования, как описательно-аналитический, этнографический метод контекстуального и лингвистического анализа. Реализация данных методов происходит с помощью таких приёмов, как наблюдение, изучение, интерпретация, анализ.

Научная база исследования функций поэтонимов весьма обширна: А.В. Суперанская [1973], В.М. Калинкин [1999], И.Б. Воронова [2000], М.С. Алиева [2006], А.Н. Деревяго [2008], В.Б. Гурцкая [2009], Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун [2015], Т.А. Буркова [2016], И.Н. Апоненко [2018] и др. Несмотря на значи-

[1] Термин «поэтоним» был введён В.М. Калинкиным для обозначения онима в художественном тексте [Калинкин, 1999, с. 62].

[2] Т.е. восприятие [Ушаков, 1939, т. 3, с. 238].

тельное внимание литературоведов, критиков, лингвистов, этнологов, краеведов, историков к творчеству Ю.К. Вэллы[3], функции имён собственных в его лирике остаются неизученными.

Результаты исследования, обсуждения

В данной статье будут рассмотрены три ключевые группы имен собственных, встречающихся в произведениях Ю.К. Вэллы: топонимы, среди которых выделяются гидронимы, обозначающие водоёмы и реки; графические комплексы, включающие особые визуальные формы написания имён собственных, придающие дополнительную смысловую нагрузку, и, наконец, антропонимы, представляющие собой личные имена героев произведений.

Современная лингвистика предлагает разнообразные подходы к классификации функций поэтонимов. Среди множества существующих классификаций наиболее релевантными для нашего исследования оказываются типологии, предложенные такими учёными, как В.М. Калинкин и А.В. Букач. Именно их концепции станут методологической основой нашей работы, позволяя всесторонне проанализировать роль и значение каждого типа имён собственных в литературе Ю.К. Вэллы.

Современная лингвистика предлагает разнообразные подходы к классификации функций поэтонимов. Среди множества существующих классификаций наиболее релевантными для нашего исследования оказываются типологии, предложенные такими учёными, как В.М. Калинкин и А.В. Букач. Именно их концепции станут методологической основой нашей работы, позволяя всесторонне проанализировать роль и значение каждого типа имён собственных в литературе Ю.К. Вэллы.

В своём фундаментальном исследовании «Поэтика онима», В.М. Калинкин выделяет пять основных функций поэтонимов, используемых А. Вилкон:

1. Локализующая функция обеспечивает привязку сюжета произведения к конкретному месту и временному периоду, создавая чёткую географическую и хронологическую перспективу.

2. Социологическая функция: путём обозначения среды обитания героя, принадлежности к социальному слою или национальности имя собственное становится важным индикатором социальной характеристики персонажа.

---

[3] Юрий Кылевич Вэлла (12 марта 1948 – 12 сентября 2013)– ненецкий и хантыйский поэт, прозаик, публицист. В его творчестве прослеживается связь человека и природы. Выбор темы диктуется верностью традициям северного образа жизни, любовью к Родине, вниманием к экологическим проблемам. Например, к таким как отрицательное влияние нефти на окружающую среду, истребление животных и вырубка лесов. Его произведения печатались на трёх языках – ненецком, хантыйском и русском, и были переведены на эстонский, немецкий и французский языки [18].

3. Аллюзивная функция используется для включения скрытых отсылок к известным лицам, событиям или местам, создавая дополнительные слои понимания и обогащая подтекст произведения.

4. Содержательная функция реализуется путем прямой или метафорической идентификации персонажей и объектов повествования, помогая лучше понять внутренний мир героев и природу изображаемых явлений.

5. Экспрессивная функция подчёркивает эмоциональную окраску имени, способствуя созданию особого настроя и атмосферы произведения, отражая отношение автора к персонажу или объекту описания. Эти функции позволяют комплексно анализировать вклад имен собственных в формирование структуры и содержания литературного произведения, обеспечивая глубокий уровень восприятия художественного материала [Калинкин, 1999, с. 239].

Букач А.В. предложил оригинальную типологию функций имён собственных (далее ИС) в рамках художественного текста, выделив шесть ключевых аспектов их функционирования:

1. Выделительная и группирующая функция: ИС используются для акцентирования внимания читателей на определенных группах персонажей или сюжетных элементах, организуя пространство повествования и формируя связи между различными элементами текста.

2. Эстетическая функция: благодаря использованию особых звучаний, ритмических качеств и уникальных комбинаций звуков, ИС способствуют формированию поэтического восприятия текста, оказывая эстетическое влияние на восприятие читателя.

3. Структурообразующая функция: ИС выступают маркерами границ отдельных частей текста, подчеркивая композиционные рамки и организуя внутреннее строение произведения.

4. Редуцирующая функция: использование ИС сокращает объём изложения, заменяя развернутые описания компактными знаками, позволяющими мгновенно идентифицировать персонажей и объекты.

5. Образная функция: проявляется в способности ИС служить источником сравнения и ассоциации между персонажами, создающими многослойные образы и психологически значимые отношения внутри текста.

6. Текстообразующая функция: онимы активно участвуют в формировании общей структуры текста, связывая отдельные эпизоды и элементы повествования, создавая единое целое произведение. Таким образом, классификация А.В. Букача позволяет детально исследовать разнообразие ролей, выполняемых собственными именами в литературном процессе, расширяя наши представления о механизме воздействия имени на художественный текст и восприятие читателя [Букач, 2018, с. 258–59].

В данной статье на материале стихотворений Ю.К. Вэллы исследуются следующие функции поэтонимов: содержательная, текстообразующая, локализующая, структурообразующая, аллюзивная и экспрессивная. Далее мы перейдем к детальному рассмотрению роли имен собственных в лирических произведениях Ю.К. Вэллы.

Названия рек и озёр нередко встречаются в лирике ненецкого писателя. Согласно традиционным представлениям ненцев, реки, озёра и ручьи имеют духов-хозяев, способствующих успеху в охоте, оленеводстве и рыболовстве. Так, в стихотворении «Песни хозяйки Агана» ср.: *«Вернусь в стойбище родителей, И священная вода – **Река Ягельный Аган** – Пусть моей Тропой станет...» «Где-то есть потаённая Добротная Земля. Отыщу её для Людей И открою дорогу до стойбища **Обь-Отца**, До стойбища **Обь-Матери**...»* [Вэлла, 2013, с. 3–4].

Река Аган представляет собой крупнейший приток Тромъёгана. Её берега традиционно были заселены преимущественно хантами, тогда как северные притоки населяли ненцы. Название «Аган» восходит к хантыйскому слову «еган», означающему «река». У коренных народов севера существует вера в покровительство Аганской богини над жителями этих мест. Выражение «***река Ягельный Аган***» подчёркивает характер местности, окружённой густым лесом с преобладанием ягеля.

Река ***Обь*** протекает по территории Западной Сибири. Представители народностей ханты и манси называют её ***Ас*** («большая река»), а ненцы используют наименование ***Саля-ям*** («мысовая река»). Однако поэт использует общепринятое русское название реки. Существует версия, согласно которой гидроним ***Обь*** имеет корни в коми языке и означает «снежная вода» [Сорокина, 2009, с. 76]. Название отражает специфику климата региона, где снег лежит большую часть года.

В лирике Ю.К. Вэллы встречаются графические обозначения имён собственных (на примере стихотворения «Песни Хозяйки Агана»), ср.: *«Когда ваши носы начали издавать звуки, Похожие на харканье оленёнка, Потерявшего мать-олениху, Возьму хранившийся у изголовья **Отца-Неба Лук Семимужскихсильный** И **стрелу Семьзверейразящую** К тетиве прилажу…», «**Белое Облако** – мою дорогу Сама себе выберу, Шустрой хор-выдрёнка лапкой Проплыву по течению И, быть может, Вернусь в стойбище родителей, И священная вода – **Река Ягельный Аган –** Пусть моей Тропой станет...», «До истока бы реки добраться И встретиться там с мучителями **Воды**...», «Открою одну дверь – **Женщина** протянет кусок хлеба», «Когда одежда моя станет мне малой, Возьму и распорю её И вошью просторные земли, Чтоб люди ставили добротные чумы, Новые притоки с живыми озёрами Для рыбьего икромёта, Новые ягельные бора, Где будет вольготно стадам оленей,*

Новые кедровые урочища, Где сытно будут жить Многие поколения детей ***Красной Белки****...», «****Ягельным Бором Бегущему*** *Ноги укрепи!..», «День для* ***Божьего плача*** *Пусть не наступит!..», «Где-то есть потаённая* ***Добротная Земля****. Отыщу её для* ***Людей*** *И открою дорогу до стойбища* ***Обь-Отца,*** *До стойбища* ***Обь-Матери...»*** [Вэлла, 2013, с. 3–4].

Отец-Небо у ненцев – это главный дух, создатель Земли, хозяин Неба по имени Нум-Торум, который обитает в Верхнем мире и руководит судьбой людей. Нум с ненецкого переводится как «большой бог мужик». По преданию Нум-Торум создал нашу планету из горстки земли, потом создал человека и научил его делать лук и стрелы. Исторически лук и стрелы служили основными орудиями охоты у северных народов. Этот промысел играл ключевую роль в выживании коренного населения – хантов, манси и ненцев. Словосочетания «***Лук Семимужскихсильный***» и «***стрела Семьзверейразящая***» указывают на свойства инструментов и в то же время обозначают физические качества самого стрелка – меткий и сильный.

В стихотворении «Песни Хозяйки Агана» автором графически выделяются такие словосочетания и слова, как «***Белое Облако»***, ***«Вода»***, ***«Добротная Земля»***, что указывает на особое отношение его к природе. Ненцы убеждены, что природа обладает душой и жизнью. Помимо природных объектов, автором также акцентируются понятия ***«Красная Белка»***, ***«Ягельный Бор»*** (растительный мир), ***«Люди»***, ***«Женщина»*** (представители человечества). Природа воспринимается ненцами как источник существования, поскольку именно природные ресурсы обеспечивают условия их жизни. Автор Ю.К. Вэлла вводит особые графические обозначения для имён собственных, что служит выражением его взгляда на природу и её взаимосвязь с человеком.

В лирических произведениях широко используются личные имена русского происхождения, адаптированные в ненецком языке. После прихода советской власти на Север коренные народы стали контактировать с русскими, отчего и произошло активное внедрение русских имен в ненецкий именник. Так, имя ***Арина*** превратилось в ***Аринэ*** (упоминается в стихотворении Ю.К. Вэллы «Жизнь, дающая силы и мне»). Согласно «Современному словарю русских имён» А.В. Суперанской, имя ***Арина*** является русским народным эквивалентом имени ***Ирина***, что означает «богиня мирной жизни» [Суперанская, 2005, с. 293]. Пример употребления имени ***Аринэ*** в стихах Ю.К. Вэллы, ср.: *Земляку Андри-ики «А вечером В чуме, У очага, Твоя* ***Аринэ***[4] *Тёплыми руками Перебирала нежно Твои огрубевшие волосы И прятала Помертвевшие – белые, Под*

[4] Арина Васильевна Казамкина – дочь Казамкина Василия (проживали на стойбище Пёстрого яра) [Вэлла, 2012, с. 140].

ещё живые – чёрные, Потому что Ты Был нужен людям, Молодым и сильным», «Много детей вы вырастили, Воспитали. Многих людей вы научили И работе, И веселью, И охоте, И рыбалке, И человечности. И меня в том числе. Научили меня любить свою ***Аринэ****», «Сегодня мы схоронили Твою* ***Аринэ****»* [Вэлла, 1998, с. 63].

В поэтическом тексте «Песни хозяйки Агана» гидронимы ***Обь*** и ***Аган***, согласно классификации В.М. Калинкина, выполняют две ключевые функции: локализующую, определяющую географическое положение, и содержательную, раскрывающую суть происходящего посредством прямого либо образного обозначения местности. А.В. Букач дополняет классификацию, подчеркивая также роль гидронимов ***Обь*** и ***Аган*** в формировании структуры произведения: они служат основой для построения границ художественного пространства (структурообразующая функция) и способствуют созданию целостной картины окружающего мира (текстообразующая функция).

Имена собственные, выделенные особым образом («***Лук Семимужских-сильный***», «***стрела Семьзверейразящая***»), выполняют двойственную роль: содержательную, отражая характеристики оружия и его обладателя, и текстообразующую, участвуя в построении авторского видения мира. Эти элементы помогают глубже раскрыть внутренний мир персонажей и особенности их восприятия окружающей действительности.

По классификации А. Вилкон, графически выделенные имена собственные «***Белое Облако»***, ***«Вода»***, ***«Красная Белка»***, ***«Добротная Земля»***, ***«Ягельный Бор»***, ***«Люди»***, ***«Женщина»*** выполняют экспрессивную функцию, выступая как средство выражения отношения автора к теме повествования. Текстообразующая функция (по А.В. Букач) реализуется с помощью имён собственных, а организация мировосприятия в лирическом тексте происходит в соответствии со спецификой этноса.

Согласно классификации А. Вилкон, в стихотворении «Жизнь, дающая силы и мне» имя ***Аринэ*** выполняет аллюзивную, содержательную и текстообразующую функции. Выполняя аллюзивную функцию, антропоним участвует в описании события. Аринэ олицетворяет собой мирную жизнь, а смерть Аринэ обозначает конец мирной жизни. Содержательная функция имени собственного заключается в характеристике женщины по имени Аринэ – мирная, благородная. Можно воспринять это имя как символ, Аринэ была всем миром для Андри-ики. По А.В. Букач, в стихотворении используется текстообразующая функция. Имя Аринэ участвует в смысловой организации текста.

Проанализировав оба стихотворения, мы видим, что различные типы собственных наименований исполняют целый ряд функций: от локального ориентирования и раскрытия внутреннего содержания произведений до формирования их структуры и эмоционального воздействия на читателей. Все перечислен-

ные функции взаимосвязаны и взаимодополняемы, создают богатую палитру художественных приёмов и углубляют восприятие текста (см. таблицу 1).

Заключение

Таким образом, специфика функционирования имён собственных в поэтических произведениях Ю.К. Вэллы состоит в следующем: поэтонимы служат для описания персонажей и места действия, являются центральными элементами, способствующими созданию аллюзий, усиливают воздействие произведения на читателя согласно авторскому замыслу, определяют структуру текста и помогают организовать его композицию.

Ненецкий писатель Ю.К. Вэлла активно вводит в своё творчество личные имена и географические названия, благодаря чему передаёт богатство национального культурного наследия, отражает своеобразие природы и жизни населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, подчёркивая уникальность и оригинальность местной культуры.

Таблица 1

Функции поэтонимов в лирике Ю.К. Вэллы

Категория имени собственного	Примеры поэтонимов	Функции поэтонимов в лирическом тексте
Топонимы (гидронимы)	Реки *Аган* и *Обь* («*Река Ягельный Аган*», «*Обь-Отец*», «*Обь-Мать*»)	Локализующая, содержательная, текстообразующая, структурообразующая
Графические комплексы имён собственных	*Лук Семимужскихсильный и стрела Семьзверейразящая*, *Белое Облако*, *Вода*, *Красная Белка*, *Добротная Земля*, *Ягельный Бор*, *Люди*, *Женщина*	Содержательная, текстообразующая, экспрессивная
Антропонимы	*Аринэ*	Содержательная, аллюзивная, текстообразующая

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиева М.С. Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в художественном тексте (на материале произведений М.А. Булгакова): Дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 170 л.

Апоненко И.Н. Функции поэтонимов и способы их введения в контекст «Русских народных сказок» А.Н. Афанасьева // World Science, № 4(32), Vol. 8, April 2018. С. 22–26.

Букач А.В. Имя собственное как единица текстообразования // Восточнославянская филология. Языкознание, 2018. № 7. С. 258–259.

Буркова Т.А. Функциональный потенциал имён собственных // Вестник Башкирского университета, 2016. № 3. С. 760–763.

Вэлла Ю.К. Река Аган с притоками. Опыт топонимического словаря, Бассейн реки Аган, Ч. 2/ Ю. Вэлла. Ханты-Мансийск: ООО «Доминус», 2012. С. 140.

Воронова И.Б. Текстообразующая функция литературных имен собственных: на материале эпических произведений XIX–XX вв.: Дисс. … канд. фил. наук. Волгоград, 2000. 227 л.

Гурцкая В.Б. Поэтонимы Фазиля Искандера и их функции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1. 2009. С. 103–106.

Деревяго А.Н. Имя собственное в художественном тексте. Учеб.-метод. пособие / Деревяго А.Н. Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. С. 238.

Жизнь, дающая силы и мне: [стихотворение] / Ю. Вэлла // Кедровая грива. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 63.

Калинкин В.М. Поэтика онима / Калинкин В.М. Донецк, 1999. С. 239.

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики. Учеб. пособие / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. Алматы: Қазақ университет; Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. С. 199.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Подольская Н.В. М.: Институт языкознания / Издательство «Наука», 2-е издание. Академия наук СССР, 1988. С. 96.

Сокурсники: диалоги / сост. Ю.К. Вэлла / О реке, о любви и не только… / Ю.К. Вэлла. Без возврата / Юрий Меньшов. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2013. С. 3–4.

Сорокина С.Н. Угорские гидронимы Среднего Приобья (Семантика и структура) / Сорокина С.Н. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2009. С. 76.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: Изд-во «Наука», 1973. С. 366.

Суперанская А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. М.: Изд-во «Айрис-пресс», 2005. С. 293.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: около 30 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова, Том 3; [сост. В.В. Виноградов и др.] / Ушаков Д.Н. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 288.

Электронная библиотека тюменского писателя|ЭБТП / МАУК г. Тюмени «ЦГБС». Текст: электронный – 2015–2024. URL: https://writer-tyumen.ru/index.php?m=autor&aid=103 (дата обращения: 12.11.2024).

Svetlana Kuklina, Yuliya Islamova

ON THE FUNCTIONS OF POETNYMS IN THE LYRICAL WORKS OF Yu.K. VELLA

Introduction. The article is devoted to identifying the specific functions of proper names in the poetry of Yu.K. Vella. A proper name is the most important element of the artistic system of any literary work, carrying symbolic, associative and cultural potential. It becomes a kind of code element that reveals meanings hidden from the superficial perception of the text. The personal names used by Yu.K. Vella are distinguished by the richness of the semantic load, reflect the

versatility of the characters, emphasizing the unique features of each character and conveying the author's deep philosophical reflections on life, love, fate and purpose of man. **The purpose of the study** is to perform a detailed analysis of the ways of using personal names in the author's works, to identify patterns of their inclusion in the literary text and to determine the role they play in shaping the image of the lyrical hero, creating an emotional atmosphere of the poems and conveying the author's intent. **Materials and methods.** The study was based on two works by Yu. K. Vella, "Life that Gives Strength to me" and "The Song of the Mistress of Agan". The following research methods were used to achieve this goal: descriptive and analytical, ethnographic, contextual and linguistic analysis. The methods are implemented through such techniques as observation, detailed study of the text, interpretation and analytical processing of the material. **Research results, discussion.** The study made it possible to systematize and describe the variety of functions of proper names in the aforementioned works by Yu. K. Vella. The following functions were identified and analyzed: allusive, substantive, text-forming, localizing, structure-forming and expressive. These functions significantly influence the readers' perception of the artistic concept and contribute to deep understanding of the poet's work. **Conclusion.** The analysis of Yu.K. Vella's poetic texts showed that proper names actively participate in the formation of the semantic space of works, performing important semantic and aesthetic roles. They act as expressive means that give special significance to the figurative structure of poems and carry a significant stylistic load.

Keywords: poetic onomastics; poetonym; semantic significance; functions of poetonyms; toponym; hydronym; anthroponym.

REFERENCES

Alieva M.S. Strukturno-semanticheskie i funkcional'nye osobennosti antroponimov v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij M.A. Bulgakova) [Structural and Semantic, Functional Features of Anthroponyms in Fiction (based on the works of M.A. Bulgakov]. Ph. D. thesis. Mahachkala, 2006, 170 p. (In Russian).

Aponenko I.N. Funkcii poetonimov i sposoby ih vvedenija v kontekst «Russkih narodnyh skazok» A.N. Afanas'eva [Functions of proper names and ways of introduction characters' names into the context of "Russian folk tales" by A. N. Afanasyev]. *World Science,* 2018, no. 4 (32), pp. 22-26. (In Russian).

Bukach A.V. Imja sobstvennoe kak edinica tekstoobrazovanija [Proper name as a unit of text formation]. *Vostochnoslavjanskaja filologija. Jazykoznanie,* 2018, no. 7, pp. 258-259. (In Russian).

Burkova T.A. Funkcional'nyj potencial imjon sobstvennyh [Functional potential of proper names]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta,* 2016, no. 3, pp. 760-763. (In Russian).

Vjella (Kylevich Ajvaseda) Jurij. Elektronnaja biblioteka tjumenskogo pisatelja g. Tjumeni «CGBS» – 2015 – 2024. Available at: https://writer-tyumen.ru/index.php?m=autor&aid=103 (accessed 12 November 2024). (In Russian).

Vjella Ju.K. Reka Agan s pritokami. Opyt toponimicheskogo slovarja, Bassejn reki Agan [The Agan River with its Tributaries. An Attempt of a Toponymic Dictionary, Agan River Basin, Part 2]. Hanty-Mansijsk, OOO «Dominus», 2012, 140 p. (In Russian).

Voronova I.B. Tekstoobrazujushhaja funkcija literaturnyh imen sobstvennyh: na materiale epicheskih proizvedenij XIX-XX vv. [Text-forming function of literary proper names: based on epic works of the 19th – 20th centuries]. Ph. D. thesis. Volgograd, 2000, 227 p. (In Russian).

Gurckaja V.B. Poetonimy Fazilja Iskandera i ih funkcii [Proper names of Fazil Iskander and their functions]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie,* 2009, no. 1, pp. 103-106. (In Russian).

Derevjago A.N. Imja sobstvennoe v hudozhestvennom tekste [Proper names in Fiction]. Vitebsk, Uchrezhdenie obrazovanija Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova, 2008, 238 p. (In Russian).

Zhizn', dajushhaja sily i mne. Ju. Vjella [Life that Gives Strength to me too]. *Kedrovaja griva.* Ekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998, 63 p. (In Russian).

Kalinkin V.M. Pojetika onima [Poetics of the Onim]. Doneck, 1999, 239 p. (In Russian).

Madieva G.B., Suprun V.I. Teorija i praktika onomastiki [Theory and Practice of Onomastics]. Almaty, Қазақ universitet; Volgograd, Volgogradskij gosudrstvennyj pedagogicheskij universitet «Peremena», 2015, 199 p. (In Russian).

Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Institut jazykoznanija Akademija nauk SSSR, 1988, 96 p. (In Russian).

Sokursniki: dialogi. O reke, o ljubvi i ne tol'ko… Bez vozvrata [Classmates: Dialogues]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovskij gumanitarnyj univesitet, 2013, pp. 3-4. (In Russian).

Sorokina S.N. Ugorskie gidronimy Srednego Priob'ja (Semantika i struktura) [Ugric Hydronyms of the Middle Ob Region (Semantics and Structure)]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovskij gumanitarnyj universitet, 2009, 76 p. (In Russian).

Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo [General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka, 1973, 366 p. (In Russian).

Superanskaja A.V. Sovremennyj slovar' lichnyh imjon: Sravnenie. Proishozhdenie. Napisanie [Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling]. Moscow, Ajris-press, 2005, 293 p. (In Russian).

Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: okolo 30000 slov [Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 30,000 words]. Moscow, ST: Astrel', 2010, 288 p. (In Russian).

Elektronnaja biblioteka tjumenskogo pisatelja JeBTP. MAUK g. Tjumeni «CGBS». 20152024. Available at: URL: https://writer-tyumen.ru/index.php?m=autor&aid=103 (accessed 12 November 2024). (In Russian).

Куклина Светлана Борисовна
магистрант Югорского
государственного университета,
г. Ханты-Мансийск
e-mail: lanasmile145@gmail.com

Исламова Юлия Валерьевна
кандидат филологических наук,
доцент Югорского
государственного университета,
г. Ханты-Мансийск
e-mail: y_islamova@ugrasu.ru

Kuklina Svetlana
Master's student
Yugra State University,
Khanty-Mansiysk
e-mail: lanasmile145@gmail.com

Islamova Yuliya
Candidate of Philology,
Associate Professor
Yugra State University,
Khanty-Mansiysk
e-mail: y_islamova@ugrasu.ru

УДК 811.511.151+81’374
DOI 10.51254/2312-0312-2025-2-70-58-69

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУКОПИСНОГО «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ЧЕРЕМИССКАГО»

© 2025 г. О.А. Сергеев

Введение. Работа посвящена интерпретации одного их первых рукописных словарей марийского языка. В ней дан краткий палеографической анализ неопубликованного памятника – «Словаря языка черемисскаго» второй половины XVIII столетия и представлено подробное акцентологическое описание важного для исследования истории марийского ударения источника. **Цель исследования** – проследить систему постановки ударения в раннем памятнике письменности марийского языка. **Материалы и методы.** Материалом послужили неопубликованный словарь, хранящийся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, и также данные современных лексикографических произведений. Слова извлечены из памятников письменности методом сплошной выборки, применены описательный и сравнительно-сопоставительный методы лингвистического исследования. **Результаты исследования, обсуждение.** В ходе работы выяснилось, что «Словарь языка черемисскаго» (Эрм. собр. № 216) является копией рукописи, подлинник которой хранится в «Материалах Аделунга» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Его основу составляет лексика лугового наречия. Словарь переписан набело для работы императрицы Екатерины II над «ея сравнительным словарем». Рукопись является важным памятником ранней марийской письменности, она может быть объектом реконструкции марийской акцентной системы анализируемого периода. **Заключение.** Наблюдение над природой реестровых слов показало, что в словаре «силы» проставлены главным образом правильно. Составителем по правилам русской скорописи применены два типа ударения: акут (острое) и гравис (слабое).

Ключевые слова: акцентология; главное ударение; надстрочные знаки; общеупотребительная лексика; рукописный памятник; скоропись; словарное дело; составитель; черемисский язык.

Введение

Объектом настоящего исследования является рукописный русско-марийский словарь неизвестного составителя второй половины XVIII столетия. В настоящее время он хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и имеет следующую единицу хранения: Эрм. собр. № 216 [Словарь языка черемисскаго]. Ценнейший памятник марийской лексикографии, наряду со словарями кукарских священников В. Крекнина и И. Платунова [Краткий черемисский словарь…], нижегородского и алаторского епископа Дамаскина (Д. Семенова-Руднева) [Словарь черемисского языка № 218; Ед. хр. 186], считается первым марийским словарем. Все три творения остались в рукописи. По критериям тогдашней лексикографии «Краткой черемиской словарь съ россійкимъ переводомъ» (Эрм. собр. № 197/I) и «Словарь черемисскаго языка съ россійкимъ переводомъ» (Ф. 2023. Оп. 602-а. Ед. хр. 186 – черновой вариант рукописи; Эрм. собр. № 218 – беловой экземпляр) можно условно отнести к типу больших словарей. Один из них по структуре – марийско-русский, другой русско-марийский, составлены они в одно и то же время – в 1785 г. «Словарь языка черемисскаго» приближается к словарям среднего типа (о термине см.: [Ожегов, 1952, с. 91–92; Поликарпов, Руис-Соррилья Крусате, 2013, с. 8]). Крекнинский словарь включает до пяти тысяч слов, в нем входным выступает марийский язык. Рукопись вместе с «Предисловием» и «Реестром российских речений из черемисского словаря выбранным и по алфавиту расположенным со означением страниц» содержит всего 315 листов. В словаре Дамаскина марийские лексические единицы в пределах шести тысяч расположены в правой части столбца. Объем нижегородского варианта (Ф. 2023. Оп. 602-а. Ед. хр. 186) – 373 л., а санкт-петербургского (Эрм. собр. № 218) – 245 л. Как видно, оба памятника представляют максимальное число слов национального языка того времени.

Цель исследования – проследить систему постановки ударения в раннем памятнике письменности марийского языка.

Материалы и методы

В настоящей работе главным источником исследования послужил беловой вариант рукописного словаря марийского языка более двухвековой давности, хранящийся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки [Словарь языка черемисского. Эрм. собр. № 216]. При интерпретации неопубликованного памятника использован и первый вариант, являющийся уникальным культурно-историческим наследием марийского народа. Словарный запас второй половины XVIII в. сопоставляется с лексикой, представленной в современных лексикографических произведениях. Слова извлечены из памятников письменности методом сплошной выборки. В ходе исследования применены описательный и сравнительно-сопоставительный методы. При разделении сло-

варей по объему содержащейся в них лексики опирались на работы С.И. Ожегова [1952] и А.А. Поликарпова А.А., М. Руис-Соррилья Крусате [2013].

Результаты исследования, обсуждение

Как уже отмечено, «Словарь языка черемисскаго» является ценным произведением безымянного автора XVIII столетия. Подобно другим филологическим словарям прошлых веков, структура статьи бинарна, семантизирующую заголовочную единицу корпуса составляют марийские лексемы. Словарь включает около трех тысяч слов, которые размещены на 73 листах. В нем зафиксирована лишь небольшая часть лексических единиц более двухвековой давности. В корпусе словаря фигурирует наиболее актуальная общеупотребительная лексика марийского языка. В настоящее время многие из представленных слов считаются устаревшими. В основе рукописи лежат особенности лугового наречия. Рукопись акцентована (полное палеографическое описание см.: [Сергеев, 2002, с. 41]). Лексикографический памятник можно отнести к словарям среднего типа. Специалисты отмечают его большую ценность для истории как первого письменного памятника марийского языка (см., например: [Хайду, 1985, с. 70]).

Знакомство с оригинальными неопубликованными материалами XVIII в., содержащимися в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, показало, что «Словарь языка черемисскаго» (Эрм. собр. № 216) является копией рукописи, подлинник которой содержится в «Материалах Аделунга»[1] [Ф. 7. Аделунг Ф.П. № 124. № 33. Черемисский язык]. Анонимный русско-марийский словарь, как утверждает С.К. Булич, возник при Нижегородской епархии «по почину или под надзором Дамаскина»[2] [Булич, 1904, с. 433] и поступил в качестве материала для сравнительного словаря Екатерины Великой к Бакмейстеру[3]

---

[1] Аделунг Ф.П. – Федор Павлович Аделунг (нем. Friedrich von Adelung; 25 февраля 1768, Штеттин – 18 января 1843, Санкт-Петербург) – немецкий и российский историк, философ, библиограф, член-корреспондент (1809) и почётный член (1838) Петербургской Академии наук [https://allpetrischule-spb.org/index.php?title=Аделунг,_Федор_Павлович].

[2] Дамаскин – Епископ Дамаскин (в миру Дмитрий Ефимович Семёнов-Руднев; 1737–18 (29) декабря 1795, Москва) – епископ Русской православной церкви, епископ Нижегородский и Алатырский. Археограф, библиограф, филолог [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дамаскин_(Семёнов-Руднев)].

Д. Дамаскин – руководитель и один из составителей «Словаря языковъ разныхъ народовъ въ Нижегородской епархіи обитающіхъ: именно россіянъ, Татаръ, Чювашей, Мордвы и Черемисъ…», в том числе «Словаря черемисского языка с российским переводом».

[3] Бакмейстер – Логин (*Логгин*) Иванович Бакмейстер (Хартвиг Людвиг Кристиан Бакмейстер; нем. *Hartwig Ludwig Christian Bacmeister* (15 марта 1730 – 22 мая [3 июня] 1806) – российский и немецкий библиограф, переводчик, редактор, лингвист, педагог [https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакмейстер,_Логин_Иванович].Бакмейстер,_Логин_Иванович].

или Палласу[4]. Впоследствии рукопись досталась Ф.П. Аделунгу. Она, по-видимому, вместе с другими материалами была особо переписана для «Высочайшаго пользования при работах Императрицы Екатерины II над ея сравнительным словарем» [Там же. С. 432]; сравнение оригинала (Ф. 7. Аделунг Ф.П. № 124. № 33. Черемисский язык) с копией (Эрм. собр. № 216) см. подробнее: [Сергеев, 2002, с. 40–41].

В первой половине XIX в. «Словарь языка черемисскаго» был переписан известным финно-угроведом А.Й. Шёгреном [«Словарь языка Черемисскаго» … Ед. хр. 232]. Переписанный вариант хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки («Фонд Шёгрена»). Он имеет следующее название: «Словарь языка черемисскаго» с переводом на русский язык. Списано Шёгреном в 1840 г. с подлинника, хранящегося в Библиотечном Эрмитаже» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 232). К подлиннику переписчиком добавлены лексические единицы другого диалекта или говора марийского языка. Дублетные слова использованы в качестве сравнения языковых данных одного говора (диалекта) с данными другого. Увлечение А.Й. Шёгрена марийским языком совпало с периодом его научной работы в Петербургской академии наук. Будучи научным сотрудником академии, в его распоряжении имелось большое количество лингвистических материалов, собранных Петербургской академией наук для словаря П.С. Палласа, в том числе «лингвистические отчеты» участников Великой Северной экспедиции. Нельзя не отметить и то, что А.Й. Шёгрен является первым исследователем, который вышел из финно-угорской среды. Он же первый финн, побывавший с экспедицией на марийской земле у своих сородичей (об этом подробнее см.: [Сергеев, 2017, с. 85–92]).

Оригинальный памятник второй половины XVIII в. не остался без внимания исследователей. Нами в отдельных статьях дана полная интерпретация графических особенностей «Словаря языка черемисскаго» [Сергеев, 2019, с. 126–132], рассмотрена лексика, относящаяся к зонам редких и забытых слов [Сергеев, 2022, с. 445–453], изложен суффиксальный способ образования слов, использованный анонимным автором [Сергеев, 2023, с. 498–506]. В данной же работе остановимся на акцентологической структуре слов неопубликованного памятника XVIII столетия. К сожалению, не все лексические единицы (это относится и к двум большим словарям марийского языка анализируемого периода) снабжены ударением. Несмотря на некоторые недостатки, акцентированные рукописи все же могут служить одним из источников изучения ударения в марийском языке и тем самым представляют определенный интерес для исторической акцентологии.

[4] Паллас – Пётр Симон Паллас (нем. Peter Simon Pállas; 22 сентября 1741, Берлин – 8 сентября 1811, там же) – немецкий и русский учёный-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник на русской службе (1767–1810) [https://yandex.ru/search/?text=Паллас18+в.&lr=41&clid=95].

Известно, в марийском языке ударение свободное, его место не закреплено за определенным слогом. Оно может быть на любом слоге слова: на первом (*пи́ре* ‘волк’, *ки́нде* ‘хлеб’), втором (*олма́* ‘яблоко’, *ава́* ‘мать’), третьем (*лювыра́* ‘жидкая грязь’, *пӱремда́ш* ‘1) делать оборы, складки; 2) обрубать (края платка и т.п.)’, четвертом (*туткарешта́ш* ‘осложняться, осложниться’, *рашемалта́ш* ‘1) проясняться, проясниться; 2) становиться (стать) четким, отчетливым, хорошо видимым’), пятом (*тӱганыдыма́ш* ‘износостойкость, износоустойчивость’, *келыштарыма́ш* ‘согласование; приспособление’). В «Словаре языка черемисскаго» главным образом применены надстрочные знаки ´ акут, или острое ударение, и ` гравис, или побочное (слабое) ударение. Постановка ударения в словах в неопубликованном памятнике (она касается и других рукописных словарей и словников) является не случайной. Еще в 30-х гг. XVIII в. большой ценитель инородческих языков В.Н. Татищев составил специальную инструкцию, которая содержала 198 вопросов. В этом вопроснике под № 198, п. 3 он писал: «Нужно смотреть на ударение гласа… и для того надлежит внятно выслушивать, неоднова спрашивать…» [Цит. по: Попов, 1861, с. 694–695; также см.: Вдовин, 1954, с. 31]. В «лингвистических отчетах» участников Камчатских экспедиций набор надстрочных знаков был более богат. Например, в записях одного из академиков экспедиции Г.Ф. Миллера кроме акута и грависа встречаются ’ псила, ’´псила и акут. Они характерны для системы постановки ударения русской скорописи (о надстрочных знаках в марийских рукописных словарях см.: [Сергеев, 2002, с. 89–96]).

В рукописи безымянного автора акутом обозначалось главное ударение и он ставился в начале и внутри слов, например: *ва́те* ‘баба, женщина’[5], *мончá́зе* ‘баньщик’, *ю́жкюжь* ‘бык’, *пинере́шке* ‘барсук’, *пю́томо* ‘беззубый’, *су́суръ* ‘боль, больной’, *сяндáлыкъ* ‘вселенная’, *су́ртъ* ‘двор’, *ко́мбо* ‘гусь, гусыня’, *я́лъ* ‘деревня’, *кугачáй* ‘дед’, *опте́мъ* ‘желток’, *ю́у* ‘заговор’, *ти́сте* ‘клеймо’, *ша́гале* ‘крюк’, *у́лтомо* ‘молитва’, *улте́мъ* ‘молюся’, *нъ́чке* ‘нежно’, *ва́шкъ* ‘тесла’[6], *су́сурлыкъ* или *че́рлелыкъ* ‘хворость’ и другие; ср. совр. мар. *ва́те, мончá́зе, ӱ́шкыж, пинере́шке* ‘1) *уст*. страшилище; 2) шпик, сыщик, шпион’ [СМЯ, 2000, с. 118], *пӱ́дымӧ, су́сыр, сандáлык, сурт, ко́мбо, ял, кочáй, опте́м, ю, ти́сте, са́гыле, у́лтымо, улте́м, не́чке, ва́ске* ‘полукруглый топор (употребляемый для изготовления ульев-колод и корыт)’ [МРС, 1991, с. 34], *су́сырлык, че́рлылык*. В приведенных иллюстративных материалах надстроч-

[5] Орфография словаря сохранена.

[6] *Тесло́, теслá* – плотницкий инструмент (плотничье орудие), род топора с поперечным лезвием (как у мотыги). Иногда тесло имеет выпуклое лезвие и желобчатую форму, например, *тесло бочарное*, маленькое и желобчатое. Применяется в кораблестроении, а также для выдалбливания различных изделий из дерева (например, корыт, лодок и другие) и вырубки пазов[[https://ru.wikipedia.org/wiki/Тесло].

ный знак совпадает с местом ударения данных слов в современном языке. В единичных случаях акут встречается в конце слов вместо грависа, ср., например: *куерля́* ‘березняк’, *тумерла́* ‘дубрава’; ср. совр. мар. *куэрла́, тумерла́*, где ударным является суффикс *-ла* с собирательным значением.

Грависом отмечено наконечное ударение: *шюша̀* ‘ворот, воротник’, *шупка̀* ‘вяска’, *яклака̀* ‘гладкий’, *пурса̀* ‘горох’, *шергѐ* ‘гребень’, *юла̀* ‘закон’, *мельна̀* ‘блин’, *кна̀* ‘белил’, *уна̀* ‘гость’, *пӱ̀* ‘дерево’, *ия̀* ‘дьявол’, *шержба̀* ‘жребий’, *сура̀* ‘замок’, *копшта̀* ‘капуста’, *кукӱ̀* ‘кукушка’, *кюньзюля̀* ‘кудель’, *чра̀* ‘лучина’, *манда̀* ‘мачеха’, *коля̀* ‘мышь’, *топша̀* ‘петля’, *пура̀* ‘пиво’, *лужа̀* ‘сотник’, *шога̀* ‘соха’, *уша̀* ‘челнок’, *батя̀* ‘ягненок’, *куэ̀* ‘береза’ и другие; ср. совр. мар. *шӱша́, шупка́, яклака́, пурса́, шерге́, йӱла́* ‘1) обычай; 2) верование; 3) быт’ [МРС, 1991, с. 91], *мелна́, кына́* ‘розовый, алый (о цвете)’, *уна́, пу, ия́, шерева́, сура́, ковышта́, кукӱ́, кӱнчыла́, чыра́, манда́, коля́, топса́, пура́, лужа́, шога́, уша́, пача́, куэ́*. О природе грависа для некоторых старинных текстов у академика А.А. Шахматова имеется и другое мнение. Он писал: «Это какой-то графический прием, применявшийся во многих рукописях для обозначения конечной гласной» [Цит. по: Сумкина, 1966, с. 111]. Наш материал показывает, что в марийской рукописи гравис означает «силы». Он совпадает с местом ударения перечисленных слов в современном марийском языке[7].

В неопубликованном словаре лексикографа-ремесленника постановка ударения в словах не всегда соответствует современной норме. Рассмотрим этот случай на отдельных примерах: *а́улынъ* ‘деревенский’, *во́лгонче* ‘молния’, *нъчкэ́лыкъ* ‘нежность’, *ку́тюзе* ‘пастух’, *ти́якъ* ‘писарь’, *шjо́рлjо́къ* ‘поставец’, *па́ше* или *со́молъ* ‘работа’, *э́ндеръ* ‘речка’, *ва́жмалтыкъ* или *шю́лю* ‘сажень’, *кю́тю* ‘стадо’, *те́ра* ‘судья’ и некоторые другие; ср. совр. мар. *ау́лын*, *волге́нче, не́чкылык, кӱтӱ́чӧ, тия́к, шӧ́рлык, паша́, со́мыл, энге́р, важма́лдык, шӱ́лӧ, кӱтӱ́, тӧра́*. Однако и вариант словаря вполне допустим, который можно объяснить, с одной стороны, особенностями произношения информанта, с другой – локальной спецификой ударения.

В корпусе рукописного памятника встречается немалое количество слов, в которых по неизвестным причинам ударение не поставлено: *языкъ* ‘грех’, *кожынъ* ‘елевый’, *картъ* ‘жрец’, *кургo* ‘корм’, *юдалъ* ‘лапоть,’ *юкшъ* ‘лебедь’, *эндежъ* ‘малина’, *чекъ* ‘межа’, *онжома* ‘осматривание’, *топъ* ‘пушка’, *венеръ* ‘холст’, *шолокъ* ‘холод’, *кудутсе* ‘шестой’, *шожъ* ‘ячмень’, *томъ* ‘ядро’, *пій* ‘собака’, *сjо́рта* ‘свеча’, *оръ* ‘ров’, *шуръ* ‘рог’, *jо́лъ* ‘нога’, *ванемъ* ‘бдю’ (от

[7] В первой марийской грамматике («Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка». СПб., 1775) акутом и грависом отмечены все марийские слова. Острое ударение, как и в словаре безымянного составителя, ставилось в начале и внутри слов, грависом отмечено наконечное ударение.

глаг. ***бдеть*** *несов. книжн. устар.* 1) бодрствовать, не спать; 2) неусыпно следить за чем-л. [Словари, энциклопедии…]), *кюмюжъ* ‘блюдо’, *пюньжюдюрь* ‘бор’, *шиште* ‘воск’, *курумешакъ* ‘вечно’ и некоторые другие; ср. совр. мар. *я́зык, ко́жын, карт, ку́рго, йыда́л, йӱ́ксӧ, э́ҥыж, чек, о́нчымо, топ, выне́р, шо́лык, ку́дымшо, шож, том, пий, сорта́, ор, шур, йол, ваҥе́м, кӱ́мыж, пӱнче́р, шы́ште, курыме́шак*.

В основном списке слов содержится заметное количество единиц россиеведческой лексики. Они к тому времени, можно полагать, входили в активный фонд словарного состава марийского языка. Сопоставительный анализ ударения в русских и марийских словах показал, что отдельные заимствования при столкновении разных акцентологических структур сохраняют свое оформление – место ударения, ср., например: *кыша́лъ* ‘кисель’, *пыча́лъ* ‘ружье’ (ср. пищал), *юште́лъ* ‘стол’, *тоба́ръ* ‘топор’ (с акутом); *бернӓ* ‘бревно’, *казӓ* ‘коза’, *кукӱ̀* ‘кукушка’ (с грависом). В других заимствованиях оказывается преобладающей акцентная структура с марийским принципом ударения: *ке́рмычь* ‘кирпич’, *шо́ндокъ* ‘сундук’, *копштӓ* ‘капуста’ и некоторые другие; ср. совр. мар. *кыша́л, пыча́л, ӱсте́л, това́р, пырня́, каза́, куку́, ке́рмыч, шо́ндык, ковышта́*.

Лексикографы-практики для обогащения словарного состава пользовались подчинительным и сочинительным типами словосложения. В современном марийском языке оба типа являются распространенными и продуктивными. В сложных словах подчинительного типа, как известно, главное ударение падает на один из слогов второго компонента. Однако составители, не зная особенностей марийской акцентологии, «силы» фиксировали на обоих компонентах или на первом, ср., например: *вю́тьо́нъ* ‘волна’, *э́рдежлу* ‘бедра’, *уна́гудо* ‘двор постоялый’, *шинча́комъ* ‘зрачок’, *ту́лкю* ‘кремень’, *йо̂ште́мужа* ‘лихорадка’, *аба́кашта* ‘матица’, *ю́штерьвошторъ* ‘метла’, *изи́куду* ‘лачужка’; ср. совр. мар. *вӱд оҥ, ӧрдыжлу́* ‘ребро’, *унагу́до* ‘гостиница’, *шинчаго́мдыш* ‘веко, веки’ (‘зрачок’ – *шинчасорта́*), *тулгӱ́*, *йӱштымӱ́жо* ‘лихорадка, малярия’, *авагашта́*, *ӱштерво́штыр, изи́ ку́до*. Отдельные примеры демонстрируют правильную постановку острого ударения – на один из слогов второго компонента: *шюло́дышъ* ‘затылок’ (ср. затылок ‘1) *шоягоре́м*; 2) (часть мясной туши) *шӱй йыжыҥ*’ [РМС, 1966, с. 213]), *сурапо́чь* ‘ключ’; ср. совр. мар. *шӱйло́дыш* ‘1) затылок; задняя часть головы, 2) загривок, холка (у животных)’ [СМЯ, 2004, с. 384–385], *сраво́ч* ‘ключ’ (от *сура* ‘замок’ + *почыш* досл. ‘открыватель’, *почеш* ‘открывает’).

В словах, оформленных как сложные сочинительного типа, оба компонента снабжены ударением: *пе́ль-ю́тъ* ‘полночь’, *луа́тъ-шы́мытъ* ‘семнадцать’ и некоторые другие; ср. совр. мар. *пелӹ́д, латшы́мыт*. В сложном слове *канда́шлу̀* ‘80ъ’ на первом компоненте поставлен акут, а над конечным гласным второго слова – вария; ср. совр. мар. *канда́шле* ‘восемьдесят’.

Не остались не отмеченными служебные слова. В первую очередь это относится к собственно послелогам. Как правило, они не имеют самостоятельного ударения. Анализ материалов рукописного памятника показывает, что над послелогами первичного образования поставлено как острое, так и слабое ударение, ср.: *ги́чь* ‘из’, *ле́чъ* ‘от’, *ко́чь* ‘через’, *га́не* ‘будто’, *кы́нъ* ‘буде’, *ju-**и́да*** ‘ежегодно’ и некоторые другие; совр. мар. *гыч, леч, гоч, гае (гай), гын, еда*. Принято считать, что в марийском языке лишены ударения также союзы и частицы. Тем не менее над отдельными сочинительными союзами по правилам русской скорописи поставлен гравис (*али* ` ‘или’, *я* ` ‘ну’; ср. совр. мар. *али, я… я*); частица, образующая отрицательную форму повелительного наклонения, помечена акутом: *е́нже* ‘дабы’; совр. мар. *ынже*, ср. *ынже то́л* ‘пусть не приходит, пусть не идет’.

Заключение

Памятники письменности, в том числе и рукописные, являются одним из источников изучения истории языка. «Словарь языка черемисскаго» неизвестного автора подготовлен во второй половине XVIII столетия и переписан набело для работы над словарем П.С. Палласа. В 40-х гг. XIX в. рукопись вновь была списана известным финно-угроведом А.Й. Шёгреном для сопоставительного изучения марийских диалектов. Словарь по структуре является русско-марийским. По охвату лексического состава его можно отнести к словарям среднего типа. Рукопись сохранила до наших дней особенности марийского языка XVIII в., в том числе и характер ударения, хотя не все слова обозначены акутом или грависом. Несмотря на это, анонимный акцентированный памятник может служить одним из источников изучения ударения в марийском языке и тем самым представляет немалый интерес для акцентологии. Он является одним из свидетелей особенностей марийской акцентологии более чем двухсотлетней давности.

СОКРАЩЕНИЯ

глаг. – глагол; ед. хр. – единица хранения; книжн. – книжный; мар. – марийский язык; несов. – несовершенный вид; оп. – опись; совр. – современный; уст., устар. – устаревшее слово; ф. – фонд; Эрм. собр. – Эрмитажное собрание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аделунг, Федор Павлович. URL: https://allpetrischule-spb.org/index.php?title=Аделунг,_Федор_Павлович (дата обращения: 12.05.2025).

Бакмейстер, Логин Иванович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакмейстер,_Логин_Иванович (дата обращения: 12.05.2025).

Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. – 1825 г.). С приложением, вместо вступления, «Введения в изучении языка» Б. Дельбрюка. СПб., 1904. 1248 с.

Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 166 с.

Дамаскин (Семёнов-Руднев). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дамаскин_(Семёнов-Руднев) (дата обращения: 13.05.2025).

Краткой черемиской словарь с россiйскимъ переводомъ, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоiереемъ Василiемъ Крекнинымъ и Спаской церкви дiакономъ Iоанномъ Платуновымъ. 1785 года // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрм. собр. № 197/1.

МРС – Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.

Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 83–103.

Паллас. URL: https://yandex.ru/search/?text=Паллас18+в.&lr=41&clid=95 (дата обращения: 12.05.2025).

Поликарпов А.А., Руис-Соррилья Крусате М. Трехчастная типология толковых словарей С.И. Ожегова в системной перспективе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 7–34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trehchastnaya-tipologiya-tolkovyh-slovarey-s-i-ozhegova-v-sistemnoy-perspektive (дата обращения: 22.05.2025).

Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М.: Тип. В. Грачева и К, 1861, 803 с.

РМС – Русско-марийский словарь. Ок. 35000 сл. М.: Сов. энцикл., 1966. 848 с.

Сергеев О.А. Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 192 с.

Сергеев О.А. А. Шёгрен – исследователь марийского языка // Вестник угроведения. 2017. № 2. С. 85–92.

Сергеев О. Графические особенности «Словаря Языка Черемисскаго» // Linguistica Uralica. 2019. № 2. С. 126–132.

Сергеев О.А. Устаревшая и устаревающая лексика в рукописном «Словаре языка черемисского» // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32, № 3. С. 445–453.

Сергеев О.А. Суффиксальный способ образования слов в «Словаре языка Черемисскаго» втор. пол. XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. № 4. С. 498–506.

Словари, энциклопедии: Словарь русского языка (МАС). URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma106632.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 15.05.2025).

Словарь черемисскаго языка съ россiйскимъ переводомъ // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрм. собр. № 218.

Словарь черемисскаго языка съ россiйскимъ переводомъ по алфавиту россiйскому расположенный // Национальный архив Нижегородской области. Ф. 2013. Оп. 602-а. Ед. хр. 186.

Словарь языка черемисскаго // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрм. собр. № 216.

«Словарь языка Черемисского» с переводом на русский язык. Списано Шёгреном в 1840 г. с подлинника, хранящийся в библиотечном Эрмитаже // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 232.

СМЯ – Словарь марийского языка: в 10 т. / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. Т. V: Ӧ (ӧрчыктарыме –), П. 508 с.

СМЯ – Словарь марийского языка: в 10 т. / сост.: А.А. Абрамова, Е.А. Черашова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. Том IX: Ш, Щ. 520 с.

Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка. Въ Санкт-Петербургѣ при Императорской Академїи наукѣ 1775 года. 136 с.

Сумкина А.А. Акцентированные рукописи XVII века // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М.: Наука, 1966. С. 106–121.

Тесло. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тесло (дата обращения: 15.05.2025).

Ф. 7. Аделунг Ф.П. № 124. № 33. Материалы Аделунга. Черемисский язык.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 429 с.

Oleg Sergeev

ABOUT THE CHARACTERIZATION OF THE HANDWRITTEN «CHEREMISS DICTIONARY»

Introduction. The article is devoted to the interpretation of one of the first handwritten dictionaries of the Mari language. A brief paleographic analysis of the unpublished monument “Cheremis Dictionary” (the second half of the 18th century). The author also focused on a detailed accentological description of an important monument, which can be used in the research of the history of the word stress in Mari. **The purpose of the study** is to trace the system of stress in early Mari written language. **Materials and methods.** The material included an unpublished dictionary stored in the manuscript department of the Russian National Library, as well as data from modern lexicographic works. The words were extracted from written monuments, method of total examining, descriptive and comparative methods were applied. **Research results, discussion.** In the course of the research, it turned out that the “Cheremiss Dictionary” (Erm. collection No. 216) was a copy of the manuscript, the original copy of which is kept in the “Adelung Materials” at the department of manuscripts of the Russian National Library. It was based on Meadow Mari dialect. It was completely rewritten for the work of Empress Catherine II on ‘her comparative dictionary’. The manuscript is an important monument of the early Mari language and it can be the object of reconstruction of the Mari accentual system of the analyzed period. **Conclusion.** Close observation of the nature of the register words had shown that ‘powers (stresses)’ were mostly correct in the dictionary. The compiler used two types of accents according to the rules of Russian stress: akut (acute) and gravis (weak).

Keywords: accentology; main stress; superscripts; common vocabulary; handwritten monument; cursive writing; vocabulary; compiler; the Cheremiss language.

REFERENCES

Adelung Ajodor Pavlovich. Available at: https://allpetrischule-spb.org/index.php?title=Adelung,_Fedor_Pavlovich (accessed 12 May 2025). (In Russian).

Bakmejster Login Ivanovich. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Bakmejster,_Login_Ivanovich (accessed 12 May 2025). (In Russian).

Bulich S.K. Ocherk istorii jazykoznanija v Rossii [An Essay on the History of Linguistics in Russia]. Saint-Petersburg, 1904, vol. 1, 1248 p. (In Russian).

Vdovin I.S. Istorija izuchenija paleoaziatskih jazykov [The History of the Study of PaleoAsiatic Languages]. Moscow-Leningrad, Akademija Nauk SSSR, 1954, 166 p. (In Russian).

Damaskin (Semjonov-Rudnev). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Damaskin_(Semyonov-Rudnev) (accessed 13 May 2025). (In Russian).

Kratkij cheremisskij slovar' s rossijskim perevodom, sobrannyj Kukarskoj slobody Troickogo sobora protoiereem Vasiliem Krekninym i Spasskoj cerkvi diakonom Ioannom Platunovym. 1785 goda [A short Cheremiss dictionary with a Russian translation, compiled by Archpriest Vasily Kreknin of the Kukarskaya Sloboda of the Trinity Cathedral and Deacon John Platunov of the Church of the Savior in 1785]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki. Erm. sobr. № 197/1.* (In Mari and Russian).

Vasil'ev V.M., Savatkova A.A., Uchaev Z.V. Marijsko-russkij slovar' [Mari-Russian Dictionary]. 2nd ed. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 512 p. (In Mari and Russian).

Ozhegov S.I. O treh tipah tolkovyh slovarej sovremennogo russkogo yazyka [On three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Voprosy jazykoznanija,* 1952, no. 2, pp. 83-103. (In Russian).

Pallas. Available at: https://yandex.ru/search/?text=Pallas18+v.&lr=41&clid=95] (accessed 12 May 2025). (In Russian).

Polikarpov A.A., Ruis-Sorril'ja Krusate M. Trehchastnaja tipologija tolkovyh slovarej S.I. Ozhegova v sistemnoj perspektive [The three-part typology of explanatory dictionaries by S.I. Ozhegov in a systemic perspective]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija,* 2013, no. 5, pp. 7-34. (In Russian).

Popov N.A. V.N. Tatishhev i ego vremja. Epizod iz istorii gosudarstvennoj, obshhestvennoj i chastnoj zhizni v Rossii, pervoj poloviny proshedshego stoletija [V.N. Tatishchev and his Time. An Episode from the History of State, Public and Private Life in Russia, the first half of the last century]. Moscow, 1861, 803 p. (In Russian).

Russko-marijskij slovar'. Okolo 35000 slov [Russian-Mari Dictionary. About 35000 words]. Moscow, «Sovetskaja enciklopedija», 1966, 848 p. (In Russian and Mari).

Sergeev O.A. Istoki marijskoj pis'mennosti: Istoriko-lingvisticheskij analiz rukopisnyh pamjatnikov marijskogo jazyka XVIII–XIX vekov [The Origins of the Mari Script: Historical and Linguistic Analysis of Handwritten Monuments of the Mari language of the XVIII–XIX centuries]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002, 192 p. (In Russian).

Sergeev O.A. A. Shjogren – issledovatel' marijskogo jazyka [A. Sjögren is the researcher of the Mari language]. *Vestnik ugrovedenija,* 2017, no. 2, pp. 85-92. (In Russian).

Sergeev O. Graficheskie osobennosti «Slovarja Jazyka Cheremisskago» [Graphic features of the "Cheremiss Dictionary"]. Linguistica Uralica, 2019, no. 2, pp. 126-132. (In Russian).

Sergeev O.A. Ustarevshaja i ustarevajushchaja leksika v rukopisnom «Slovare jazyka cheremisskogo» [Outdated and obsolete vocabulary in the handwritten "Cheremiss Dictionary"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta,* vol. 32, no. 3 (2022), pp. 445-453. (In Russian).

Sergeev O.A. Suffiksal'nyj sposob obrazovanija slov v «Slovare jazyka Cheremisskago» vtoroj poloviny XVIII veka [Word formation with suffixes in "Cheremiss Dictionary" of the second half of the XVIII century]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij,* 2023, no. 4, pp. 498-506. (In Russian).

Slovari, enciklopedii: Slovar' russkogo jazyka (MAS). Available at: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma106632.htm?cmd=0&istext=1 (accessed 15 May 2025). (In Russian).

Slovar' cheremisskogo jazyka s rossijskim perevodom [Dictionary of the Cheremiss language with Russian translation]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki. Erm. sobr. № 218.* (In Russian and Mari).

Slovar' cheremisskogo jazyka s rossijskim perevodom po alfavitu rossijskomu raspolozhennyj [Dictionary of the Cheremiss language with a Russian translation alphabetically ordered]. *Nacional'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti. Fond 2013. Opis' 602-a. Edinica hranenija. 186.* (In Russian and Mari).

Slovar' jazyka cheremisskogo [Dictionary of the Cheremiss Language]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki. Erm. sobr. № 216.* (In Russian and Mari).

«Slovar' jazyka Cheremisskogo» s perevodom na russkij jazyk. Spisano Shegrenom v 1840 godu s podlinnika, hranjashhijsja v bibliotechnom Ermitazhe ["Cheremiss Dictionary" with a translation into Russian, copied by Sjögren in 1840 from the original, stored in the Hermitage library]. *Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk. Fond 94. Opis' 1. Edinica hranenija 232.* (In Russian and Mari).

Slovar' marijskogo jazyka. Tom V. Ö (örchyktaryme) [Dictionary of the Mari language. Vol. V. Ö örchyktaryme, P]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2000, 508 p. (In Mari and Russian).

Slovar' marijskogo jazyka. Tom IX. Sh, Shh [Dictionary of the Mari language. Vol. IX. Sh, Sh]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i isorii, 2004, 520 p. (In Mari and Russian).

Sumkina A.A. Akcentirovannye rukopisi XVII veka. Issledovanija istochnikov po istorii russkogo jazyka i pis'mennosti [Accented manuscripts of the 17th century. Research of sources on the history of the Russian language and writing]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 106-121. (In Russian).

Teslo. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Teslo (accessed 15 May 2025). (In Russian).

Fond 7. Adelung F. P. № 124. № 33. Materialy Adelunga. Cheremisskij jazyk [Foundation 7. Adelung F. P. No. 124. No. 33. Adelung's materials. The Cheremis language]. (In Russian and Mari).

Hajdu P. Ural'skie jazyki i narody [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress, 1985, 429 p. (In Russian).

Сергеев Олег Арсентьевич
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: olsemar@rambler.ru

Oleg Sergeev
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Senior Researcher of Vasilyev Mari
Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: olsemar@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2025-2-70-70-83

СОВРЕМЕННАЯ МАРИЙСКАЯ ПРОЗА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

© 2025 г. В.Т. Михайлов

Введение. Статья посвящена исследованию тематического и жанрового многообразия современной марийской прозы, представляющей собой один из важнейших компонентов национальной литературы. На основе изучения творчества ведущих современных марийских писателей исследуются идейно-художественные особенности их произведений, что позволяет глубже понять замысел авторов, раскрыть богатство художественных приемов и уникальную авторскую картину мира. **Цель статьи –** анализ жанрового и тематического разнообразия современной марийской прозы, выявление ее идейно-художественных особенностей. **Материалы и методы.** Материалами послужили созданные на рубеже XX–XXI веков наиболее значимые произведения марийских прозаиков в контексте исследуемой проблемы. Методы исследования – культурно-исторический, биографический и структурно-описательный. **Результаты исследования, обсуждение.** Современная марийская проза обогатилась новыми темами, героями и жанровыми формами. Писатели обращаются к ключевым аспектам истории своего народа, исследуют его мировосприятие, самоидентификацию и механизмы выживания, а также размышляют о текущем состоянии и перспективах развития родного языка и уникальной этнической культуры. **Заключение.** Современная марийская литература отражает происходящие в обществе актуальные процессы и духовные поиски народа. Изучение творчества современных писателей способствует выявлению новых тенденций и направлений развития литературы, что имеет важное значение для понимания эволюции литературного процесса, формирования новых жанров и стилей, а также анализа особенностей авторского стиля и творческой индивидуальности.

Ключевые слова: современная марийская проза; жанр; тематика и проблематика; идея; мировоззрение; роман; повесть.

Введение

В начале 1990-х годов распад Советского Союза стал катализатором кардинальных изменений в социально-экономической структуре государства. Эти перемены затронули не только экономические основы, но и все стороны общественной жизни. В этот период наблюдалось интенсивное развитие литературы народов Российской Федерации, включая марийскую литературу. Писатели осознали свою ответственность перед обществом и почувствовали необходимость отражения в своих произведениях мыслей и чаяний народа. Они стремились показать различные аспекты жизни, исследовать конфликты между людьми, отразить борьбу добра и зла через характеры персонажей и проанализировать взаимоотношения между государством и личностью.

Тем самым литература этого периода оказывала значительное влияние на формирование мировоззрения и духовного облика читателей, а также на культурное развитие этноса в целом.

Современное состояние марийской прозы активно изучается в научной среде и отражено в ряде монографий [Кудрявцева, 2011; Кудрявцева, Беляева и др., 2019; Беляева, Кудрявцева, 2023; Михайлов, 2022; Рябинина, 2016], учебниках и учебных пособиях для студентов-филологов [Бояринова, 2021; Михайлов, 2021; Михайлов, Бояринова и др., 2022]. В этих трудах раскрываются основные векторы развития литературного процесса в последнее десятилетие XX – начала XXI века, способствующие глубже понять и полнее осмыслить развитие современной марийской прозы. Данная статья представляет собой необходимое звено в систематизации и классификации тематики и жанра современной марийской прозы в исследовании эволюции национальной литературы в целом.

Изображение писателями жизни народа через искусство слова в различных жанрах заметно обогащает литературную форму. Для современной марийской прозы характерны такие жанры как роман-хроника, мемуары, социально-психологические, исторические и автобиографические романы, детективы, научная фантастика, фэнтези, мистика, сатира, юмористические рассказы, эссе, новеллы. Среди них выделяются такие крупные произведения, как романы «*Шочмо тувыр*» («Судьба») В. Абукаева-Эмгака, «*Юмын капка ончылно*» («Пред божьими вратами») А. Александрова-Арсака, «Георгий Пушкин» Ю. Галютина, «*Кугу тӱня – шыгыр тӱня*» («Велик мир – тесен мир») М. Илибаевой, «*Äкрäм*» («Акрам») и «*Пӱркыт ден курныж-влак*» («Соколы и коршуны») В. Петухова, «Мамич Бердей» Л. Яндакова, повести «*Сулык*» («Грех») Г. Алексеева, «*Чавайнын куэже*» («Береза Чавайна») Ю. Артамонова, «*Тошто пӧртын монологшо*» («Монолог старого дома») М. Ушаковой, «Шишока» В. Петухова и многие другие. Эти произведения внесли новое дыхание в марийскую прозу, представляют глубокие философские размышления авто-

ров, широко и глубоко исследующих жизнь и быт народа. В их произведениях часто поднимаются вопросы столкновения нового со старым, изменения внутреннего мира человека, положительные и отрицательные стороны этих изменений, ценности новой жизни, поиск смысла существования, особенности молодого поколения, его радости и страдания. Все эти темы остаются центральными проблемами в произведениях марийских писателей.

Цель статьи – рассмотреть жанровый и тематический спектр современной марийской прозы, а также её идейно-художественные характеристики на основе анализа литературного творчества марийских прозаиков в контексте современных социальных трансформаций и культурных традиций.

Материалы и методы

Исследование проводилось с опорой на культурно-исторический, биографический и структурно-описательный методы, которые позволили выявить особенности творческого метода марийских прозаиков, проанализировать художественные приемы и определить культурное значение современной марийской литературы. В качестве материалов для анализа были выбраны наиболее значимые произведения марийских прозаиков М. Илибаевой, Ю. Галютина, В. Петухова, Л. Яндакова и др. в контексте исследуемой проблемы.

Результаты исследования, обсуждение

При рассмотрении основных направлений современной прозы необходимо прежде всего отметить произведения исторического жанра, посвященные жизни, быту, обычаям и героическому прошлому марийского народа.

Произведения, отражающие историческое наследие народа, характеризуются значительным разнообразием форм: от строго документальных трудов до художественных интерпретаций прошлого. Литературоведы придерживаются мнения, что роман в историческом жанре должен охватывать ключевые аспекты эпохи, включая ее историческое, политическое, социальное и культурное развитие, при этом оставляя минимальное пространство для авторских гипотез и вымысла. Для писателя критически важно, опираясь на документальные источники, точно воспроизводить реальные события, предметы быта и характеристики исторических персонажей, чтобы избежать искажений фактов. Разумеется, автор имеет право использовать воображение, вымысел и другие художественные приемы для обогащения произведения, однако он не должен допускать изменения того, что уже зафиксировано в исторических документах.

Вот как описывает особенности этого жанра Виталий Петухов: «Исторический роман – это не сказка и не фантастическое произведение, поэтому в его основе должны быть реальные события, факты и персонажи. Необходимо увидеть причинно-следственную связь событий, отдельные факты в целостном контексте и представить их объективно. Но сделать это непросто. Ведь даже

один и тот же факт в разных летописях может быть описан по-разному в зависимости от интересов автора и целей, которые он преследовал. Для писателя важно оставаться верным правде…» [Тимиркаев, 2002, с. 5].

Произведения о прошлом сближают читателя с исторической наукой, позволяют окунуться в жизнь героев, наполненную прежним драматизмом, вызывают желание задуматься и сопереживать.

В современной литературе исторический роман – это особый, самостоятельный жанр.

Причин обращения современных марийских писателей к этому жанру несколько.

Во-первых, в марийской литературе жанр исторической прозы развивался менее успешно по сравнению с другими жанрами, такими как бытовая, социально-нравственная, социально-психологическая проза и другие. До этого времени прозаики редко обращались к историческому материалу. Из ранее крупных произведений на историческую тематику можно выделить романы А. Крупнякова «Марш Акпарса» (1965), «Есть на Волге утес» (1983) и «Царев город» (1984), а также повести К. Васина «*Ушнымаш*» («Воссоединение», 1956, 1984) и «*Муро ашшат*» («Кузнец песен», 1974).

Во-вторых, перестроечные процессы и события 1990-х годов оказали значительное влияние на формирование общественного сознания, стимулировав интерес к вопросам самоидентификации. Читательский интерес сместился в сторону углубленного изучения исторического наследия и особенностей культуры родного народа. Как известно, на протяжении веков марийский народ играл значительную роль в общественно-политической жизни Восточной Европы, что было признано и отмечено в исторических источниках других народов, таких как русских, татаров и турков.

В-третьих, снятие цензурных ограничений в 1991 году и активизация процесса демократизации создали благоприятные условия для объективного исследования исторических путей развития многих народов России. Это позволило систематизировать и проанализировать ранее недоступные данные, восполнить пробелы в исторической науке, включая изучение прошлого марийского этноса [Михайлов, 2022, с. 23–24].

В последнее время марийские прозаики подарили читателям произведения разных уровней в историческом жанре. Они в основном относятся к художественной литературе на историческую тему. Среди них можно выделить такие произведения, как романы В. Петухова «Акрам» (1994), «*Пӱркыт ден курныж-влак*» («Соколы и коршуны») [2002], роман Л. Яндакова «Мамич Бердей» [2007].

Как известно, XVI век – эпоха, которая оставила особый след в жизни марийского народа; тогда особенно ярко проявились его национальные са-

мосознание и самобытность. Об этом героическом периоде народа рассказывают романы Виталия Петухова «Соколы и коршуны» и Леонида Яндакова «Мамич Бердей». Сами заголовки этих произведений отражают их основные идеи, тематику, проблемы и нравственные конфликты. Темой этих романов являются исторические события, имевшие место во второй половине XVI века на территории Поволжья и Московского государства, а именно Первая Черемисская война 1552–1557 годов. В центре повествований – борьба марийского этноса за свою независимость, а также авторские размышления об этих драматических событиях. Раскрытию ключевых идей произведений способствует высказывание русского историка Н. Костомарова: «В нашей русской истории царствование царя Ивана Васильевича Грозного является одной из наиболее значимых и заслуживающих отдельного изучения эпох… В течение этого полувека произошло много славных, великих дел со значительными последствиями, но также немало мрачности, крови и ужасов…», – взятое В. Петуховым в качестве эпиграфа к своему роману [Ончыко, 2002. № 8. С. 7].

Таким образом, в произведениях на передний план выходит конкретная историческая тема: жизнь марийского, татарского и русского народов в социально-исторических условиях того периода, раскрываются их характерные особенности через призму их взаимодействия и развитие в контексте исторических событий и жизненных обстоятельств.

Из каждого народа выделяются лидеры: марийские князья Мамич Бердей, Болтуш, Акпарс, русский царь Иван IV (Иоанн), ханы Казанского юрта. Однако основная мысль произведений раскрывается через образ главного героя Мамича Бердея.

Корни противостояния между героями глубокие и отражают множество аспектов: это борьба за будущее марийского народа, стремление сделать его жизнь свободной и счастливой. Для достижения этой цели перед народом открывались два пути. Мамич Бердей верил в свою силу и силу своего народа в борьбе за свободу родной земли, тогда как Акпарс считал более разумным быть рядом с русским народом. Вожди марийского народа твердо стояли на своих позициях, боролись за свои высокие идеалы. Однако для воплощения их идей в реальную жизнь тогда еще не было подходящих политических и социальных условий. Поэтому исход борьбы был печальным, жестоким и трагичным. Этот трагизм ощущается и в самом конфликте, и в противостоянии героев.

Петухов В. и Яндаков Л. широко и подробно описывают узловые моменты исторических событий XVI века. В произведениях основное внимание уделено драматическим и трагическим событиям 1551–1556 годов. Однако авторы используют прием ретроспекции для предоставления информации о предшествующих этапах жизни персонажей, что позволяет глубже понять их мотивацию и контекст действий.

Действие в произведениях разворачивается на территории русских, татарских и марийских земель, что позволяет авторам рассмотреть исторические процессы через призму мировоззрения и культурных особенностей данных народов. Каждый из этносов представлен как обладающий собственной системой ценностей и взглядов, что приводит к восприятию представителей других народов как оппонентов или врагов.

Конфликт между тремя народами проявляется не только в их действиях, но и в культурных аспектах, таких как обычаи, традиции, обряды и языковые особенности. Это способствует дальнейшему усилению и обострению противостояния, делая его более многослойным и значимым.

Оба романа содержат несколько сюжетных линий, связанных с главными персонажами – князьями луговых мари Мамичем Бердеем и Болтушем, а также вождем горных мари Акпарсом, русским царем и казанскими ханами. Авторы, охватив большой исторический период жизни марийского народа, стремились показать значительные социальные изменения в жизни марийского народа.

Мария Илибаева – известный марийский прозаик, внесший значительный вклад в современную марийскую литературу. В своем творчестве она последовательно стремилась к философскому осмыслению актуальных проблем социально-экономического и духовного характера, стоящих перед обществом. Это стремление наиболее полно и ярко проявилось в ее романе-тетралогии «Велик мир – тесен мир» [Илибаева, 2010], который стал одним из ключевых произведений марийской литературы последнего времени.

В данном произведении автор рассматривает широкий спектр значимых вопросов, отражающих различные аспекты человеческого бытия. Одним из центральных вопросов, исследуемых в романе, является проблема человеческой сущности и предназначения. Мария Илибаева на примере своего главного героя, Николая Веселова, утверждает, что истинная человечность и способность к созиданию возможны лишь при условии глубокого усвоения мудрости и культурного наследия родного народа, а также активного участия в жизни общенациональной культуры. Автор подчеркивает ответственность каждого человека за происходящее в обществе, что является одной из ключевых авторских позиций, представленных в романе.

Писатель одновременно затрагивает и проблему угрозы опасных социальных явлений, показывает читателям, что государство, рассматривая личность как отдельный винтик своего огромного механизма, часто коверкает жизнь и судьбу людей. Такая критика государственной системы является очень смелым шагом, выражает гражданскую позицию автора.

Само название романа-тетралогии «Велик мир – тесен мир», как и название его отдельных частей, содержит глубокий философский смысл. Автор как бы обращается к своим читателям: люди, мир велик и прекрасен и на этой пре-

красной Земле достаточно мест для всех. Только не делайте его тесным, невыносимым для себя и окружающих вас людей своими негативными поступками и проявлением ненависти. Так, М. Илибаева, как мастер художественного слова, направляет читателя к идеям гуманизма, милосердия и веры в позитивное начало человеческой природы. Она призывает к сохранению природной гармонии и стремлению к ней в межличностных отношениях.

Роман-тетралогия «Велик мир – тесен мир» представляет собой кульминационное произведение М. Илибаевой, в котором аккумулирован ее писательский и жизненный опыт, а также выражена гражданская позиция, обусловленная обеспокоенностью состоянием общества и судьбой многонациональной России. С этой точки зрения данное произведение стало бестселлером современной марийской литературы и значимым явлением финно-угорской литературы в целом.

В контексте современной марийской литературы особое место занимают произведения мемуарно-биографического жанра, пользующиеся высоким уровнем востребованности в читательской аудитории. Среди этих произведений выделяется роман Юрия Галютина «Георгий Пушкин», который представляет богатый жизненный путь Георгия Максимовича Пушкина, выдающегося деятеля театрального искусства, удостоенного звания заслуженного артиста Российской Федерации и народного артиста Марийской АССР. Роман, основанный на личных дневниках главного героя, обладает высокой степенью автобиографичности, что позволяет читателю погрузиться в уникальный опыт Георгия Пушкина. Автор детально освещает различные аспекты жизни марийского общества в период 1920–1930-х годов, включая бытовые реалии марийских крестьян, особенности их повседневной жизни, а также творческую и трагическую судьбу марийской интеллигенции в период репрессий 1930-х годов, и их разрушительное влияние на этническую культуру и духовность. Тем самым конкретная историческая тема выходит на передний план, не затмевая при этом тему преемственности поколений. Этот подход позволяет автору не только создать глубокий и многослойный портрет эпохи, но и подчеркнуть значимость индивидуального вклада выдающихся личностей в развитие национальной культуры и искусства.

Судьба современной марийской интеллигенции описывается в романе-дилогии В. Абукаева-Эмгака «*Шочмо тувыр*» («Судьба») и романе-трилогиии А. Ишалина-Тулая «*Пиалан лийза!..*» («Будьте счастливы!..»).

В своем романе-дилогии «Судьба» (первая книга дилогии – «*Куван кеҥеж*» («Бабье лето»), вторая – «Иван-Эвлес») [Абукаев, 1991, 1992] В. Абукаев-Эмгак раскрывает различные нюансы жизни простого народа: трудовую деятельность, традиции и обычаи, процесс насильственной коллективизации и репрессии 1930-х годов, особенности жизни сельских жителей, судьбы твор-

ческой интеллигенции разных поколений и многое другое. Через призму этих тем автор формулирует философскую концепцию о предназначении человека. Он утверждает, что истинная цель человеческого существования заключается не в праздности, а в активной борьбе с негативными социальными явлениями, в стремлении к духовному и нравственному совершенствованию. Подчеркивается важность любви, служения народу и созидательного труда как факторов, формирующих добрую память о человеке на долгие годы.

Автобиографический роман-трилогия «*Пиалан лийза!..*» («Будьте счастливы!..») Анатолия Тулая представляет читателю произведение, состоящее из трех частей под названиями «Школа», «Отдел» и «Министерство». В них подробно рассматриваются проблемы системы образования с перестроечных времен 1980-х годов вплоть до современности, а также описываются процессы, происходящие на различных уровнях управления образовательной системой, начиная с общеобразовательного учреждения и заканчивая министерским. Автор не только проводит глубокий анализ изменений в образовательной сфере, но и использует художественные приемы для передачи особенностей эпохи и менталитета своего времени. В результате читатели погружаются во внутренний мир персонажей, знакомясь с их переживаниями и эмоциями.

Примечательным явлением в современной марийской прозе стали произведения, по-новому отражающие традиционные ценности народа. В них закладывается богатый этнографический материал, связанный с национальным бытом, обычаями и традициями. Фольклорно-этнографические элементы выполняют различные художественные функции. Среди них повести Г. Алексеева «*Сулык*» («Грех»), М. Илибаевой «*Орина кова*» («Бабушка Орина») и М. Ушаковой «*Тошто пӧртын монологшо*» («Монолог старого дома») и другие.

Повесть «Грех» [Алексеев, 2016] Г. Алексеева погружает читателя в драматичную эпоху конца 1990-х, где автор, мастерски передавая дух времени, исследует запутанные человеческие отношения в контексте морали и этики. Особенный интерес представляет собой литературный прием писателя – каждая глава открывается цитатой из Библии, предвосхищающей дальнейшие события, а главное – выражающей моральные устои самого автора.

В повести «Монолог старого дома» [Ушакова, 2004] М. Ушаковой наиболее ярко отражены семейные отношения (взаимоотношения родителей с детьми), показанные через призму народного быта. Также раскрываются обычаи родного народа, мир мифологии. В произведении значительное место занимают философские размышления автора о социальной жизни, времени и судьбе, взаимоотношениях человека и природы.

Писатели, чтобы глубже проникнуть во внутренний мир героев, тщательнее исследовать их переживания и мысли, часто используют форму эпистолярного жанра, как это практиковалось в прошлом. Письма и дневниковые записи

служат не только документальными источниками, но также являются эффективной формой для художественных произведений. Они позволяют достоверно передать эмоциональное состояние и настроение человека, что является ключевой функцией эпистолярного жанра. Например, повести Ю. Соловьева «*Кӱрен коман тетрадь*» («Тетрадь в коричневой обложке»,1999) и М. Кудряшова «*Серыш поран*» («Метелица писем», 1999) полностью соответствуют данному жанру.

Нельзя не упомянуть еще одну особенность современной марийской прозы. Это произведения в жанре мистики и фэнтези.

Фэнтези является одним из жанров фантастики, представляющим собой литературные произведения, в которых описываются вымышленные события. В рамках этого жанра автор создает вымышленный мир, обладающий мистической составляющей, которая не поддается рациональному объяснению. Персонажи фэнтези могут включать в себя мифологических существ, таких как боги, демоны, добрые и злые духи, а также фантастических существ различных размеров, включая миниатюрных и гигантских. К числу персонажей также относятся говорящие животные и растения, драконы, вампиры и иные существа, заимствованные из мифологии и фольклора. Фэнтези объединяет элементы сказочного повествования, научной фантастики и рыцарского приключенческого романа [Михайлов, 2022, с. 24].

Такими характерными чертами отличаются произведения Виталия Петухова. Его повести «Шишока» (2014) и «*А мый умбак…*» («А я – дальше...» (2006–2007, 2009–2010) обогатили марийскую литературу новыми формами и жанрами, заложив основу для развития направлений постмодернизма и этнофутуризма в марийской литературе и художественно-эстетической мысли. В произведениях В. Петухова гармонично сочетаются элементы народного эпоса, философские концепции и мифологические мотивы. Эти работы насыщены атмосферой фэнтези и тесно связаны с мифологическим пространством. Повесть-фэнтези «А я – дальше...» имеет явные параллели с народными сказаниями. Персонажи, такие как Богатырь из теста, Дубовый богатырь, Колобок, Ведьма и Ненасытный, заимствованы из фольклорного наследия. В качестве эпиграфа автор использует цитату А.С. Пушкина: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок...». Как и в традиционных сказках, Богатырь из теста отправляется в длительное путешествие, встречает союзников и сталкивается с рядом удивительных событий: совместно с Темным рыцарем и Колобком он возвращает воду, отобранную Водяным, и спасает девушек от Ненасытного. Однако, в отличие от классических сказок, В. Петухов в своей повести отражает переживания современного человека, интегрируя в повествование актуальные социальные и философские темы, что придает произведению особую глубину.

В повести «Шишока» автор через образы и события исследует жизнь современной марийской интеллигенции, взаимосвязь человека и природы, моральные и этические вопросы, проблемы родного языка и литературы, а также затрагивает важные социальные аспекты, такие как проблема алкоголизма. Для достижения этих целей Петухов использует мифологические образы. Шишока – лесной дух, он служит связующим элементом сюжета и позволяет автору выразить свои мысли и мировоззрение, а также наглядно иллюстрировать современные проблемы.

Особенность стиля современной марийской прозы заключается в том, что она насыщена лиризмом (особенно это заметно в жанре повести). В лирической прозе передаются тонкие душевные переживания, глубоко раскрывается внутренний мир человека, ярко выражены его размышления и чувства, а лирический герой занимает центральное место. Он передает жизненные впечатления автора через свои собственные эмоции. Это достигается благодаря использованию внутренних монологов героев, элементов лирики, публицистики и философии, что придает произведению особую лирическую окраску. Через лирические отступления писатель выражает свое отношение к жизни, времени и событиям, делится своими внутренними ощущениями. Лирические зарисовки по настрою могут быть разными: описание природы, любовные переживания, уважение, радость от общения или глубокое переживание о жизни, размышление о каком-то важном событии.

Лирическим стилем отмечены произведения таких авторов, как повести В. Абукаева-Эмгака «*Лишыл мӱндыр шӱдыр*» («Близкая далекая звезда»), Г. Алексеева «*Погонан рвезылык*» («Молодость в погонах») и «*Ӱшаным ӱжара конда*» («Заря надежды»), А. Александрова-Арсака «*Ӱмыр кыл*» («На перепутьях жизни»), «Роза», «*Каче тан*» («Дорогой друг») и других. Главное в них – это проблема любви.

Заключение

Современная марийская проза демонстрирует богатое разнообразие жанров и тем, выраженных средствами художественной выразительности и глубокого проникновения в культурные коды и менталитет народа мари. Прозаики активно исследуют и анализируют современные социальные и культурные процессы, происходящие в обществе. В своих произведениях они акцентируют внимание на ключевой роли искусства в трансформации современной реальности и формировании основ мирного будущего. Таким образом, современная литература ориентирована на глубокое воздействие на внутренний мир человека. Это стремление проявляется как в творчестве признанных мастеров пера, так и в работах молодых авторов.

Согласно мнению литературоведов, одной из главных особенностей современной литературы является насыщение ее идеями гуманизма, отражение

душевной красоты человека, его моральных качеств, богатства внутреннего мира, а также преданности своему народу и стране. В этой связи марийские писатели активно ищут новые формы выражения, исследуют актуальные темы и проблемы, применяя разнообразные жанровые структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаев-Эмгак В. Шочмо тувыр: роман = Судьба. Йошкар-Ола: Марий книга изд-ве, 1991. 1-ше кн. Куван кеҥеж = Бабье лето. 304 с.; 2-шо кн. «Иван-Эвлес». 1992. 287 с.

Александров А. Ӱмыр кыл: повесть ден ойлымаш-влак = На перепутьях жизни: повесть и рассказы. Йошкар-Ола: Марий книга изд-ве, 1989. 224 с.

Александров-Арсак А. Юмын капка ончылно: роман-дилогий = Пред божьими вратами. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. 510 с.

Алексеев Г. Сулык: повесть = Грех: повесть. Йошкар-Ола: Марий книга изд-ве, 2016. 208 с.

Беляева Т.Н., Кудрявцева Р.А. и др. Марийский роман: история и поэтика: коллект. моногр. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»; сост. Т.Н. Беляева. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2023. 154 с.

Бояринова Г.Н. Сылнымутан произведенийым лончылымаш: прозо : тунуктымо пособий = Анализ художественного произведения: проза: учеб. пособие / Г.Н. Бояринова; Россий Федерацийын шанче да кӱшыл образований министерствыже, КШП «Марий кугыжаныш университет» ФКБТТ. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2021. 172 с.

Галютин Ю. Георгий Пушкин: роман. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. 312 с.

Илибаева М. Кумыл: повесть ден ойлымаш-влак = Гармония души: повесть и рассказы. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2003. 192 с.

Илибаева М. Кугу тӱня – шыгыр тӱня: ныл книган роман = Велик мир – тесен мир: роман-тетралогия. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2010. 671 с.

Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011, 324 с.

Кудрявцева Р.А., Беляева Т.Н. и др. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: коллект. моногр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. 353 с.

Михайлов В.Т. Кызытсе марий прозо: монографий очерк = Современная марийская проза: монографический очерк. Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пӧрт, 2022. 479 с.

Михайлов В.Т. Кызытсе марий прозо: туныктымо книга = Современная марийская проза: учеб. пособие. / В.Т. Михайлов; Россий Федерацийын шанче да кӱшыл образованийын министерствыже, КШП «Марий кугыжаныш университет» ФКБТТ. Йошкар-Ола: Марий кугыжаныш ун-т, 2021. 400 с.

Михайлов В.Т., Бояринова Г.Н., Рябинина М.В. Сылнымут йогын: хрестоматий = Современный литературный процесс: хрестоматия / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»; сост.: В.Т. Михайлов, Г.Н. Бояринова, М.В. Рябинина; науч. ред. В.Т. Михайлов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2022. 360 с.

Петухов В. Пӱркыт ден курныж-влак. Исторический роман = Соколы и коршуны // Ончыко. 2002. 8–12-шо №№. 8 №. 7–92 с.; 9 №. 9–92 с.; 10 №. 8–88 с.; 11 №. 13–98 с.; 12 №. 13–94 с.

Петухов В. Шишока. *Повесть* // Ончыко. 2014. № 1. С. 19–70.

Рябинина М.В. Марийская повесть второй половины XX века: поэтика психологоизма: моногр. / Мар. гос. ун-т: М.В. Рябинина. Йошкар-Ола, 2016. 183 с.

Тимиркаев А.Т. «Историйна лач ик тӱсан гына огыл…» Писатель Виталий Петухов дене кӱчык вашмутланымаш = «Наша история имеет не только один цвет...». Диалог с писателем В. Петуховым // Ончыко. 2002. № 8. С. 5.

Ушакова М. Умыло мыйым: ойлымаш, повесть, йомак, пьесе, муро ден почеламут-влак = Пойми меня: рассказы, повести, сказки, пьесы, песни и стихи. Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2004. 279 с.

Яндаков Л. Онар: роман-влак = Онар: романы / Л. Яндаков. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2007. 560 с.

Vitaliy Mikhailov

MODERN MARI PROSE: THEMATIC AND GENRE DIVERSITY

Introduction. The article analyses the thematic and genre diversity of the modern Mari prose which represents one of the most important components of national literature. Based on the study of the work of popular modern Mari writers, the ideological and artistic features of their works are studied. It allows us to understand the authors' intentions better, to reveal the wealth of artistic techniques and the author's unique world view. **The purpose of the article** is to analyse the genre and thematic diversity of modern Mari prose, to identify its ideological and artistic features. **Materials and methods.** The most significant works of Mari prose written at the turn of the XX–XXI centuries were the material for the article. The research methods are cultural and historical, biographical, structural and descriptive. **Results of the research, discussion.** Modern Mari prose has been enriched with new themes, characters, and genre forms. Writers address key aspects of the history of their people, explore their world view, self-identification and survival mechanisms, and reflect on the current state and prospects for the development of their native language and unique ethnic culture. **Conclusion.** Modern Mari literature reflects the current processes taking place in society and the spiritual search of the people. Studying the work of modern writers helps to identify new trends and directions in the development of literature, which is important for understanding the evolution of the literary process, the formation of new genres and styles, as well as analyzing the characteristics of the author's style and creative personality.

Keywords: modern Mari prose; genre; themes and issues; idea; world view; novel; novella.

REFERENCES

Abukaev-Emgak V. Shochmo tuvyr: roman [Fate]. Yoshkar-Ola, Marij kniga izdatel'stve, 1991. 1-she kn. Kuvan кеҥezh = Bab'e leto. 304 p.; 2-sho kn. «Ivan-Evles». 1992, 287 p. (In Mari).

Aleksandrov A. Ӱmyr kyl: povest' den ojlymash-vlak [At the Crossroads of Life: a Short Novel and Stories]. Yoshkar-Ola, Marij kniga izdatel'stve, 1989, 224 p. (In Mari).

Aleksandrov-Arsak A. Jumyn kapka onchylno: roman-dilogj [Before the Gates of God]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 2008, 510 p. (In Mari).

Alekseev G. Sulyk: povest' [Sin: A Short Novel]. Yoshkar-Ola, Marij kniga izdatel'stve, 2016, 208 p. (In Mari).

Beljaeva T.N., Kudrjavceva R.A. Marijskij roman: istorija i poetika [Mari Novel: History and Poetics]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2023, 154 p. (In Mari).

Bojarinova G.N. Sylnymutan proizvedenijym lonchylymash: prozo [Analysis of a Work of Art: Prose: a tutorial]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2021, 172 p. (In Mari).

Galjutin Ju. Georgij Pushkin: roman [Georgiy Pushkin; a nove]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 2008, 312 p. (In Mari).

Ilibaeva M. Kumyl: povest' den ojlymash-vlak [Harmony of the Soul: a Short Novel and Stories]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 2003, 192 p. (In Mari).

Ilibaeva M. Kugu tӱnja shygyr tӱnja: nyl knigan roman [Great World – It's a Small World: a Novel-Tetralogy]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 2010, 671 p. (In Mari).

Kudrjavceva R.A. Genezis i dinamika poetiki marijskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ja [Genesis and Dynamics of the Poetics of the Mari Story in the Context of the Literatures of the Peoples of the Volga Region]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2011, 324 p. (In Russian).

Kudrjavceva R.A., Beljaeva T.N. Aksiologicheskaja paradigma marijskoj literatury XX–XXI vekov [Axiological Paradigm of Mari Literature of the 20th–21st centuries]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2019, 353 p. (In Russian).

Mihajlov V.T. Kyzytse marij prozo [Contemporary Mari Prose: a tutorial]. Yoshkar-Ola, Marij kugyzhanysh universitet, 2021, 400 p. (In Mari).

Mihajlov V.T. Kyzytse marij prozo: monografj ocherk [Contemporary Mari Prose: a monographic essay]. Yoshkar-Ola, «Marij kniga izdatel'stve» savyktysh pört, 2022, 479 p. (In Mari).

Mihajlov V.T., Bojarinova G.N., Rjabinina M.V. Sylnymut jogyn [The Modern Literary Process: anthology]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2022, 360 p. (In Mari).

Petuhov V. Pӱrkyt den kurnyzh-vlak. Istoricheskij roman [Falcons and Kites]. Onchyko. 2002, no 8, pp. 7-92; no. 9, pp. 9-92; no. 10, pp. 8-88; no. 11, pp. 13-98; no 12, pp. 13-94. (In Mari).

Petuhov V. Shishoka. Povest' [Shishoka]. *Onchyko,* 2014, no. 1, pp. 19-70. (In Mari).

Rjabinina M.V. Marijskaja povest' vtoroj poloviny XX veka: poetika psihologoizma [Mari Story of the second half of the 20th century: Poetics of Psychologism: monograph]. YoshkarOla, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2016, 183 p. (In Russian).

Timirkaev A.T. «Istorijna lach ik tÿsan gyna ogyl…» Pisatel' Vitalij Petuhov dene kÿchyk vashmutlanymash ["Our History has more than One Colour...". Dialogue with the writer V. Petukhov]. *Onchyko,* 2002, no. 8, p. 5. (In Mari).

Ushakova M. Umylo myjym: ojlymash, povest', jomak, p'ese, muro den pochelamut-vlak [Understand me: stories, short novels, tales, plays, songs and poems]. Yoshkar-Ola, OOO «String», 2004, 279 p. (In Mari).

Jandakov L. Onar: roman-vlak [Onar: novels]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 2007, 560 p. (In Mari).

Михайлов Виталий Тимраевич
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий научно-методической
лабораторией «Марийская школа»
Центра по изучению уральских языков
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: vitatim@yandex.ru

Vitaliy Mikhailov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the educational and methodological
laboratory "Mari School",
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: vitatim@yandex.ru

УДК 821.511.151.0:398
DOI 10.51254/2312-0312-2025-2-70-84-100

МАРИЙ ИЛЫШ ГОЧ ТЎРЛЫШ УСТАН… (М. УШАКОВАН «ШЫЛТЫМЕ ШИНЧАОНЧАЛТЫШ» ОЙЛЫМАШЫЖЕ НЕГЫЗЕШ)

© 2025 г. Л.Е. Шабдарова

Введение. В последние годы филология на качественно новом уровне исследует своеобразие словесной деятельности человека. И, как известно, литературоведение выработало свои принципы анализа соотношения фольклора и литературы. Марийская литература второй половины XX – начала XXI века знает самые разные варианты использования фольклорно-поэтических традиций. Одной из писательниц, сумевшей передать суть национального образа мышления, национального характера, является М.Т. Ушакова. Её авторская индивидуальность, фольклорно-поэтическая деятельность, вопросы взаимоотношения человека и природы ещё не получили достаточно внимания со стороны марийских исследователей. **Цель статьи** – изучение фольклорно-поэтических особенностей и взаимоотношений человека с природой в рассказе «Шылтыме шинчаончалтыш» («Таинственный взгляд») марийского прозаика М.Т. Ушаковой. **Материалы и методы.** Материалом послужил рассказ прозаика «Шылтыме шинчаончалтыш» («Таинственный взгляд»). Использован структурно-семантический метод. **Результаты исследования, обсуждения.** Автор в своих произведениях акцентирует внимание на жизни рядовых людей, заостряет внимание на их внутренний мир, тщательно исследует их судьбы и в каждом герое находит что-то особенное. Это позволяет по-новому отнестись к исследованию черт народного мышления. Следует отметить, что Маргарита Ушакова является одной из интересных современных писательниц, сумевшей передать суть национального образа мышления и национального характера. Она относится к поколению марийских писателей, заявивших о себе в 70-е годы XX столетия. М. Ушакова пробовала свои силы в поэзии, драматургии, но читателям больше известна как прозаик. Это писатель широкого творческого диапазона. Маргарита Тимофеевна известна и как переводчица художественной литературы. Она перевела на русский язык трилогию «Илышлан кӧра» Аркадия Богданова («Во имя жизни», 2011) и сборник рассказов

«Толкын ваштареш» Василия Краснова («Корабли уходят, чтобы вернуться», 2012). Особенностью творческой судьбы писательницы является то, что она пишет на двух языках: марийском и русском. Все её произведения основаны на реальных фактах. В своих произведениях писатель стремится возвысить красоту духовного величия, крестьянского труда, добрые чувства и переживания. Её произведения отличаются глубоким психологизмом: она умеет передавать глубинные внутренние переживания персонажей. Для автора нет тайн в душе героя – она знает о нём всё, может проследить детально внутренние процессы, объяснить причинно-следственную связь между впечатлениями, мыслями, переживаниями. Все её художественные произведения написаны простым языком. Но это как раз та простота, в которой, по мысли Толстого, и заключается ясность, красота и правда. Глаз прозаика необыкновенно точен, он подмечает всё – от мелких, но необходимых для полноты картины деталей до крупности образа и мыслей. **Заключение.** В Маргарите Ушаковой особо развита способность видеть обобщённый образ национальной действительности в отдельном человеке, в его фигуре, жесте, движении, а также в каждом предмете, дереве, животном, растении и т.д. В предметном мире, который изображает автор, ощущаются корни марийской истории и культуры. А созданные Ушаковой образы, вбирают в себя национальные истоки, и вместе с тем, благодаря живой, динамичной форме повествования, они приобретают своевременное звучание и универсальное значение. В рассказе «Таинственный взгляд» проявляется воздействие фольклора и это связано не только в связи с изображением деревни, пейзажа, национальных обычаев, верований, крестьянского мироощущения и т.д., но и в связи с его стремлением проникнуть в специфику народного жанра, соединить жизненную конкретность и фольклорную условность. Следует подчеркнуть, что использование фольклорно-поэтических традиций в рассказе продиктовано мыслью о сохранении духовной и материальной культуры народа мари, а природные образные модели земного, водного, космического (небесного) пространств расширяют художественные поиски автора.

Ключевые слова: фольклор; марийская литература; образ; мировоззрение; М. Ушакова.

Ончылмут

Марий сылнымут ден калык ойпого коклясе пенгыде вашкыл нерген шагал огыл шымлыме паша возалтын [Ялкаев, 1935; Шабдар, 1935; Акцорин, 1963; Бояринова, 2024 да т.м.]. Шымлымашлаште тӱрлӧ йодышым тарватыме. Туге гынат кызытсе саманыште сылнымутан произведенийлаште калык ойпого материалым кучылтмаш моткоч кӱлешан. Тудо тӱрлӧ могыр гыч ончал-радамлалт кертеш да тыгак мыланна у йонгалтмашым пуэн сеӊа.

Статьян цельже – шымлызе-влакын «фольклоризм» нерген икмыняр умылымашыштым палемден кодаш да М.Т. Ушакован «Шылтыме шинчаончалтыш» ойлымашыштыже марий сылнымут ден калык поэзий кыл йодышым, тыгак произведенийыште пӱртӱссӱрет кучылтмым эскерен налаш.

Материал ден йӧн-влак

Шымлымашыште руш, марий сылнымут ден калык поэзийым радамлыше шанчызе-влакын пашаштлан энертыме. Тыгак марий калык поэзий материал дене шындаралтше М.Т. Ушакован «Шылтыме шинчаончалтыш» ойлымашыже возын. Пашан методшылан структур ден семантике йӧным шотлыман.

Шымлымашын лектышыже, канашымаш

Сылнымут ден калык ойпого коклясе вашкылым шымлымаш филологий наукышто шукертак посна йыжыҥым айла. Тиде йодышым икымше гана руш филологийыште XVIII курым мучаште – XIX курым тӱҥалтыште тарватыме. Палемдыме направленийыште критик В.Г. Белинский [1953], лӱмлӧ писатель-влак А.С. Пушкин [1949], Н.В. Гоголь [1952] тыршеныт. Лач тунамак наукыш «простонародность», «народность» термин нерген умылымаш пурен. Тусо пагытыште писатель шке сылнымут пашаштыже калык ойпого материалым кучылтын гын, тудым писатель-«простонародник» манынат. А XIX курымын кокымшо пелыштыже руш писатель-влакын творчествышт ден калык поэзий коклясе кылым Ф.И. Буслаев [2015], А.Н. Веселовский [2011], А.Н. Афанасьев [1982] да молат келгынрак шымленыт.

XX курым мучко тӱрлӧ шымлыме направлений рашемдалтын, эн онchычак М.К. Азадовскийын [URL: http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2055/6_Азадовский_vol55.pdf], П.С. Выходцевын [1979], Н.И. Кравцовын [1972], В.М. Гацакын [2000], Д.И. Медришын [1980], А.А. Гореловын [1979], А.И. Лазаревын [1985], У.Б. Далгатын [1981] да молынат пашаштым ончыктыман. Сылнымут ден калык ойпого вашкылым радамлашлан М.К. Азадовский «фольклоризм» терминым илышыш пуртен. Ученыйын ойлымыж почеш, фольклоризм – тиде шуко шӧрынан да кумда умылымашан термин. Палемдыман, таче кечынат тиде терминым умылтарен пуымаште ни фольклористикыште, ни сылнымут-шанчыште икгай шонымаш уке. Тылеч посна ятыр пашаште «фольклоризм» ден «фольклорный элемент» умылымаш-влак огыт ойыртемалт.

Икмыняр шымлызын «фольклоризм» умылымаш нерген шонымашыжым ончалына. Мутлан, Н.П. Андреев «Фольклор и литература» (1936) статьяштыже тыгай умылымашым пуа: «<…> у разных авторов функция привлекаемого им материала совершенно различна и зависит от их идеологической позиции. Отсюда и различие как в отборе материала, так и в характере его использования. Поэтому необходимо исходить каждый раз из конкретной характеристики автора, из понимания направленности его творчества; необходимо установить, какой именно материал берёт из фольклора данный автор и как обращается

с данным материалом» [цит. по: Плотникова, 2010, с. 181]. Фольклоризмын кӱлешлыкше нерген В.Е. Гусеват палемда. Тудын шонымашыже почеш лач фольклор материал полшымо дене гына калык тӱвыра умбакыже одарланен шарлен кертеш, тыгодым тиде йодышым шанчызе культурологий могырым онча.

Вес шымлызе У.Б. Далгатын [1981] шонымашыже мыняр-гынат ойыртемалтеш. Тудо умылтарымашым сылнымутшанче могырым темла, тыгак «литературын фольклоризмже» термин сылнымут возыктышын шочмо дене виянаш тӱҥалын манеш. Тыгодым писатель-влакын калык ойпого материаллан лӱмын энертымыштым «фольклоризм» манаш лиеш манын ойла. Тылеч посна ученый фольклоризмын кончыш-влакшым системыш кондаш тыршен.

Медриш Д.Н. гын сылнымут ден калык ойпого кылым словесно-поэтический системе семын ончаш темла. Тудын шонымыж почеш: «<…> в фольклоре (и, в частности, в его поэтике) может быть обнаружен целый ряд признаков, которые в устном народном творчестве не играют сколько-нибудь заметной роли, в результате чего фольклорист может ими и пренебречь как избыточными. И только литература выводит эти, казалось бы, несущественные элементы из состояния анабиоза, обнаруживая скрытую в них энергию и жизнеспособность. Фольклорная традиция получает в устном народном творчестве одни импульсы, в литературе – другие» [Медриш, 1980, с. 15].

Писатель-влак творческий шонымашыштым кӱлеш семын шукташ манын, жанрын формыжым, композицийын приёмжым, повествованийын йӧнжым, сюжетшым, мотившым, образше-влакым, сылнештарыме йӧным, кӱэмалтше ойсавыртышым да народно-поэтический лексикым, калык почеламутым чӱчкыдын фольклор гыч кӱсынленыт. Ожно калык ойпогышто кӱчыкын раш каласымаш, сӱретын ойыртемже писатель-влакын кумылыштым савырен гын, кызытсе автор-влакат сылнымут аланыштышт геройын койыш-шоктышыжым але сӱретлыме пагытын илышыжым келгынрак почын ончыкташлан калык поэзийын тӱрлӧ элементшым кучылтыт. Иктешлен каласаш гын, фольклоризм – тиде сылнымутан произведенийыште фольклор мотив, образ-влакым радамлымаш, тыгак моло элемент-шамычын кучылталтмыштым почын ончыктымаш.

Каласен кодыман, ятыр шанчызе калык ойпого ден сылнымут коклаче вашкыл йодышым шымлен, тыгак фольклоризмын типше-влакымат тӱшкален. Фольклоризмын типологий йодышыжым нергелымаште А.А. Горелов [1979], О.Ю. Трыкова [URL: https://vestnik.yspu.org/releases/doskolnoe_obrazovanie/1_5/] тыршеныт, тыгак кугу тӱткышым А.И. Лазарев [1985] ойырен. А.И. Лазарев «Некоторые вопросы типологии фольклоризма литературы советского времени» пашаштыже писатель ден поэт-влакын сылнымутан текстыштышт фольклор материалым кӱлеш семын келыштарымыштым ончен

лекмекыже, тыгай типологический тӱшкалымашым пуа: автор-влакын сылнымут произведенийлаштышт фольклор элемент-влакым лӱмын огыл кучылтмаш, сылнымутан текстыште лӱмынак калык ойпого элемент-шамычым кучылтмаш да тачысе саманлан келыштарымаш [Лазарев, URL: https://cyberleninka.ru/article/nekotorye-voprosy-tipologii-folklorizma-literatury-sovetskogo-vremeni/viewer].

Руш литературым шымлымыже почеш А.И. Лазарев тӱҥ шотышто фольклоризмын тыгай типше-влакым ойыра: созерцательно-гуманитарный, ностальгический, агитационно-поэтический, психологический. Тылеч посна шымлызе-влак функциональный фольклоризм ден эстетически нелемдыме/усложненный фольклоризмым (смысловой, сюжетно-композиционный, образный трансформаций) да молымат ойырат.

Калык ойпого ден сылнымутын чак кылдалт шогымыштым марий сылнымутыштат эскерена. «Марий сылнымутан литератур, – шымлызе Г.Н. Бояринован палемдымыж почеш, – калык илыш негызеш шочын, фольклор негызеш шытен, йӱла дене вашкылдалтше лийын. Калыкын поэзий усталыкше – тиде мемнан нимучашдыме поянлыкна, кугезе тукымын мастарлыкше. Тудо акрет годымак атыланен да курым гыч курымыш пойдаралт толын» [Бояринова, 2024, с. 54].

Палемден кодыман, икымше гана марий легенде руш сылнымутан произведенийын негызшылан XIX курымышто возын. Тиде Надежда Дурован «Серный ключ, или Черемиска» (1839) лӱман повестьше. Шке жапыштыже ты произведений нерген тыге возен кодымым ужын кертына: «<…> В сборнике «Сто русских литераторов» (1839–1845), том I, помещена повесть «Серный ключ (Черемисская повесть)» с портретом автора работы А. Брюллова. Последняя вошла в сборник повестей Дуровой под названием «Черемиска. Черемисская повесть. Рассказ исправницы Лязовецкой».

Повесть написана в присущем Дуровой романтическом духе. Её также отметил Белинский, разбирая сборник «Сто литераторов»: «По части романтически-повествовательной замечателен ещё «Серный ключ г. Александрова (Девицы-кавалериста)» [Белинский, 1953, с. 102]. Умбакыже писатель, литературовед Б.В. Смиренский «Надежда Дурова» лӱман пашаштыже тыге ешарен воза: «Ряд произведений Дуровой посвящён изображению жизни и быта таких национальностей, как марийцы, татары, поляки, литовцы. Правда, толкование исторических фактов в этих произведениях иногда ошибочно (повесть «Нурмека»); иногда проскальзывает высокомерное отношение к малым нациям, угнетавшимся царизмом, например, к «черемисам и прочим им подобным полудиким народам» (повесть «Серный ключ»); здесь Дурова не поднимается выше взглядов, господствовавших в то время в дворянско-помещичьей среде. Но живое изображение эпохи, глубокое проникновение в национальное свое-

образие народной жизни – в этих произведениях несомненны» [Смиренский, http://az.lib.ru/d/durova_n_a/text_0030shtml].

XIX курым мучаште – XX курым тӱҥалтыште сылнымут ден фольклор кыл пенгыдем толеш. Лач тиде жапыште марий сылнымутлан тӱҥалтышым пыштыше ден шымлызе-влак калык ойпогым погеныт да шымленыт, национальный литературын шочмыж нерген материалым чумыреныт, тыгак тӱнямбал сылнымут процессым эскереныт. Чыла тидыже писатель-шамычлан оҥай сюжетан произведенийым возаш полшен.

XX курымын 20-шо ийлаштыже С. Чавайнын, Я. Майоров-Шкетанын, А. Конаковын, Н. Мухинын да молынат сылнымут творчествыштышт калык ойпогын тӱрлӧ жанрже гыч материалым кучылтмаш ик эн тӱҥ да кӱлешан энертышлан шотлалтеш. 1930–1950-ше ийлаште марий сылнымутан литературышто калык поэзий дек тӱткылыкым виктарымаш, национальный шонымаш пенгыдеммаш дене палемдалтеш, тыгак калыкын вашталтмыже, марий калыкын шкешотан улмыжым ончыктымаш эскералтеш. 1960–1990-ше ийласе сылнымутан литературышто писатель-влакын полшымышт дене марий калыкын койыш-шоктышыжым илыш-йӱла негызеш арален кодаш, илышым у семын умылаш да умылтараш тыршымашым ужаш лиеш.

Кызытсе пагытыште «фольклоризм» термин писатель-влакын сылнымутан произведенийышкышт калык поэзий гыч тӱрлӧ жанрым але посна сюжетым кӱсынлымашым умылтарен пуымо деч посна калык тӱвыра дене пенгыде кылым кучымым рашемда, тыгодым тачысе саманын шинчаончалтышыж дене умылтарен пуымым ончыкта. Тыгак сылнымутан текстыш марий тӱняумылымаш да илыш ойыртем дене кылдалтше материалым пуртымаш кеч-могай произведенийымат сылнештара, тудлан посна ямым пурта.

Тидым ме Маргарита Тимофеевна Ушакован творчествыштыжат муына. Тудо ик семынак моторын, чаткан марий да руш йылмыла дене возен шогымо мастарлыкше дене ойыртемалтеш. Тачысе кечылан прозо жанрым ончалына гын, марий серызе радам гыч М. Ушакова шке сылнымут пашаж дене посна йыжыҥым айлен шога. Писательын «Авамын куэже» (1989, Мардан Рая дене пырля), «Янгаршуло олык» (2000), «Умыло мыйым» (2004), «Шыже муро» (2009), «Порысан пӱрымаш» (2019), тыгак руш йылме дене «Нежные стебли дождя» (2014), «Быль быльём поросла» (2024) сборник ден книгаже-влак савыкталт лектыныт. Тыгак М.Т. Ушакова кусарыше семынат палыме. Тудо Аркадий Богдановын роман-трилогийжым «Илышлан кӧра» («Во имя жизни», 2011) да Василий Красновын «Толкын ваштареш» («Корабли уходят чтобы вернуться», 2012) руш йылмыш кусарен.

Автор тыгак 2012 ий 26 октябрьыште Проза.ru серверыште шке лаштыкшым почын. Тыште почеламутым, новеллым, миниатюр-влакым, ироний прозым, ойлымаш ден повестьым веранден. Тачысе кечылан тушто чылаже 68 произведений. Авторын лаштыкыштыже – 17 615 лудшо.

Прозаик М. Ушакова тачысе саманын кеч-могай йыжыҥжым але илыш ситуацийым сай психолог семын пӱсӧ шинчаж дене ужын мошта да лач кӱлешан шонымашыжым лудшо-влак деке намиен шуктымыж дене ойыртемалтеш. Серызе марий калыкын философийже да этике йӱлажлан энертен шога, тыгак калык поэзий материал дене мастарын пайдалана. Тылеч посна «айдеме да пӱртӱс» кыл писательын чыла гаяк произведенийыштыже ик эн ончыл верым налын шога манына гынат, йоҥылыш огына лий. Сылнымутчо, нине йӧн-влак дене пайдаланен, шке персонажше-влакын шӱм-чон моторлыкыштым але, мӧнгешла, осал койыш-шоктышыштым почын пуа, произведенийыште лийшаш вашталтышым шижтара, тыгак нуно произведенийым сылнештарат да посна сылнымут сомылым шуктен шогат. Каласен кодыман, М. Ушакова шке произведенийлаштыже кугу тӱткышым тыглай еҥ-влакын илышыштлан ойыра, нунын пӱрымашыштым шымла, радамла да кажне персонажше-влак посна койыш-шоктышан улыт гынат, нуным айдеме деке да шочмо мланде деке йӧратымаш кумыл, пӱртӱсын пуымо поянлыкшым пагален моштымаш, эре пашаште шолын илымаш иктыш ушен шогат.

Мутлан, писатель «Шылтыме шинчаончалтыш» [Ушакова, 2009, с. 167–174] ойлымашышкыжат марий калыкын шӱм-чон поянлыкшым, тӱняумылымашыжым, шкешотан илыш ужмашыжым мастарын тӱрлен моштен. Тыште палемден кодыман: авторын ойлымыж почеш, тиде ойлымаш илышыште чын лийше событий негызеш возалтын. Икымше гана тиде произведений марий йылме дене 2009 ийыште [Ушакова, 2009, с. 167–174], а 2012 ийыште авторын кусарымыж почеш руш йылме дене [Ушакова, 2012, с. 106–114] савыкталтын.

Произведенийыште ик сюжет корно ончыкталтын. Автор лудшыеҥ-влаклан рӱдӧ геройын – Фёдор Лукьянович Лунёвын, тыглай оласе школын сӱрет туныктышын – шӱм-чон кӧргӧ поянлыкшын вестӱрлеммыжым тӱҥалтыш гыч мучаш марте эскераш темла. Тӱҥ шотышто чыла действий тиде персонаж дене кылдалтын да тудын йыр пӧрдеш. Сылнымутан текстыште улшо чыла гаяк пейзаж возымаш ден сӱретлымаш Лунёв дене утларак кылдалтыныт гын, марий калыкын кумылжым, шӱм-чон поянлыкшым, мастарлыкшым, моштымашыжым, шижын да шекланен моштымыжым Ёлкин кугызан образше дене кылдыме. Кок геройжымат чон яндарлык, арулык, шыма да лывырге койыш-шоктыш, шочмо вер-шӧрым йӧратен да пагален шогымаш, пӱртӱс деке мелын улмаш, полыш кидым шуэн моштымаш кумыл иктыш уша. Умбакыже кажне геройым посна ончалына.

Икымше гана Ёлкин кугыза дене вашлиймаш мемнан чонышто поро кумылым ылыжтен кода: «Ваш пулвуян лапка какши марий <...> Чапий (мактанчык. – *М.У.*) гынат, поро да ару. Тудым ялыште Кожизай маныт. Йолкышаже лумышто ма, пуракыште – кож укшым оптен кайыме гай» [Ушакова, 2009, с. 168]. Умбакыже действий виянгме семын, Кожизай нерген автор еша-

рен, тыге манеш: «Илыш-йӱлам пала, арала, садлан кеч-могай йодышым рашемда» [Ушакова, 2009, с. 169]. Ёлкинын тыгак кумылзак, мыскара кумылан улмыжым да гармонь дене талын шоктен моштымыж нерген писатель тыге мутым умбакыже шуя: «А гармоньым кидыш кучен шинчеш гын, мӱшкырет чытыже – воштылмет дене коршташ тӱҥалеш. Кожизай койдарчык мурым шуко пала. Кажне ял ӱдырлан акым пуышо мурыжо-влак дене кува-шамычым сырыктылеш. Шке шонен лукмыжымат кокла гыч пуртылеш:

Карай ӱдыр – пражан мӱшкыр,
Азан улмыжым петыра;
Йывансола ӱдыр – вичкыж кыдал,
Пӱтыркален ончен куанет;
Олыкъял ӱдыр – пасугапка менге,
Кажне тӱкален кая;
Токози ӱдыр – шем топ гай йывыла –
Руалтен кучаш огеш лий;
Пӱнсола ӱдыр – ошма пагар пайгере;
Кургымбал ӱдыр – ошма ӱмбал шымавуч» [туштак, с. 169].

Кожизайын, тыгак Фёдор Лунёвын образыштым келгынрак почын пуаш манын, автор ойлымашышкыже Чузак ер нерген материалым пурта. Тыште ерым посна образ семынат ончаш лиеш. Молан манаш гын, ик могырым, произведенийын кульминацийже лач ер воктене лийше событий дене кылдалтын. Вес могырым, вӱд марий калыклан илыше вий лийын. Кугезе тукымна-влак вӱд (памаш, ер, энер) воктене шкем тыматлын кучаш туныктен шогеныт. Тыгак ожнысо пагыт годсекак, марий мифологийлан келшышын, марий калык Вӱд авалан, Вӱд водыжлан, Вӱд озалан, Вӱд онлан, Вӱд пӱрышылан мутым пелештен моштен. Чыла тидыжым ме произведенийын строка кокла гычше ужына. Чузак ер нерген материал (ушештарымаш але посна действий) ойлымашыште икмыняр гана вашлиялтеш. Икымше гана Фёдор Лунёв тиде ер воктек йӱдлан каяш тарванымыж нерген Кожизайлан шижтара да тудым йолташлан мияш йодеш. Но шонгыеҥ шылтален тыге гына вашешта: «Шукертсек ту кундемыште лиялтын огыл. Ямдылалтам туалгын, кишке вашке чӱнга гын» [туштак, с. 169]. Тыгодым Ёлкинын ешарен ойлышаш шомакшым лугыч вес герой ышта. Тиде сӱрет мыланна тыглай информацийым гына пуа манын кертына.

Кокымшо гана Чузак ер нерген ушештарымаш тӱҥ геройын ер воктек каяш тарваныме сӱрет дене кылдалтын. Кожизай Фёдорлан мыскара йӧре, «ик йӱдлан кает гын, кум йӱдлык кочкышым пеленет нал» [Ушакова, 2009, с. 170] манын, каҥашым пуа. Тыгодым, «Фёдорын тарванылмыжым эскерен шинчышыжла, пеш шке семынже мугымата, изи паккӱзӧ нер дене кидтупшым ыреслылеш:

– Ворым кучем, ворым кучем. Кӱртньӧ печым печем, кӱртньӧ печым печем» [Ушакова, 2009, с. 170] малдалеш. Тидыже молан манын Лунёвын йодмыжлан, шоҥгыеҥ шылтален тыге вашешта: «А-ай, шыгыле кушкаш тӱналын – авырем. Тетла ынже шарле, кошкыжо» [туштак, с. 170]. Тиде изи ужашыште Ёлкинын Фёдорлан аралтыш мутым чоклен ойлымыжым автор мастарын шылтен моштен. Тыште сылнымутчо мыланна иктаж-мо сай огыл лийын кертме нерген мыняр-гынат шижтара. Тыгак Кожизайын умбакыже шуйымо ойжо «Кӱат вӱдыжгӧ кӧрган лийын кертеш. А шырпе колымыж деч ончыч шортеш. Тудым чонан кож гыч ыштыме вет. Теве на, удырал, ынде ончо: тул деч лӱдын, шинчавӱдла киш чӱчалтыш куржеш. Ужыч? Кажне арверын чонжо уло…» [туштак, с. 170] марий калыкын илыш философийже нерген умылымашым тӱҥ герой дек намиен шукташ тыршымыжым ужына. Но тыгодым шкеже молан Чузак ер дек каяш тореш лиймыжым ок ойло, «ала-молан каваш кужу-ун онча». Эсогыл Фёдорын машинажым ыреслен ужата да «Можыч, нимат ок лий» [туштак, с. 170] шоналтен шога.

Умбакыже Чузак ер дене вашлиймаш кечывалым эрта. Тиде ер улак верыште, келге чодыраште верланен. Тӱжвач ончалмаште тудо нимо дене огеш ойыртемалт, сер воктеке канаш толшо-влакымат Лунёвын шинчаж дене сӱретлымым ужына. Но чылажат йӱд пагыт толмо дене вашталтеш: куатле виян мардеж тарвана, йӱр талышна, почела сургалтше кум волгенче сандалыкым пелыгыч шелеш. «Кумшо гана йолт волгалтме татыште, – кузе автор палемда, – кок пӱнчӧ шырпешт, кӱшыч ӱлыкыла шелын тулаҥе да, ыресла ӱмбала возын, уло нелылык дене палатке ӱмбаке иканаште йӧрльӧ» [Ушакова, 2009, с. 171]. Тыште тыгак автор ерын пуйто чонан лийын моштымыж нерген шижтара: «Ер ӱмбалне ала-могай шем кайык шулдыржо дене вӱдым лыпе-лопо шотла, пуйто йолжым тушан йолыштеныт» [туштак, с. 171].

Чузак ер дене вес вашлиймаш кугу азап деч вара лиеш. Лунёв, ер воктене шкет кодмекыже, ерысе вӱд дене шӱргыжым мушкеш, а умбакыже прозаик мутвундыжым тыге ронча: «<…> волгенче логалме верыште пӱнчын ик шырпыжым катен нале (суртым туткар деч арала, маныт)» [туштак, с. 171]. Тиде изи ужаш гыч тӱҥ геройын марий калыкын илыш палыжым шинчыше, мыняр-гынат шекланен моштышо да мо кӱлешыжым радам дене шуктен шогышо улмыжым мыланна раш умылтара. Ойлымашыште ерын образше мифологий функцийым шуктен шога да мыняр-гынат символ сыным налеш манын кертына. Миф ден легенде-влак почеш ер юзо вер лиймым умылтарен сеҥа. Шуко калык ер нерген легенде ден миф-влакым чоҥен, тыгодым нуно пӱртӱсын юзо воштончышыжо семын ончыкталтынат да тыглай ден вес йыжыҥан тӱням кокыте пайленыт [Вовк, 2006, с.85]. «Шылтыме шинчаончалтыш» ойлымашыштат мудреч Кожизай тиде пӱрдышым мыланна изишак почеш: «Чузак ер ожнысек тугае вер – йӱдым воктенже эртарыше еҥым ок йӧрате» [Ушако-

ва, 2009, с. 171]. Ер образ, мемнан шонымаште, мифопоэтике йӱла контекстыште ешартыш смысл кумдыкым умылтара, тудо тоштыеҥ-влакын шарнымашыштым аралыме мотив дене кылдалтын.

«Шылтыме шинчаончалтыш» ойлымашыште Фёдор Лукьянович Лунёвын образше, кузе палемден кодышна, пейзаж возымаш ден сӱретлымаш дене чак кылдалтын. Автор тиде кыл гоч мыланна марий калыкын пӱртӱсын моторлыкшым йӧратен да ужын-шижын моштымыжым гына огыл, а тыгак чодыра – айдемын эн поян йолташыже улмым почын ончыкта. Тӱҥ геройлан улыжат иктаж 50 ий, туге гынат тудо «… Куштылгын вер гыч тарванаш тунемше, спорт дене лишыл улшо (кеҥежым – футбол, телым – хоккей), кӱкшӱ капан, толкыналтше нугыдо шем ӱпан…» пӧръеҥ, школышто «…йоча-влакым карандашым кӱлеш семын кучаш, пӱртӱсым умылаш кумыландӓш тӧча» [Ушакова, 2009, с. 167]. Коклан тудо изи пейзаж-влакым сӱретлен, но, кузе рашемеш, Фёдорын пелашыже – Виталия Рудольфовна – кудо «…илыш пӧрдемыште кӱшыч эркын ончен коштшо вараш гае» лийын, «нуным тунамак иктаж-кӧлан кучыктен». Тӱҥ персонажын илышыж гыч ме вес изи огыл кӱлешан факт денат палыме лийына: «Художник-влакым ямдылыме училищыште, кушто Фёдор тунемын, икмыняр сӱретшым выставкылашкат ойырен налыныт», а тудын «Чапле радынам шочыкташ шонымыжо, – автор-ойлышын каласымыж семын, – ушышто гына ила» [туштак, с. 167].

Ушакован ойлымашыштыже пӱртӱссӱрет тӱҥ шотышто йӱла семын фон функцийым шукта (вер ден жапым ончыкта). Лунёвын илыме вержылан тудын шочмо Текте ялже лиеш. Кандаш суртан ял чодыра лоҥгаште, шӱшпыкан верыште лийын гынат, произведенийыште илыше пӱртӱсым возымаш шукыж годым лач эскиз семын ончыкталтын: «…пӧртыш пурымо шуын огыл, каваже тугай кумда, йырваш тунар шып ыле»; «…йырваш чодыра ыле, пӱнчӧ-влак вӱд деке лишке толыныт» да молат [Ушакова, 2012, с. 108–110].

Йыр улшо тӱням возымаште тыгак пӱртӱсын тӱсшӧ, пушыжо да йӱкшӧ нерген палемдымашат вашлиялтеш: «… погодо тугай, кузе маныт, энертышан кечым вашталташлан запаслан пыштат гынат, лиеш»; «ер ӱмбалне шем пычкемыш волен»; «шужгышо пуалме мардеж… шӱшкалын, мурен; …мом гына йывыртен йодын»; «пушенге-влак шужгеныт, тӱкен каеныт, … лӱшке-влак да укш-влак кӱрылтыныт»; «вӱд… шокшо, ару, шокшо вӱд»; «пушеҥгылаште вӱдыжгӧ лышташ-влак кече йоллаште йылгыжыныт» [тушак, 2012, с. 108, 110, 112]. Тыгай возымаш тӱҥ шонымашым шукташ кучалталтеш: пӱртӱс чонан, тудо шке шылтыкан илышыж дене ила.

Писатель ойлымашыште пӱртӱссӱретым предмет тӱням тыматлын возымаш семын гына огыл, а тыгак кӱлеш годым кучылт моштымо (але вес семынже практичный манына. – *Л.Ш.*) могырым почын ончыкта манын кертына. Мутлан, Фёдор эр йӱдымак чодыраш каен да кастене гына пӧртылын кертын,

а поген толмо понго поянлыкшым ойыркален, мушкеден. Автор геройын тиде сомылым шуктымыжым тыге йӧратен каласкала: «Коявапкам кошташ пӱчкеда, коявоҥгым шолтен, …майравоҥгым шкалан гына шинчалта, а нулвоҥгым левашйымалсе кугу подеш шолтен налешат, специй йӧре-варе тумо ден шоптыр лышташым, чеснок ден укропым лончын-лончын оптен… Рывыжвоҥгым холодильникыш веранда – рестораныште (Виталия пелашыже шке ресторанным куча. – *Л.Ш.*) посна рецепт дене тудым соуслан кучылтыт» [Ушакова, 2009, с. 170]. Тиде жапыштак прозаик тӱҥ геройын пӱсӧ шинчаончалтышан улмыжым, сӱретче семын пӱртӱсым йӧратен, шижын да ужын моштымыжымат палемден кода: «…южгунам оҥай верым але пушеҥгым верештме годым фотоаппаратысе плёнкеш арален кодаш тырша. Ынде мыняр кассетым поген пыштен. Сӱретлаш альбом пеленжак коштеш, но тушто тӱҥ шотышто посна сюжетан (мондаш огыл манын) карандаш набросок-влак веле улыт» [туштак, с. 170]. Тыге Лунёв чылажымат шапашлен кодаш тыршен, варажым тудо кучылтын кертам манын ӱшанен. Тидыже персонажын чон йодмо сомылжым нигузеат ӧрдыжеш коден кертын огыл манмым мыланна автор шижтара. Лач сӱретчын творческий койыш-шоктышыжо Лунёвлан Чузак ер дене йӱштылшӧ мотор самырык ӱдырамашын ошалге-ужар кугу шинчажым ужын мошташ полшен. Таисын шинчаже Фёдорлан кугу сӧрал лывым шарныкта да «Мый пиалан улам!» манмым шижтара [туштак, с. 171]. Вара тиде шинчаончалтыш кужу жап Фёдор Лукьянович почеш кошташ тӱҥалеш. Амалже – кугу туткар. Йӱдым ер воктене кенеташте тӱҥалше осал мардеж, тале кӱдырчан йӱр самырык ӱдырамашын да Фёдорынат пӱрымашыштым тӱвыт вашталтат. Кӱдырчӧ, волгенче да тале мардеж самырык ӱдырамашын илышышкыже трагедийым кондат: Таис марийже дене лийме палатке ӱмбак волгенче деч йӱлен волышо кок кӱкшӧ пӱнчӧ ыресла камвозыт. Самырык пӧръеҥын вуйгоҥгыражым укш шӱтымым, вуйдорыкыш логалмым Лунёв шке шинчаж денак ужеш. А вара эмлымверыште, медперсоналын мутланымыж гыч, Фёдор Лукьянович Таисын кум тылзаш йочажым йомдарымым пален налеш.

Кӱдырчӧ ойлымашыште шке семын илыше персонаж гаяк ончыкталтын манын кертына. Тыште пейзаж произведенийын действийышкыже ушнышо гай лиеш, тудо сюжетын драматизмжым вияҥдыше йӧн лиеш. Тылеч посна, мемнан шонымаште, кӱдырчӧ да лийше трагедий тӱҥ геройлан шӱм-чон вашталтмыжын посна койышан катализаторжо лийынык. Персонаж тӱжвач ончалмаште сын-кун дене кугун ок вашталт, но, палемден кодыман, «сурвараш гай ош чал пӧръеҥыш» савырна [Ушакова, 2009, с. 174]. Тыгак Лунёвын шӱм-чонышты жо тиде жап марте мален кийыше сӱретче помыжалтеш. Тудо, кум кече да кум йӱд тыршымекыже, «Ит мондо мыйым» лӱман радынашке Чузак ер воктен лийше шӱлышым вынерыш мастарын кусарен пыштен мошта. Радынаште возымо пейзаж Фёдор Лукьяновичын вашталтме көргӧ тӱняж

дене келшен толеш да геройын тургыжланыме шижмашыжым умылтара. Тиде авторын каласен кодымаштыжат палемдалтеш: «Тыглай пейзаж манын шонет, а ваштарешыже изиш шоген – тудын деч кораҥ от керт: ок кой, но уло. Ок кой, но онча тушеч Таисын ойган кок волгыдо ужар шинчаже» [туштак, с. 174]. Сӱретчын мастарлыкшылан ик эн сай аклыммутым галерейыш ончаш толшо-влаклан книга лаштыкыштат возен кодымаште ужына: «…Умылтарен моштыдымо, ӱжшӧ. Шуэн вашлиялтше техника, шымлен шуктыдымо мастар…» [туштак, с. 174].

Иктешлымаш

Маргарита Ушакован «Шылтыме шинчаончалтыш» ойлымашыштыже пӱртӱссӱрет, ик могырым ончалаш гын, чӱдӧ да пеш конкретный. Но нуно сылнымут текстын структурыштыжо моткоч кӱлешан улыт. Серызе нунын полшымышт дене пейзаж код-влакым чоҥа да тидлан келшышын «ер», «вӱд», «волгенче» умылымаш йӱла семын фон функцийым гына огыл, но и психологий, сюжет-фабуло да мифологий функцийым шуктен шогат.

А произведенийыште марий калык поэзий материалым кучылтмашым, чуваш профессорын каласыме ойже дене иктешлен, тыге каласена: «…фольклор выступает как материал и орудие, мышление и образное мироощущение» [Фёдоров, 2009, с. 71].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

М.У. – Маргарита Ушакова
Л.Ш. – Людмила Шабдарова
примеч. – примечание

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Азадовский М.К. Белинский и русская народная поэзия [Электронный ресурс] // http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2055/6_Азадовский_vol55.pdf (дата обращения: 28.05.2025).

Акцорин В.А. Устное народное творчество – источник и составной элемент марийской литературы // Очерки истории марийской литературы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1963. Ч. I. С. 25–52.

Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи / подгот. текста и коммент. Ю.М. Медведева, вступит. ст. Б.П. Кирдана. М.: Современник, 1982. 464 с.

Белинский В.Г. Ничто о ничем, или Отчёт г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. Т. II. М., 1953. С. 7–50; [Электронный ресурс] // URL: https://vgbelinsky.ru/texts/books/13-2/articles-and-reviews/1/ (дата обращения: 04.06.2025).

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 3. Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839–1840 / [подгот. текста и коммент. В.Г. Березинной и В.С. Спиридонова; ред.: Б.И. Бурсов]; АН СССР; ИРЛИ

М.: Изд-во АН СССР: 1953. 684 с.; URL: https://russian-literature.org/tom/415758 (дата обращения: 09.06.2025).

Буслаев Ф.И. Русский быт и духовная культура / сост. и отв. ред. О.А. Платонов; предисл. В.О. Гусаковой. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 1008 с.

Бояринова Г.Н. 1920–1930-шо ийласе марий драматургийыште мифологий дене кылдалтше сӱрет ден образ-влак // Финно-угроведение. 2024. № 1 (65). С. 52–64.

Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. СПб., 2011. 687 с. (Серия «Российские Пропилеи»).

Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.

Выходцев П.С. На стыке двух художественных культур (проблема фольклора в литературе) // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Вып. XIX. Л.: Наука, ИРЛ (Пушкинский дом), 1979. С. 3–30.

Гацак В.В. Северные этнопоэтические константы // Народная культура Русского Севера: Живая традиция. Вып. 2: материалы республиканской школы-семинара (10–13 ноября 1998 г.). Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 7–10.

Гоголь Н.В. О малороссийских песнях // Полное собрание сочинений / [ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский]; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т. 8. Статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 90–97.

Горелов А.А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» (проблема фольклоризма в литературе) // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора: АН СССР. Т. XIX, 1979. С. 31–48.

Далгат У.Б. Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М.: Наука, 1981. 303 с.

Кравцов Н.И. Русская проза второй половины XIX века и народное творчество: учеб.-метод. пособие по спецкурсу для студентов-заочников филол. фак. гос. ун-тов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 87 с.

Лазарев А.И. Проблемы изучения фольклоризма русской литературы 1870–1890-х годов // Русская литература 1870–1890-х годов: проблемы лит. процесса: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1985. Вып. 18. С. 14–26.

Лазарев А.И. Некоторые вопросы типологии фольклоризма литературы советского времени [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/nekotorye-voprosy-tipologii-folklorizma-literatury-sovetskogo-vremeni/viewer (дата обращения: 02.03.2025).

Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / под ред. проф. Б.Ф. Егорова / Д.Н. Медриш. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 299 с.

Плотникова Е.А. Современное понимание термина «фольклоризм» / Е.А. Плотникова // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: Материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. 9–10 нояб. 2009 г. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. С. 180–186.

Пушкин А.С. О народности в литературе // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 40.; [Электронный ресурс] // URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol11/y11-040-.htm (дата обращения: 04.06.2025).

Смиренский Б.В. Надежда Дурова [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/d/durova_n_a/text_0030shtml (дата обращения: 02.03.2025). (примеч.: Текст приводится по изданию: Надежда Дурова «Записки кавалерист-девицы». Калининград, ГИПП «Янтарный сказ», 1999).

Трыкова О.Ю. О классификации способов взаимодействия русской литературы XX века с фольклором [Электронный ресурс] // URL: https://vestnik.yspu.org/releases/doskolnoe_obrazovanie/1_5/ (дата обращения: 04.06.2025).

Ушакова М.Т. Шылтыме шинчаончалтыш // Ушакова М.Т. Шыже муро: ойлымаш ден повесть-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2009. С. 167–174.

Ушакова М.Т. Таинственный взгляд: рассказ // Свои дороги: «Дружба»: сб. произведений литераторов республики / сост. Е. Хисамутдинова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2012. С. 106–114.

Фёдоров Г.И. Некоторые аспекты создания теоретической истории национальной литературы // Третьи Флоровские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию удмурт. поэта Флора Ивановича Васильева. Глазов: Глазовск. гос. пед. ин-т, 2009. С. 34–36.

Шабдар О. Империализм саман жапысе марий литератур // У вий. Йошкар-Ола, 1935. № 4. С. 177–189.

Ялкаев Я. Роль фольклора в развитии марийской литературы // Литературный критик: Ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы. М., 1935. № 8. С. 177–184.

Liudmila Shabdarova

THE MASTERFULLY EMBROIDERED LIFE OF MARI (BASED ON THE SHORT STORY “MYSTERIOUS LOOK” BY MARGARITA T. USHAKOVA)

Introduction. Philology has been exploring the uniqueness of human verbal activity at a qualitatively new level over the last few years. As it is known, literary criticism has developed its own principles for analyzing the relationship between folklore and literature. Mari literature of the second half of the 20th – early 21st centuries uses s a variety of folklore and poetic traditions. One of the writers who succeeded in conveying the essence of the national way of thinking and national character is Margarita T. Ushakova. Her individuality, folklore and poetic activity, and the issues of the relationship between a man and nature have not been studied by Mari researchers yet. **The purpose of the article** is to study the folklore and poetic features and the issue of the relationship between a man and nature in the works of the Mari prose writer Margarita T. Ushakova. **Materials and methods.** A short story “The Mysterious Look” is the material for the article. The structural and semantic method is used. **Research results, discussions.** The author focuses on the lives of ordinary people, on their inner world, carefully examines their fates and finds something special in every character. It allows us to take a new approach to the study of the features of folk thinking. It should be noted that Margarita T. Ushakova is one of the interesting modern writers who managed to convey the essence of the national way of thinking and national character. She belongs to the generation of

Mari writers who made her name in the 1970s. Margarita T. Ushakova wrote poems, dramas but she is well-known as a prose writer. Margarita T. Ushakova covers a wide range of creative issues. She is also known as a literary translator, who translated into Russian the trilogy of Arkadiy Bogdanov ("In the Name of Life", 2011) and a collection of short stories by Vasiliy Krasnov ("Ships Leave to Return", 2012). Margarita T. Ushakova strength lies in writing in two languages - in Mari and Russian. All her works are based on real facts. The writer strives to exalt the beauty of spiritual greatness, peasant labor, good feelings and experiences. Her works are distinguished by deep psychologism: she knows how to convey the deep inner experiences of the characters. For the author, there are no secrets in understanding characters' soul - she knows everything about them, the writer can trace in detail the internal processes, explain the cause-and-effect relationship between impressions, thoughts, experiences. All her works of art are written in a simple language. But this is precisely the simplicity in which, according to Tolstoy, clarity, beauty and truth lie. The prose writer's eye is unusually precise; she notices everything - from small, but necessary for the completeness of the picture details to the 'largeness' of the image and thoughts. **Conclusion.** Margarita T. Ushakova as a writer has a peculiarity to see a generalized image of national reality in an individual, in his/her figure, gesture, movement, as well as in every object, tree, animal, plant, etc. The roots of the Mari history and culture are felt in the objects depicted by her. The images created by Ushakova absorb national origins, and at the same time, thanks to the lively, dynamic form of narration, they appear in time and have a universal meaning. In the story "Mysterious Look" the influence of folklore is revealed and it is not related with the depiction of a village, landscape, national customs, beliefs, peasant worldview, etc., but it is related with her desire to penetrate the specifics of the folk genre, to combine life's concreteness and folklore conventionality. It should be emphasized that the use of folklore and poetic traditions in the story is dictated by the idea of preserving the spiritual and material culture of the Mari people, and natural figurative models of earthly, watery, cosmic (heavenly) spaces expand the author's artistic searches.

Keywords: folklore; Mari literature; image; world view; Margarita T. Ushakova.

REFERENCES

Azadovskij M.K. Belinskij i russkaja narodnaja poezija [Belinskiy and Russian folk poetry]. Available at: http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2055/6_Azadovskij_vol55.pdf (accessed 28 May 2025). (In Russian).

Akcorin V.A. Ustnoe narodnoe tvorchestvo – istochnik i sostavnoj element marijskoj literatury. Ocherki istorii marijskoj literatury [Oral folklore – a source and component of

Mari literature // Essays on the history of Mari literature]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, part 1, pp. 25-52. (In Russian).

Afanas'ev A.N. Drevo zhizni: Izbrannye stat'i [Tree of Life: Selected Articles]. Moscow, Sovremennik, 1982, 464 p. (In Russian).

Belinskij V.G. Nichto o nichem, ili Otchjot g. izdatelju «Teleskopa» za poslednee polugodie (1835) russkoj literatury [Nothing about nothing, or a report to the publisher of "Telescope" for the last half year (1835) of Russian literature]. Moscow, 1953, vol. II, pp. 7-50. Available at: https://vgbelinsky.ru/texts/books/13-2/articles-and-reviews/1/ (accessed 4 June 2025). (In Russian).

Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 3. Stat'i i recenzii. Pjatidesjatiletnij djadjushka. 1839-1840 [Collected works in 13 Vol. Vol. 3. Articles and reviews. Fifty-year-old uncle. 1839-1840]. Moscow, Akademija Nauk SSSR, 1953, 684 p. Available at: https://russian-literature.org/tom/415758 (accessed 9 June 2025). (In Russian).

Buslaev F.I. Russkij byt i duhovnaja kul'tura [Russian Life and Spiritual Culture]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2015, 1008 p. (In Russian).

Bojarinova G.N. 1920–1930-sho ijlase marij dramaturgijyshte mifologij dene kyldaltshe sӱret den obraz-vlak [Pictures and images connected with mythology in theMari literary drama of the 1920s–1930s]. *Finno-ugrovedenie,* 2024, no.1 (65), pp. 52-64. (In Mari).

Veselovskij A.N. Izbrannoe: Istoricheskaja poetika [Selected Works: Historical Poetics]. Saint-Petersburg, 2011, 687 p. (In Russian).

Vovk O.V. Enciklopedija znakov i simvolov [Encyclopedia of Signs and Symbols]. Moscow, Veche, 2006, 528 p. (In Russian).

Vyhodcev P.S. Na styke dvuh hudozhestvennyh kul'tur (problema fol'klora v literature) [At the junction of two artistic cultures (the problem of folklore in literature)]. *Russkij fol'klor. Voprosy teorii fol'klora,* 1979, iss. XIX, pp. 3-30. (In Russian).

Gacak V.V. Severnye etnopoeticheskie konstanty [Northern ethnopoetic constants]. *Narodnaja kul'tura Russkogo Severa: Zhivaja tradicija. Iss. 2. Materialy respublikanskoj shkoly-seminara,* 10-13 November 1998. Arhangel'sk, Pomorskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova, 2000, p. 7-10. (In Russian).

Gogol' N.V. O malorossijskih pesnjah. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 8. Stat'i [About Malorossiyskiy songs. Vol. 8. Collected works]. Eds. N.F. Bel'chikov, B.V. Tomashevskij. Moscow, Akademija Nauk SSSR, 1952, pp. 90-97. (In Russian).

Gorelov A.A. K istolkovaniju ponjatija «fol'klorizm literatury» (problema fol'klorizma v literature) [On the interpretation of the concept of "folklore in literature" (the problem of folklore in literature)]. *Russkij fol'klor. Voprosy teorii fol'klora, vol. XIX,* 1979, pp. 31-48. (In Russian).

Dalgat U.B. Literatura i fol'klor: Teoreticheskie aspekty [Literature and Folklore: Theoretical Aspects]. Moscow, Nauka, 1981, 303 p. (In Russian).

Kravcov N.I. Russkaja proza vtoroj poloviny XIX veka i narodnoe tvorchestvo [Russian prose of the second half of the 19th century and folk art]. Moscow, Moskovskij universitet, 1972, 87 p. (In Russian).

Lazarev A.I. Problemy izuchenija fol'klorizma russkoj literatury 1870–1890-h godov [Problems of studying folklore in Russian literature of the 1870–1890s]. *Russkaja literatura 1870–1890 godov: problemy literaturnogo processa. Sbornik nauchnyh trudov.* Sverdlovsk, 1985, iss. 18, pp. 14-26. (In Russian).

Lazarev A.I. Nekotorye voprosy tipologii fol'klorizma literatury sovetskogo vremeni [Some questions of typology of folklore in literature of the Soviet era]. Available at: https://

cyberleninka.ru/article/nekotorye-voprosy-tipologii-folklorizma-literatury-sovetskogo-vremeni/viewer (accessed 2 March 2025). (In Russian).

Medrish D.N. Literatura i fol'klornaja tradicija. Voprosy poetiki [Literature and Folklore Tradition. Questions of Poetics]. Saratov, Saratovskij universitet, 1980, 299 p. (In Russian).

Plotnikova E.A. Sovremennoe ponimanie termina «fol'klorizm» [Modern understanding of the term «folklorism»]. *Aktual'nye problemy izuchenija i prepodavanija literatury v vuze i shkole. Materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii,* 9-10 November 2009. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2010, pp. 180-186. (In Russian).

Pushkin A.S. O narodnosti v literature. Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t. T. 11. Kritika i publicistika, 1819–1834 [[About nationality in literature. Pushkin A.S. Collected works in 16 volumes. Vol. 11. Criticism and journalism, 1819–1834]. Available at: https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol11/y11-040-.htm (accessed 4 June 2025). (In Russian).

Smirenskij B.V. Nadezhda Durova [Nadezhda Durova]. Available at: http://az.lib.ru/d/durova_n_a/text_0030shtml (accessed 2 March 2025). (In Russian).

Trjukova O.Ju. O klassifikacii sposobov vzaimodejstvija russkoj literatury XX veka s fol'klorom [On the classifi cation of the ways of interaction of Russian literature of the 20th century with folklore]. Available at: https://vestnik.yspu.org/releases/doskolnoe_obrazovanie/1_5/ (accessed 4 June 2025). (In Russian).

Ushakova M.T. Shyltyme shinchaonchaltysh. Shyzhe muro: ojlymash den povest'-vlak [Mysterious Look // Ushakova M.T. Autumn Song: stories and short novels]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 2009, pp. 167-174. (In Mari).

Ushakova M.T. Tainstvennyj vzgljad: rasskaz. Svoi dorogi: «Druzhba». Sbornik proizvedenij literatorov respubliki [Mysterious Look: a short story // Own Roads: "Friendship": a collection of works by writers of the republic]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012, pp. 106-114. (In Russian).

Fjodorov G.I. Nekotorye aspekty sozdanija teoreticheskoj istorii nacional'noj literatury [Some aspects of the creation of a theoretical history of national literature]. *Tret'i Florovskie chtenija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashchyonnoj 75-letiju udmurtskogo poeta Flora Ivanovicha Vasil'eva.* Glazov, Glazovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 2009, p. 34-36. (In Russian).

Shabdar O. Imperializm saman zhapyse marij literature [Mari literature at the age of imperialism]. *U vij*, 1935, no 4, pp. 177-189. (In Mari).

Jalkaev Ja. Rol' fol'klora v razvitii marijskoj literatury [The role of folklore in the development of Mari literature]. *Literaturnyj kritik. Ezhemesjachnyj zhurnal literaturnoj teorii, kritiki i istorii literatury,* 1935, no. 8, pp. 177-184. (In Russian).

Шабдарова Людмила Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: shabdarova_liudmila@mail.ru

Lyudmila Shabdarova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: shabdarova_liudmila@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 94(470.343)
DOI 10.51254/2312-0312-2025-2-70-101-116

ОЦЕНКА УРОВНЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ МАРИЙСКОГО НАРОДА В СОЧИНЕНИЯХ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XVI–XVII веков

© 2025 г. С.К. Свечников

Введение. Историографический аспект оценки уровня общественного развития марийского народа XVI–XVII веков в синхронных сочинениях российских и западноевропейских авторов относится к неисследованным проблемам. **Цель статьи** – выявить специфику оценивания уровня общественного развития в повествовательных памятниках XVI–XVII веков, созданных в России и Западной Европе. **Материалы и методы.** Основным материалом статьи служат повествовательные произведения, написанные российскими и зарубежными авторами XVI–XVII веков. Методы исследования: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-биографический, анализ историографической ситуации. **Результаты исследования, обсуждение.** В русских повествовательных памятниках черемисы предстают как давно знакомый русским соседний народ, отличающийся воинственностью и языческой верой. Из внимания русских авторов упускались многие важные аспекты социальной жизни марийцев, однако те считали, что черемисы по уровню своего социально-экономического развития и социальному положению почти ничем не отличаются от русских крестьян, также отмечается наличие у марийцев своей знати. Западноевропейские авторы XVI–XVII веков, писавшие о марийцах, считали их отсталым, диким народом, не видя существенных различий в уровне общественного развития между ними и нецивилизованными племенами, открытыми в период Великих географических открытий, оставались в плену у негативных стереотипов о черемисах. При этом иностранные авторы, по сравнению с русскими, делали более подробное описание марийцев, которые для западноевропейцев были экзотикой, материалом для увлекательного повествования. **Заключение.** В сочинениях русских авторов XVI века слабо отражена социальная реальность марийцев. Вместе с тем они

осознавали сопоставимость уровня общественного развития русских и марийцев. Западноевропейские авторы XVI–XVII веков, писавшие о марийцах, считали их примитивным, диким народом, но при этом они делали относительно подробные описания жизни черемис.

Ключевые слова: марийцы; черемисы; черемисские татары; дикий; социальная реальность; летописи; путешественники.

Введение

XVI столетие являлось «звездным» веком марийцев (черемисов). В этот период в Европе произошел «взрыв» информации о марийском народе, однако и в русских письменных источниках марийцы стали упоминаться гораздо чаще, нежели в прежние времена. Такой мощный всплеск интереса к черемисам произошел потому, что они в XVI веке оказались в эпицентре событий, связанных с противостоянием между динамично развивавшимся Российским государством и конгломератом тюрко-мусульманских государств, возникших на обломках Золотой Орды, прежде всего – Казанским ханством, в состав которого они входили. Марийцы продолжали привлекать на себя внимание различных авторов и в XVII веке.

Из повествований того времени мы в основном черпаем информацию об участии марийцев в военно-политических событиях, но среди строк с описаниями сражений, военных походов, восстаний и мирных переговоров иногда встречаются и краткие сведения о жизни марийского народа. К сожалению, социальная реальность марийцев в повествовательных источниках XVI–XVII веков отражена крайне лапидарно. Но, владея и такой скудной информацией, мы все же имеем возможность получить представление о том, как оценивали русские и западноевропейские авторы уровень общественного развития марийцев периода позднего Средневековья.

Цель статьи – выявить специфику оценивания уровня общественного развития марийцев российскими и западноевропейскими авторами повествовательных памятников XVI–XVII веков.

Материалы и методы

Основным материалом статьи служат повествовательные произведения, написанные российскими и зарубежными авторами XVI–XVII веков, – русские летописи, публицистические произведения, воинская повесть «Казанская история», научные трактаты, записки путешественников, отчеты посольств, компилятивные сочинения иностранцев. В данной работе нашли применение следующие методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический для выяснения исторической последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов, историко-биографический для

определения влияния жизненного пути на создание повествовательных произведений, анализ историографической ситуации для выявления воздействия внешних обстоятельств на развитие национальных историографических традиций.

Результаты исследования, обсуждение

Основной исторический источник по истории марийцев XV–XVI веков – это русские летописи. В них черемисы предстают как давно знакомый русским соседний народ, отличающийся воинственностью и языческой («поганой») верой. К сожалению, из внимания русских авторов упускались многие важные аспекты повседневной жизни марийского населения, игнорировалось все то, что считалось заурядным, привычным, потому и недостойным специального письменного упоминания. Зато из текстов русских летописей явствует, что основная масса черемис и других подданных казанского хана – это такие же «черные люди», что и большинство русского населения, несшее государственное тягло, при этом ими, как и в Российском государстве, верховодят «князи», «именные люди», «люди лутчие», т.е. представители знати [ПСРЛ, т. 13, 2000, с. 164–166, 221–222, 247, 282, 466–467, 515–516; т. 29, 1965, с. 62–63, 110–111, 161–162, 205–206, 233, 256; т. 34, с. 188]. Словом, русские летописцы XVI века не были склонны относить марийцев и в целом население Казанского ханства к отсталым народам.

Более того, если обратиться к русской публицистике тех лет, то даже можно обнаружить, что в России не без некоторой доли зависти отмечали достаточно высокий уровень экономического развития Казанского ханства. Достаточно вспомнить Ивана Пересветова, который с нескрываемым восторгом писал об этой стране: «Да слышал есми про ту землицу, про Казанское царство у многих воинников, которыя в том царстве в Казанском бывали, что про нея говорят, применяют ея подрайской земли угодием великим» [Сочинения ... , 1956, с. 182]. Князь Андрей Курбский в самых радужных красках описывал экономическое состояние Заказанья (Арской стороны), где наряду с другими поволжскими народами проживали и марийцы [Курбский, 2015, с. 46–49].

Из русских авторов относительно подробно социальную реальность марийцев XVI века отразил анонимный создатель «Казанской истории», воинской повести, изложенной в летописной форме художественно-публицистическим стилем. Этот труд был написан в 1560-х годах представителем русской знати, который пробыл в казанском плену около 20 лет. Пользуясь утраченными впоследствии татарскими письменными источниками, некоторыми русскими летописями, рассказами очевидцев из числа жителей ханства, а также своими собственными наблюдениями, он составил краткую и правдивую в целом историю Казанского ханства и его взаимоотношений с Русским государством.

Особенно важно то, что в «Казанской истории» содержится характеристика социального статуса черемис. При этом следует подчеркнуть, что автор «Казанской истории» к «черемисам» отнес все народы Казанского ханства, за исключением татар (марийцев, чувашей, удмуртов, отчасти башкир и мордву) [Казанская ... , 1954, с. 86]. Термин «черемиса» приравнен к понятиям «простые земские люди», «чернь»: «... простыя земския люди, черемиса нижная, по рускому же чернь» [Казанская ... , 1954, с. 92]. Следовательно, название «черемисы» в «Казанской истории» является соционимом, оно использовано для обозначения социальной группы лично свободных простых людей, находившейся в зависимости от государства, возглавляемой «татарами», «варварами» («варвари, владеюще поганым языком черемиским» [Казанская ... , 1954, с. 44, 86]).

Примечательно, что слово «варвары» по отношению к татарам в «Казанской истории» использовано едва ли не чаще названий «казанцы» и собственно «татары» [Казанская..., 1954, с. 44, 45, 49, 53–56, 59, 61–63, 65, 66, 76, 77, 79, 84, 86, 88, 90, 91, 94, 96, 97, 104–106, 110, 112, 121, 123, 124, 126, 127, 135, 138, 143, 147, 151, 152, 156, 160, 163, 165, 172, 175, 176]. Но это вовсе не означает, что автор «Казанской истории» считал татар дикарями. Как отмечает Н.Ю. Гребенников, понятие «варвар было знакомо еще летописцам домонгольской Руси. Оно восходило к греческому βάρβαρος, которым в античной Греции называли чужеземцев, не приобщенных к греческим моральным ценностям и не говорящих на языке цивилизованных греков. В Византийской империи и Древней Руси «варваром» называли человека, не знающего истинного Бога, нехристианина. В Российском государстве середины XVI века смысл этого слова становится у́же: «варваром» признается представитель Казанского ханства исключительно с точки зрения конфессиональный принадлежности, т.е. в силу магометанского вероисповедания [Гребенников, 2021, с. 212–216]. В «Казанской истории» понятие «варвары» обогащается: с одной стороны, это те, чье «ремество кормится войною», с другой стороны, автор пишет о существовании «премудрейших и честнейших казанцев» [Казанская ... , 1954, с. 44, 176].

Особую ценность имеет характеристика автором «Казанской истории» образа жизни различных групп черемисского населения. По его словам, горные и луговые черемисы (марийцы, чуваши, удмурты, мордва) являются оседлыми земледельцами: «...села казанския стояху, в них же горная черемиса живяше», «...и вся те луги, земляпашцы и трудницы и злолютыя ратники. Ветлужские и кокшайские черемисы (северо-западные, левобережные горные и западные луговые марийцы) показаны как воинственные охотники и рыболовы, не занимающиеся земледелием: «...черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиною питаются и живут аки дикии» [Казанская ... , 1954, с. 85–86]. Здесь следует обра-

тить внимание на употребление в тексте сравнительного союза «аки» (как, как будто, подобно, словно) перед словом «дикии»: автор «Казанской истории» отмечает, что ветлужские и кокшайские черемисы похожи на «диких», но не являются таковыми в полном смысле этого слова, поскольку те от остальных черемис отличаются лишь тем, что не могут заниматься земледелием в силу менее благоприятных природных условий. В «Казанской истории» показаны и другие занятия черемис: торговля, строительное дело, животноводство, судоходство [Казанская ... , 1954, с. 61, 69, 131, 132, 145, 161]. Отражен и их неоднородный социальный состав. Помимо «худых и немощных и убозех земледелец» упоминаются представители знати: «добрые черемисины», «воеводы черемиские», «земские люди лутчие», «сотники старейшие», «старейшины их и сотники» [Казанская ... , 1954, с. 132, 161, 174]. Уверен, не будем мы далеки от истины, предположив, что автор «Казанской истории» охарактеризовал бы современных ему русских крестьян приблизительно так же, как и казанских черемис.

В российских повествовательных памятниках XVII века черемисы уже упоминаются редко, тем более русских книжники не описывали их жизненный уклад, мало чем отличавшийся от будней русского простонародья.

В Западной Европе ничего не знали о марийцах и других народах северо-восточной части Европы вплоть до XVI века. Произошло принципиально важное совпадение: одновременно европейцы открыли для себя не только Новый Свет вместе с дальними африканскими и азиатскими землями, но и полиэтничную территорию между Скандинавией и Уралом. На европейцев обрушилась огромная лавина информации о неведомых ранее экзотических народах, среди которых были и черемисы. Стало очевидным существование огромного разнообразия социальных порядков в различных частях света. Постепенно зарождалась идея прогресса – представление о том, что примитивные общества отстали в своем развитии, демонстрируя более цивилизованным их прошлое.

Своего рода Колумбом, открывшим для Западной Европы страну Черемисса (Ciremissa) и ее жителей, является польский ученый, ректор Краковского университета Матвей Меховский (1457–1523), выпустивший в 1517 году написанный им на латыни «Трактат о двух Сарматиях». В принципе, он и сам сравнивал себя с первооткрывателями-мореходами того времени, отметив в предисловии своей книги: «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру» [Меховский, 1936, с. 46]. Основным источником информации о Черемиссе и других областях «на краю северной Азии» (Пермь, Башкирия, Югра и Корела) для автора послужили рассказы побы-

вавших в России поляков, иностранцев и оказывавшихся в Польше русских. Ученый поставил перед собой задачу опровергнуть ложные представления о северных землях, устоявшиеся с античных времен (имеется в виду миф о Гиперборее): «...будто бы за Сарматиями у Северного океана находятся Елисейские поля: климат там самый мягкий, жизнь вечная, полная мира и всякой прелести... Затем там же предполагали место рождения амброзии, сладкой на вкус и благоуханной: ею будто бы, как в раю, подкрепляются местные жители» [Меховский, 1936, с. 45–46]. Однако, развенчивая прежние заблуждения, автор породил новые ошибки, пусть и более приближенные к действительности. Справедливо утверждая, что северные области совсем не похожи на райские места, он пришел к выводу, что «леса, покрывающие эти страны, сделали людей дикими и звероподобными». По словам Матвея Меховского, люди, живущие на северо-востоке от Московии (в том числе и в Черемиссе), «коснеют в язычестве и идолопоклонстве», «не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, которого у них много, а пьют только воду», «живут они в чаще лесов, в шалашах, сделанных из ветвей», «не имеют разума, не носят шерстяных одежд, покрываются шкурами», «не знают металлов» [Меховский, 1936, с. 117–122]. Так, представленные в образе диких лесных звероловов, жители Черемиссы – марийцы – впервые получили широкую известность в Западной Европе. Книга Меховского, как указывает С.А. Аннинский, «произвела чрезвычайно сильное впечатление, немедленно стала центром ученых споров, выдержала одно за другим ряд изданий, долгое время оставалась одной из самых читаемых вещей и источником для постоянного заимствования для многих» [Меховский, 1936, с. 1]. Не удивительно, что представление о черемисах как о диких охотниках, обрело в Западной Европе устойчивый характер и стало затем скитаться из одной работы в другую.

Принципиальной ошибкой Матвея Меховского было то, что область Черемисса он отнес к арктической зоне, а не к «Казанской орде» (впрочем, ученый принизил и уровень развития татар; по его словам, у татар «нет ни городов, ни сел, ни домов», «они не знают ни ремесел, ни денег» [Меховский, 1936, с. 59–60]). Этот просчет благополучно избежал другой известный западноевропейский автор – австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн (1486 – 1566), чьи «Записки о Московии», впервые опубликованные в 1549 году, стали классикой западноевропейской русистики. Он был знаком с текстом книги Меховского, более того, брал даже его с собой в путешествие в Москву. В отличие от краковского профессора, Сигизмунд Герберштейн лично побывал в России (в 1517 и 1526 годах), знал русский язык и, что представляется особенно важным, непосредственно общался с марийцами. Поэтому его описания более точны, корректны и подробны. Например, о казанских татарах он написал, что «эти татары – культурнее других, так как они и возделывают поля, и живут

в домах, и занимаются разнообразной торговлей» [Герберштейн, 1988, с. 170]. Черемисы, по сведениям С. Герберштейна, живут в лесах по обеим берегам Волги, следуют магометанской вере, подвластны казанскому царю, но отмечается, что ранее большинство из них были подданными московского князя [Герберштейн, 1988, с. 134]. Весьма существенным фактом «Записок о Московии» является признание их автором сходства черемис и мордвы. Следовательно, перечисленные Герберштейном занятия мордвы можно было бы распространить и на черемис: «Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются мясом зверей и медом, богаты драгоценными мехами». Однако в одном месте делается оговорка, что у мордвы дома встречаются чаще, чем у черемис, а в другой части «Записок о Московии» указано, что черемисы вовсе не пользуются какими бы то ни было жилищами [Герберштейн, 1988, с. 134, 164]. Иными словами, Сигизмунд Герберштейн относил мордву к оседлым народам, а черемисов – неоседлым (кочевым или полукочевым). О том, что черемисы склонны к бродячему образу жизни, автор «Записок о Московии» сообщает неоднократно: в болотах и лесах между Галичем и Вяткой «повсюду бродит и разбойничает народ черемисов» [Герберштейн, 1988, с. 162]; когда по распоряжению Василия III черемисов из-под Нижнего Новгорода переселили на литовскую границу, те «в конце концов рассеялись в разные стороны» [Герберштейн, 1988, с. 164]. Восприятие европейскими читателями черемис как лесных кочевников усиливало также то, что Герберштейн характеризовал тех как проворных бегунов и опытных лучников [Герберштейн, 1988, с. 164, 170, 172].

Во многом благодаря «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна черемисы в Европе приобрели репутацию дикого воинственного народа. Это реноме было растиражировано трудами других иностранных авторов XVI–XVII веков, использовавших сочинение Герберштейна для придания основательности и солидности собственным повествованиям о России и народах, населявших ее. Такие авторы, как Александр Гваньини (1570-е годы), Джованни Маджини (1590-е годы), Петр Петрей (1610-е годы), просто позаимствовали соответствующие тексты с описанием черемис из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна, внеся лишь незначительные исправления и дополнения [Бахтин, 2023, с. 93–94; Гваньини, 1997, с. 45, 55–57; Петрей, 1997, с. 177, 187]. Великий географ и картограф Герард Меркатор сделал краткую выжимку из описаний С. Герберштейна: «Czeremiss – это такой народ, представители которого ведут бродячий образ жизни и занимаются разбоем на дорогах» [Бахтин, 2023, с. 92].

Английский дипломат и торговец Энтони Дженкинсон (1529–1611) – первый из иностранцев, писавших о черемисах, который побывал в Марийском крае. Он совершил путешествие по Волге в 1558 и 1562–1563 годах. Дженкин-

сон, в частности, указал: «Я был в разных странах, лежащих поблизости от Каспийского моря, языческих и магометанских, – в Казани, Крыму, в Рязани, у черемисов, у мордвы, у вятчан, у нагайцев и у других народов с необыкновенными обычаями и верованиями» [Английские ... , 1938, с. 68]. По словам Э. Дженкинсона, не только черемисы, но и мордва живут «в лесах и пустынных местах без городов и жилищ», «в диких местах без домов и других жилищ»; кроме того, в черемисах он видит «полуязычников, полутатар» [Английские ... , 1938, с. 168, 169]. Именно с Энтони Дженкинсона началась характерная для западноевропейских авторов традиция отождествлять черемис с татарами. В последующем это привело к появлению псевдоэтнонима «черемисские татары», под которыми все-таки подразумевались черемисы (марийцы и чуваши), а не казанские татары (впервые «серемийские (Seremii) татары», которые «весьма богаты и хорошо вооружены», упоминаются в «Донесении о Московии», написанном неизвестным итальянским автором в 1557 году, но это сочинение в свое время не получило широкой известности и впервые было издано только в XIX веке [Огородников, 1913, с. III–XIX, 17]). Таким образом, описания марийцев в сочинениях Энтони Дженкинсона крайне скудны и весьма неточны. Это, впрочем, неудивительно, потому что английский путешественник был посланником британской короны, решавшим практическую задачу – найти и изучить судоходный путь в Индию через Россию, и составления подробного описания встречавшихся ему народов от него не требовалось.

Английский дипломат и ученый Джильс Флетчер (ок. 1548–1611), хотя и побывал в России в 1588–1589 годах, но земли, расположенные восточнее Москвы, не посещал. Сведения о Поволжье он получил у английских купцов, осваивавших волжский путь на Восток. В 1591 году он издал свое сочинение «О государстве Русском». Как и Дженкинсон, относил черемис к татарам. Вместе с тем Джильс Флетчер был первым западноевропейским автором, который упомянул о наличии у черемис («черемисских татар») слоя знати, наделенной привилегиями. По его словам, русские цари «довольны тем, что могут покупать у них мир, платя их мурзам или дивей-мурзам, т.е. начальникам их племен, ежегодную дань русскими произведениями, за что они с своей стороны обязаны служить царю в предпринимаемых им войнах на некоторых известных условиях» [Флетчер, 1906, с. 83–84]. Флетчер отчасти сломал негативный стереотип о черемисах, созданный его предшественниками. Он особо подчеркнул, что черемисские татары «справедливы и честны в своих поступках» [Флетчер, 1906, с. 84]. Здесь черемисы впервые представлены в облике благородных дикарей. Джильс Флетчер, будучи доктором гражданского права, человеком широких познаний и гуманистических взглядов, был открыт для восприятия передовых идей своего времени. Вероятно, он читал «Декады о Новом Свете» Педро Мартиры и «Опыты» Мишеля Монтеня. В этих книгах

зародилась идея о «добром дикаре», полностью оформившаяся в XVIII веке. Под «добрыми дикарями» прежде всего подразумевались индейцы – коренные жители Америки. Они играли роль эталонов, к которым должны были стремиться европейцы, потерявшие в условиях цивилизации некие достоинства и добродетели. Можно утверждать, что Джильс Флетчер к таким «добрым дикарям» отнес и черемис.

Однако подход, применявшийся Джильсом Флетчером, был для XVI–XVII веков нетипичным. Большинство западноевропейских авторов продолжали находиться в плену стереотипов. Германские послы Стефан Какаш (ок. 1556–1603) и Георг Тектандер (ок. 1558–1614), побывавшие в Марийском крае в 1602 году во время поездки в Персию, в своем отчете описали страну черемисских татар как «крайне негостеприимную, покрытую кустарником, малонаселенную и болотистую, где нельзя найти ни приюта, ни пищи, ничего иного необходимого, но надо все иметь с собою и устраивать пристанище в лесу. Там и сям попадаются лишь татарские шалаши; деревень же нет вовсе. Эти татары сеют хлеба немного и мало занимаются земледелием, но питаются главным образом мясом лошадей и овец, коих они имеют в большом количестве» [Какаш и Тектандер, 1896, с. 24]. По их словам, черемисы «мало чем отличаются от диких зверей» и ведут кочевой образ жизни [Какаш и Тектандер, 1896, с. 24, 26]. По всей видимости, Какаш и Тектандер побывали только в прибрежной части Волги, непосредственно с марийцами не контактировали и получали о них весьма путаную информацию из третьих рук.

Дальнейшее развитие немецких традиций восприятия марийского народа связано с именем Адама Олеария (Эльшлегера) (1599–1671). Он имел ученую степень магистра философии, был помощником руководителя гимназии в Лейпциге, а в 1635–1639 годах являлся секретарем и советником шлезвиг-голштинского посольства к персидскому шаху. В рамках этой дипломатической миссии в 1636 и 1638 годах побывал на территории Марийского края, что получило отражение в его труде «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», впервые изданном в 1647 году. Характеристика уровня социального развития черемис, их образа жизни автором этого сочинения заимствована из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна: «Они тянутся далеко за Казань, живут по обе стороны Волги, большей частью без домов, в простых избах, питаются скотоводством, медом и дичью, являются превосходными стрелками из луков и даже детей приучают заблаговременно к этому. Это вероломный, разбойничий и чародействующий народ» [Олеарий, 1906, с. 364]. В то же время книга Олеария богата новыми этнографическими сведениями, которые были собраны ее автором в результате личных наблюдений. Особенно это касается вопросов религиозной жизни марийцев. Адам Олеарий убедительно опроверг утверждение Сигиз-

мунда Герберштейна, что черемисы следуют магометанской вере, и доказал, что они являются язычниками. Также в книге Олеария содержатся сведения, касающиеся социальной реальности марийцев I половины XVII века: марийский холоп в Казани; похороны состоятельного черемиса, владевшего слугами; многоженство; традиция имянаречения ребенка; одежда и внешний вид мужчин, женщин, подростков; занятие торговлей и ремеслами [Олеарий, 1906, с. 364–367]. Текст о черемисах, занимающихся сенокосом, дополнен рисунком на карте, изображающим марийских мужчин и женщин, убирающих вилами и граблями сено в стога; на этом рисунке также имеются дома с печными трубами. Кроме этого, еще один рисунок на страницах книги изображает сцену моления марийцев в священной роще [Олеарий, 1906, с. 365, 367–368]. Автором этих рисунков является Адам Олеарий, о чем тот сообщает в предисловии своей книги: «...я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков (некоторые же из них – наш бывший врач Г. Граман, мой верный товарищ) с натуры; ...при этом применялись модели, одетые в национальные костюмы, вывезенные мною сюда» [Олеарий, 1906, с. XXII]. Трудно сказать, входили ли образцы марийской одежды в коллекцию Адама Олеария, однако его рисунки, где показаны черемисы, скорее напоминают средневековые изображения европейских крестьян. Примечательно, что в отличие от многих западноевропейских авторов, немецкий путешественник ни разу не назвал черемис дикими или другим близким по смыслу словом.

Книга Адама Олеария многократно переиздавалась на разных языках еще в XVII веке и пользовалась огромной популярностью у читателей. Известно, что ее активно использовал нидерландский путешественник и авантюрист Ян Янсен Стрейс (1630–1694), описавший свои путевые приключения во многих странах Старого Света в книге «Три путешествия». Несколько ее страниц посвящены странствию по Волге в 1669 году, в них содержится и описание марийцев. Учитывая, что нидерландский путешественник недолго пробыл на территории Марийского края (путь от Васильгорода до Казани его корабль преодолел за одну неделю (с 30 июля до 5 августа), при этом судно часто застревало на мели, что отнимало основную часть времени), и он ничего не сообщает о непосредственных встречах с марийцами, можно заключить, что его суждения о «черемисских татарах» не основаны на личных наблюдениях. Легко заметить, что его повествование о черемисах (черемисских татарах) заимствовано из сочинения Адама Олеария. К сожалению, некоторые факты перевраны. Например, слова Олеария о том, что марийцы, живущие среди русских, пользуются русским языком, Стрейс воспроизвел совсем иначе: «Их язык русский» [Олеарий, 1906, с. 366; Стрейс, 1935, с. 182]. Имеются и самостоятельные выводы, но они носят явно предвзятый характер. Особо выделяется крайне негативная характеристика черемисов: «Это весьма дикий

народ как по своей одежде, так и по своим нравам… Это самые злые и свирепые язычники, каких я когда-либо видел» [Стрейс, 1935, с. 182]. Видимо, намереваясь еще сильнее впечатлить читателей, Стрейс в довершение всего пишет, что у черемис отцы якобы женятся на своих дочерях, «подобно сингалезам в Цейлоне, которые лишают девственности своих дочерей за десять или двенадцать дней до замужества» [Стрейс, 1935, с. 183]. На самом деле, как отмечает А.Г. Бахтин, описанный факт другими источниками не подтверждается, и такой обычай путешественник мог наблюдать на острове Суматра, на которой ему приходилось бывать [Бахтин, 2023, с. 152]. Произведение Яна Стрейса получило широкое распространение, оно стало популярным среди читателей в европейских странах, способствуя еще большей стигматизации черемис как «свирепых дикарей».

В конце XVII века вышла книга, которая фактически подвела итог накоплению информации о черемисах западноевропейскими авторами, – трактат нидерландского ученого, доктора права, путешественника, бургомистра Амстердама Николааса Витсена (1641–1717) «Северная и Восточная Тартария» (1692). В 1664–1665 годах Николаас Витсен побывал в России, находясь в составе свиты посольства Якоба Борейля. После поездки в Москву Витсен продолжал собирать сведения о народах России, в том числе и о черемисах. В итоге он написал книгу, представляющую собой объемное досье с информацией по большому количеству вопросов, однако без логического повествования и полную повторов. Витсен, как выяснил Э.П. Зиннер, записывал полученные данные в порядке поступления и не систематизировал их согласно критическому научному принципу [Зиннер, 1968, с. 6, 13, 32]. Черемисам нидерландский ученый посвятил целый раздел во втором томе своего трактата. Основная часть повествования о марийцах не носит самостоятельного характера, являясь пересказом соответствующего материала из сочинений предшественников – Сигизмунда Герберштейна, Петра Петрея, Адама Олеария, Яна Стрейса и ряда других авторов. Однако отдельные сведения имеют уникальный характер: все черемисы являются земледельцами или охотниками; брачный возраст для мужчин наступает в 12–13 лет; используют в охоте собак; мужчины одеваются как русские мужики; живут с соседями спокойно и в мире; используют много телег и лошадей; употребляют особым образом приготовленный медовый напиток, пиво, водку, капусту, огурцы, много мяса и меда, редко едят хлеб; покойников сжигают, хоронят или бросают в воду; особым образом приносят клятву; строят дома далеко друг от друга, деревни у них отсутствуют; являются язычниками, почитающими единого бога; показаны ранее не упоминавшиеся детали одежды и внешнего вида; названы предметы, которые кладут вместе с покойником в могилу; приведен перевод на марийский язык молитвы «Отче наш» [Витсен, 2010, с. 772–776]. Очевидно, эти данные ему предоставили многочисленные информаторы.

В конце раздела о черемисах Витсен приводит рассказ некоего персидского купца о черемисах, у которых тот бывал по своим делам. Это повествование является не только уникальным, но и одним из наиболее подробных и точных этнографических описаний марийцев XVII века, сделанных на основе личных наблюдений. В первую очередь, бросается в глаза такое же, как и у западноевропейцев, высокомерное отношение к черемисам. По словам персидского торговца, черемисы – «жалкий народ». Он дает марийцам нелестные характеристики: «не умеют ни читать, ни писать, а также и считать», «про Бога или Небо они ничего не знают», «простоваты и дурны», «ремесла им не известны», «у них не наблюдается никаких развлечений», «дома все одного вида и плохие» и т.д. И все бы ничего, если б не подробнейшее описание в этом же рассказе жизни и быта марийцев. Персидский купец, сам того не замечая, тут же фактически опровергает многие свои утверждения о марийцах. Например, словам об отсутствии у черемисов ремесел противоречит его же детальное описание одежды марийских мужчин, женщин и девушек, процесса изготовления прохладительного алкогольного напитка в глиняном горшке, также он упоминает о домах, котлах, луках, стрелах, рыболовных сетях, санях, телегах – разумеется, все это появилось у марийцев как раз благодаря развитию у них ремесленного производства. Кроме того, сразу же после утверждения об отсутствии религиозных представлений у марийцев он тут же приступает к описанию некоторых особенностей марийской традиционной религии: «Вся их религия состоит в том, что они просят совета и помощи у каких-то жрецов, которые говорят, будто умеют колдовать и советоваться с дьяволом; они бьют в какие-то барабанчики, бормочут несколько слов и затем объявляют, что то или иное животное должно быть зарезано – овца, козел, корова или лошадь – и что нужно натянуть шкуру на жерди и поклоняться ей. Просят, в зависимости от потребности, здоровья, увеличения количества скота, хорошей охоты, ловли рыбы, хорошего урожая, ибо все их ожидания заключаются в мирских удобствах и благополучии, и потому видно почти около каждого дома какую-нибудь натянутую кожу на конце жерди». Весьма курьезным выглядит соседство двух взаимоисключающих друг друга утверждений персидского купца: «они перемещаются с места на место пешком» и «для перевозки товара или грузов они употребляют оленей с санями зимой и телеги летом» [Витсен, 2010, с. 776–777]. Кроме того, вызывает недоумение пассаж об оленях с санями, поскольку на самом деле марийцы запрягали лошадей и не пользовались оленьими упряжками наподобие народов Крайнего Севера. Не применялась марийцами и приписываемая их жрецам шаманская практика («бьют в какие-то барабанчики»), опять-таки более характерная для северных и сибирских народов. Учитывая, что в приводимом рассказе черемисы сравниваются с самоедами, можно допустить, что персидский купец бывал не только у марийцев, но

и у ненцев. По всей видимости, описывая черемис, он в ряде моментов путал их с ненцами и, вероятно, с другими северными народами.

Заключение

В сочинениях русских авторов XVI века (летописях, произведениях оригинальной древнерусской литературы), за исключением воинской повести «Казанская история», слабо отражена социальная реальность марийцев (черемис). Вместе с тем русские воспринимали марийцев такими же людьми, как они, осознавали сопоставимость уровня социального развития двух народов. В то же время западноевропейские авторы XVI–XVII веков, писавшие о марийцах, считали их примитивным, диким народом, не видя существенных различий в уровне общественного развития между ними и нецивилизованными племенами, открытыми в период Великих географических открытий, оставались в плену у негативных стереотипов о черемисах. При этом иностранные авторы, по сравнению с русскими, делали более подробные описания марийцев, которые, впрочем, для западноевропейцев были экзотикой, материалом для увлекательного повествования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1938. 306 с.

Бахтин А.Г. Черемисы в источниках. Т. 1: Сочинения иностранцев VI–XVIII вв. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2024. 331 с.

Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. 2. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 626–1225.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 172 с.

Гребенников Н.Ю. В поисках «варваров»: к вопросу о семантике понятия и времени его вхождения в лексикон древнерусских книжников 2-й половины XV–XVI вв. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VIII Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 24–25 нояб. 2020 г. Ижевск: Ин-т компьютерных исслед., 2021. С. 212–216.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 2. Т. 177. М.: Унив. тип., 1896. С. 1–54.

Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 288 с.

Огородников В.И. Донесение о Московии второй половины XVI века. М.: Синодальная тип., 1913. XIX, 44 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1906. XXXII, 528 с.

Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 151–464.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000. 532 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летопись начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 391 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 303 с.

Сочинения И. Пересветова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 388 с.

Стрейс Я.Я. Три путешествия. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.

Флетчер Дж. О государстве Русском. М.: Изд-е А.С. Суворина, 1906. XXII, 138 с.

Sergey Svechnikov

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE MARI PEOPLE IN THE WORKS OF RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN AUTHORS OF THE 16th-17th CENTURIES

Introduction. The historiographical aspect of the assessment of the level of social development of the Mari people of the 16th-17th centuries in synchronous works of Russian and Western European authors belongs to the unexplored problems. **The purpose of the article** is to identify the specifics of assessing the level of social development in the narrative monuments of the 16th-17th centuries, created in Russia and Western Europe. **Materials and methods.** The main material of the article included narrative works written by Russian and foreign authors of the 16th-17th centuries. Research methods: concrete-historical, comparative-historical, historical and biographical, analysis of the historiographical situation. **Results of the research and discussion.** In Russian narrative monuments, the Cheremis appear as a neighbouring people long familiar to the Russians, distinguished by their warlike nature and pagan faith. Many important aspects of the social life of the Mari were omitted from the Russian authors' attention. However, they believed that the Cheremis, in terms of their level of social and economic development, social status, were almost no different from Russian peasants. It was also noted that the Mari people had their own nobility. Western European authors of the 16th-17th centuries, who wrote about the Mari, considered them backward, wild people, not seeing significant differences in the level of social development between them and uncivilised tribes which were discovered during the Great Geographical Discoveries, remained captive to negative stereotypes about the Cheremis. At the same time, foreign authors, in comparison with Russian authors, made a more detailed description of

the Mari. The Mari people were exotic, material for a fascinating narrative who for Western Europeans. **Conclusion.** The works of Russian authors of the 16th century poorly reflect the social reality of the Mari. At the same time, they realised the comparability of the level of social development of Russians and Mari. Western European authors of the 16th-17th centuries, writing about the Mari, considered them a primitive, savage people, but at the same time they made relatively detailed descriptions of the life of the Cheremis.

Keywords: Mari; Cheremis; Cheremis Tatars; wild; social reality; chronicles; travellers.

REFERENCES

Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travellers in the Moscow State in the 16th century]. Moscow, Socekgiz, 1938, 308 p. (In Russian).

Bahtin A.G. Cheremisy v istochnikah. Tom 1. Sochinenija inostrancev VI–XVIII vv. [Cheremis in Sources. Vol. 1. Works of Foreigners of the 6th–18th centuries]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2024, 331 p. (In Russian).

Vitsen N. Severnaja i Vostochnaja Tartarija, vkljuchajushhaja oblasti, raspolozhennye v severnoj i vostochnoj chastjah Evropy i Azii [Northern and Eastern Tartary, comprising areas located in the northern and eastern parts of Europe and Asia]. Amsterdam, Pegasus, 2010, vol. 2, pp. 626-1225. (In Russian).

Herberstein S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1988, 430 p. (In Russian).

Guagnini A. Opisanie Moskovii [Description of Muscovy]. Moscow, Greko-latinskij kabinet Ju.A. Shichalina, 1997, 172 p. (In Russian).

Grebennikov N.Ju. V poiskah «varvarov»: k voprosu o semantike ponjatija i vremeni ego vhozhdenija v leksikon drevnerusskih knizhnikov 2-j poloviny XV–XVI vv. [In search of 'barbarians': to the question of the semantics of the concept and the time of its entry into the lexicon of Old Russian scribes of the 2nd half of the 15th-16th centuries]. *Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society. Power. Culture: Proceedings of the VIII All-Russian, with international participation, scientifi c conference of young scientists,* 24-25 November 2020. Izhevsk, Institut komp'juternyh issledovanij, 2021, pp. 212-216. (In Russian).

Zinner Je.P. Sibir' v izvestijah zapadnoevropejskih puteshestvennikov i uchenyh XVIII veka [Siberia in the Reports of Western European Travellers and Scientists of the 18th century]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe izdatel'stvo, 1968, 247 p. (In Russian).

Kazanskaja istorija [Kazan History]. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR, 1954, 194 p. (In Russian).

Kakasch, Tektander. Puteshestvie v Persiju cherez Moskoviju 1602-1603 gg. [Journey to Persia through Muscovy 1602-1603]. *Readings in the Society of Russian History and Antiquities.* Moscow, Universitetskaja tipografija, 1896, book 2, vol. 177, pp. 1-54. (In Russian).

Kurbskiy A. Istorija o delah velikogo knjazja moskovskogo [History of the Aff airs of the Grand Duke of Moscow]. Moscow, Nauka, 2015, 944 p. (In Russian).

Mehovskij M. Traktat o dvuh Sarmatijah [A Treatise on the Two Sarmatias]. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR, 1936, 288 p. (In Russian).

Ogorodnikov V.I. Donesenie o Moskovii vtoroj poloviny XVI veka [Report on Muscovy in the second half of the 16th century]. Moscow, Sinodal'naja tipografija, 1913, XIX, 44 p. (In Russian).

Olearius A. Opisanie puteshestvija v Moskoviju i cherez Moskoviju v Persiju i obratno [Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. Saint-Petersburg, Izdanie A.S. Suvorina, 1906, 582 p. (In Russian).

Petrej P. Istorija o velikom knjazhestve Moskovskom. O nachale vojn i smut v Moskovii. [History of the Grand Duchy of Moscow]. Moscow, Fond Sergeja Dubova, Rita-Print, 1997, pp. 151-464. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej. Tom 13. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Chronicle collection, called Patriarch's or Nikon's Chronicle]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 2000, 532 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom 29. Letopis' nachala carstva carja i velikogo knjazja Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaja letopis'. Lebedevskaja letopis'. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 29. Chronicle of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Annals]. Moscow, Nauka, 1965, 391 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom 34. Postnikovskij, Piskarevskij, Moskovskij i Bel'skij letopiscy [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34. Postnikovsky, Piskarevsky, Moscow and Belsky chroniclers]. Moscow, Nauka, 1978, 304 p. (In Russian).

Sochinenija I. Peresvetova [Works of I. Peresvetov]. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR, 1956, 388 p. (In Russian).

Strejs J.J. Tri puteshestvija [Three Journeys]. Moscow, Socjekgiz, 1935, 415 p. (In Russian).

Fletcher G. O gosudarstve Russkom [On the Russian State]. Moscow, Izdanie A.S. Suvorina, 1906, XXII, 138 p. (In Russian).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.511.151

БАРЦЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

© 2025 г. В.Н. Максимов

Барцева Людмила Ивановна – кандидат филологических наук (1990), доцент (1995), заслуженный работник образования Республики Марий Эл (2002), лауреат Государственной премии Республики Марий Эл в области научной публикации естественных и гуманитарных наук имени М.Н. Янтемира (2023).

Родилась 17 мая 1955 года в дер. Кумужъял (Пектывайсола) Моркинского района Марийской АССР. В 1963–1972 годах училась в Кумужъяльской средней школе Моркинского района МАССР. С 1972 по 1973 год работала художественным руководителем в Большекожлаяльском Доме культуры Моркинского района. В 1974 году поступила в Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской и в 1979 году окончила отделение марийского языка и литературы, русского языка и литературы историко-филологического факультета с отличием. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 28 июня 1979 года ей присвоена квалификация учителя русского языка и литературы, марийского языка и литературы.

В 1979–1981 годах работала воспитателем продленного дня в школе № 13 г. Йошкар-Олы. С марта 1981 года по ноябрь 1982 года, с августа 1983 года по декабрь 1984 года – воспитатель школы-интерната № 1 г. Йошкар-Олы, с ноября 1982 года по август 1983 года – инженер отдела № 66 Марийского машиностроительного завода г. Йошкар-Олы.

С 1985 по 30 декабря 1986 года занимала должность младшего научного сотрудника сектора языка МарНИИ им. В.М. Васильева.

В 1986–1989 годах училась в аспирантуре Тартуского университета (Эстония). В 1989 году под научным руководством акад. П. Аристэ защитила кандидатскую диссертацию на тему «Полисемия глаголов в марийском языке». В диссертационном исследовании освещена теория лексической полисемии с ее семантической структурой и типами значений в финно-угорских языках, предпринята попытка разграничения полисемии и омонимии, возникшей вследствие распада многозначности, раскрыты пути образования полисемии глаголов в марийском языке, впервые в финно-угорских языках рассмотрено развитие лексико-семантической структуры глагола метонимией и как фактор обогащения семантической парадигмы лексемы приведены табу и эвфемизм. Решением Совета при Тартуском государственном университете от 30 октября 1989 года Л.И. Барцевой присуждена ученая степень кандидата филологических наук. После защиты диссертации в январе 1990 года вернулась в сектор языка МарНИИ на должность старшего научного сотрудника и проработала здесь по 1991 год.

С 1 октября 1991 года Людмила Ивановна принята на должность старшего преподавателя кафедры марийской филологии Марийского государственного университета. В 1991–2022 годах работала доцентом кафедры марийского языка, (позже) марийского языка и литературы историко-филологического факультета, института финно-угроведения, института национальной культуры и межкультурной коммуникации. За время работы в университете показала себя как опытный преподаватель, прекрасно владеющий теоретическими и практическими знаниями. Она вела лекционные, семинарские и практические курсы по лексикологии и словообразованию современного марийского языка, по истории родного языка, стилистике и культуре речи, методике преподавания марийского языка, спецкурс по марийской фразеологии, практикум по марийскому языку и др. Используя современные научные достижения, она на высоком профессиональном уровне организовывала различные формы обучения: проблемные лекции, семинары, разные виды индивидуальной и самостоятельной работы студентов, разнообразные формы контроля знаний. Решением Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию от 18 января 1995 года ей присвоено ученое звание доцента по кафедре марийской и финно-угорской филологии.

Область научных интересов Л.И. Барцевой – лексическая семантика, диалектология марийского языка. Она опубликовала свыше 150 трудов, из них два учебных пособия для студентов вузов и одно методическое руководство для библиотечных работников.

Людмила Ивановна является одним из авторов коллективной монографии «Моркинско-сернурский говор марийского языка», которая посвящена осо-

бенностям описываемого говора – диалектной базы марийского литературного языка. Л.И. Барцевой и В.Н. Васильевым написана глава «Лексика», состоящая из трех разделов: общие сведения о лексике, тематические группы диалектных слов, исторические пласты лексики говора. Касаясь истории сбора лексического материала, авторы отмечают вклад финских ученых В. Поркка и Ю. Вихманна, материалы Тимофея Евсевьева (Евсеева), изданные в Хельсинки, рукописный словарь А. Смирнова, священника из села Арино. Они выделяют в говоре следующие лексико-семантические типы слов: 1) слова, обозначающие родственные отношения; 2) слова, связанные с домом, надворными постройками, домашней утварью; 3) названия природных объектов; 4) названия пищи, напитков и связанных с ними предметов; 5) названия ягод, кустарников, деревьев; 6) названия рыб, орудий рыбной ловли; 7) названия, относящиеся к растительному миру; 8) слова, связанные с названием птиц, насекомых; 9) названия конной упряжки; 10) названия одежды и украшений; 11) названия частей тела и внутренних органов; 12) названия качеств и свойств; 13) слова, обозначающие образ действия; 14) названия действий и состояний. В разделе «Исторические пласты лексики говора» рассматривается словарный состав говора с точки зрения происхождения. К сожалению, материал изложен не в строгой последовательности, поэтому он не дает четкого представления о формировании лексического состава моркинско-сернурского говора.

В соавторстве с проф. И.С. Галкиным Людмила Ивановна написала учебник для вузов «Кызытсе марий йылме. Лексикологий» («Современный марийский язык. Лексикология»). Она внесла заметный вклад в создание ряда крупных словарей. Участвовала в составлении многотомного «Словаря марийского языка» толкового типа, ею разработаны словарные статьи куктаялташ ‘путаться’ – купвараш ‘лунь болотный’ (т. 3, 1994), на ‘на’ – нерынчаш ‘лепить; замазывать’ (т. 4, 1998), пошкудо ‘сосед’ – пужактараш ‘выгонять, разгонять’ (т. 5, 2000), чылт ‘совершенно, совсем’ – чытанле ‘выносливый’ (т. 8, 2003). Людмила Ивановна – один из авторов-составителей «Русско-марийского словаря» в 2-х томах, изданного в 2019 году (ею написаны словарные статьи на букву С), и «Марийско-русского фразеологического словаря» в 2-х томах, вышедшего в 2020 году (также является одним из научных редакторов словаря).

Барцевой Л.И. опубликован ряд исследовательских статей по вопросам семантики марийского языка: «Семантические изменения в условиях двуязычия» (Йошкар-Ола, 1993), «Polysemy in the Mari Language» («Полисемия в марийском языке») (Jyväskylä, 1995), «Полисемия в марийских фразеологизмах» (Tartu, 2000), «Лексико-семантические особенности русских заимствований» (Йошкар-Ола, 2007) и др. Изыскания получили высокую оценку среди коллег.

В круг научных интересов Людмилы Ивановны входят и проблемы фразеологии марийского языка. Об этом свидетельствуют такие работы (статьи),

как: «К вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе в марийском языке» (Йошкар-Ола, 1997), «С. Чавайнын «Элнет» романыштыже фразеологизм-влак» («Фразеологизмы в романе С. Чавайна «Элнет») (Йошкар-Ола, 2012), «Кӱэмалтше ойсавыртышлаште чон мутын падеж формыжо-влак» («Падежные формы слова душа во фразеологизмах») (Йошкар-Ола, 2021) и др.

Юбиляр уделяла немало внимания изучению вопросов диалектологии марийского языка: «Лексические особенности пижанского говора» (Йошкар-Ола, 1985), «Шоруньжа говорышто татар йылме гыч кӱсынлымӧ шомак-влак» («Татарские заимствования в шоруньжинском говоре») (Йошкар-Ола, 2010), «Мишкан район тӧнгак подговорын лексико-семантический ойыртемже (В.М. Васильевын шочмыжлан 120 ий темме вашеш)» («Лексико-семантические особенности иликовского подговора Мишкинского района (к 120-летию со дня рождения В.М. Васильева)») (Йошкар-Ола; Чебоксары, 2011), «Унчо кутыртышын мутвундо ойыртемже» («Лексические особенности уньжинского подговора») (Йошкар-Ола, 2011), «Пошкырт кундем Теперыш велысе айдеме лӱм-влак» («Личные имена села Теперишево Башкортостана») (Йошкар-Ола, 2019), «Кас-йӱдвел наречийыште материальный культур дене кылдалтше шомак-влак» («Лексика материальной культуры в северо-западном наречии») (Йошкар-Ола, 2015). Некоторые из статей написаны в соавторстве.

Людмила Ивановна опубликовала несколько статей, посвященных юбилейным датам коллег, например, таких лингвистов, как Сиркка Сааринен, В.Т. Тимофеева, И.С. Галкин.

Она успешно выступала с научными докладами на региональных, республиканских, всероссийских, международных конференциях, конгрессах.

Барцева Л.И. вела активную общественную работу как в стенах университета, так и на республиканском уровне. На протяжении многих лет была куратором академических групп, выполняла функции ученого секретаря историко-филологического факультета, с 1997 по 2002 год была ответственным секретарем приемной комиссии Марийского государственного университета, в 2008–2009 учебном году – заместителем директора Института финно-угроведения по воспитательной работе, участвовала в организации и проведении различных всероссийских, международных научных конференций и симпозиумов.

Будучи ответственным секретарем приемной комиссии МарГУ, Л.И. Барцева стояла у истоков нововведения в образовательном процессе Республики Марий Эл: принимала активное участие и внесла большой вклад в организацию и успешное проведение эксперимента по введению единого государственного экзамена в качестве контроля знаний учащихся и абитуриентов, поступающих в вузы Республики Марий Эл и запредельной территории (Все-

российский эксперимент по ЕГЭ и ГИФО: анализ результатов приема в Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, 2002. Соавт.: О.Л. Воскресенская, Т.А. Волкова).

Людмила Ивановна тесно сотрудничала с Министерством образования Республики Марий Эл, Марийским институтом образования. Совместно с ними участвовала в региональных конференциях с целью распространения передового опыта в преподавании марийского языка в школе и вузе. Кроме того, выступала с докладами на республиканских конференциях и семинарах по проблемам марийского языка и методики преподавания родного языка в школе. Юбиляр ежегодно была членом жюри республиканских и региональных олимпиад по марийскому языку и литературе. Под руководством национального отдела Министерства образования Республики Марий Эл для оказания методической помощи учителям марийского языка и литературы неоднократно выезжала в школы Республики Марий Эл и Республики Башкортостан. Оказывала шефскую помощь Бирской государственной социально-педагогической академии Республики Башкортостан (ныне – Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий).

За научно-педагогическую работу, за большой вклад в развитие образования Республики Марий Эл Барцева Людмила Ивановна награждена Почетной грамотой Министерства образования Республики Марий Эл (2002), Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2010), Почетной грамотой Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2021). За учебно-методическую и общественную деятельность, за значительный вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов в декабре 2002 года удостоена звания «Заслуженный работник образования Республики Марий Эл».

В настоящее время на заслуженном отдыхе.

Пагалыме Людмила Ивановна! Таза, пиалан, кужу ӱмыран лийза!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Словарь марийского языка: в 10 т. / Мар. НИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005 (в соавт. Т. 3: куктаялташ – купвараш. 1994. С. 104–137; Т. 4: на – нерынчаш. 1998. С. 131–179; Т. 5: пошкудо – пужактараш. 2000; С. 224–309. Т. 8: чылт – чытанле. 2003. С. 484–502).

Кызытсе марий йылме. Лексикологий = Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола: Издат. дом, 2003. 184 с. (соавт. И.С. Галкин).

Кызытсе марий йылме дене программа: марий филологий пӧлкан студентше-влаклан = Программа по современному марийскому языку: для студентов отделения марийской филологии. Йошкар-Ола, 2004. 23 с.

Кызытсе марий йылме. Лексикологий: упражнений сб. = Современный марийский язык. Лексикология: сб. упражнений. Йошкар-Ола, 2005. 90 с.

Словарь лингвистических терминов марийского языка. Szombathely, 2005. 199 с. (соавт.: И.Г. Иванов, Л.С. Матросова, В.Н. Васильев и др.).

Правила сокращения слов и словосочетаний на марийском языке в библиографической записи: Общие требования и правила. Стандарт, утвержденный Комиссией по государственным языкам Республики Марий Эл при Правительстве Республики Марий Эл от 23.11.2006. Йошкар-Ола, 2007. 20 с. (соавт. Т.А. Петрова).

Словарь терминов по обществознанию на марийском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Баданчоньтомай, 2011. 46 с.

Моркинско-сернурский говор марийского языка: коллектив. моногр. Йошкар-Ола, 2012. 208 с. (соавт.: В.Н. Васильев, И.Г. Иванов, Л.С. Матросова, З.В. Учаев).

Русско-марийский словарь: в 2-х т. Йошкар-Ола, 2019. Т. II: П–Я. 500 с. (соавт.: В.Г. Гаврилова, М.Т. Ипакова и др.).

Марийско-русский фразеологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола, 2020. Т. 1: А–Ӧ. 534 с.; Т. 2: П–Ч. 670 с. (соавт.: Е.М. Андрианова, Ф.Т. Грачева, Н.М. Краснова, Г.А. Эрцикова, Э.С. Якимова).

Марийский язык: практикум. 2-е изд., перераб. и доп. Йошкар-Ола, 2021. 91 с. (соавт. Л.С. Матросова).

Максимов Валерий Николаевич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы,
заведующий научно-образовательной
лабораторией «Марий йылме»
научно-исследовательского центра
изучения уральских языков
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sernur@rambler.ru

Valerij Maksimov
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Mari Language
and Literature,
Head of the scientific and educational
laboratory “The Mari Language”,
Research center for study the
Uralic languages
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: sernur@rambler.ru

УДК 811.511.132

ЮБИЛЕЙ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЦЫПАНОВА

© 2025 г. О.И. Некрасова

15 июня 2025 года известному ученому-финно-угроведу, доктору филологических наук, доценту, заслуженному работнику Республики Коми, лауреату Государственной премии Республики Коми в области науки и премии Правительства Республики Коми в области образования, почетному зарубежному члену Финно-угорского общества «Suomalais-ugrilainen seura», заведующему отделом языка, литературы и фольклора ИЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН» Евгению Александовичу Цыпанову исполняется 65 лет.

Родился Е.А. Цыпанов в селе Визинга Сысольского района Коми АССР. Получив среднее образование в местной школе, с 1977 по 1982 год проходил обучение на историко-филологическом факультете Сыктывкарского государственного университета. После вуза поступил в очную аспирантуру Тартуского государственного университета (Эстония), где специализировался по направлению «Финно-угорские языки». Завершил аспирантскую подготовку в 1985 году. Руководителем научной деятельности начинающего исследователя был выдающийся учёный, академик Академии наук Эстонской ССР, профессор Пауль Аристэ.

Следующим этапом профессионального роста стало обучение в очной докторантуре Марийского государственного университета, которое проходило в период с 1999 по 2002 год на кафедре финно-угорских языков.

Научная деятельность и творческая биография юбиляра неразрывно связана с Институтом языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР (ныне ИЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»). Его карьерный рост начался в институте в 1986 году с должности младшего научного сотрудника. Уже в 1989 году Евгений Александрович стал научным сотрудником, а спустя

два года занял должность старшего научного сотрудника. Его вклад в исследования позволил перейти на должность ведущего научного сотрудника в 2003 году. Важным этапом карьеры стала работа заведующим сектором языка в 2007–2011 годах. С 2011 по 2020 год он занимал ответственную должность заместителя директора института по научным вопросам. Начиная с 2011 года Евгений Александрович является заведующим отдела языка, литературы и фольклора ИЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН».

Кандидатская и докторская диссертации, успешно защищённые Е.А. Цыпановым в 1987 и 2003 годах внесли значительный вклад в исследование морфологии, семантики и синтаксиса коми глагола, инфинитных глагольных форм. Кандидатская диссертация на тему «Морфология причастий в коми языке», защищённая в Тартуском государственном университете, представляет собой детальное исследование системы причастий в коми языке. Она охватывает широкий спектр вопросов, связанных с их структурой, значением и функционированием как с синхронической, так и с диахронической точек зрения. В докторской диссертации «Грамматические категории глагола в коми языке», защищенной в Марийском государственном университете, юбиляр рассмотрел особенности диахронических изменений категорий глагола и подробно описал их функционирование в коми языке в свете грамматической семантики и синтаксической дистрибуции. Значительная часть научных трудов ученого посвящена решению фундаментальных проблем грамматического строя коми языка, в частности проблемам коми глагола и его форм. Результаты его исследований обобщены в ряде монографий: «Асшӧр кывсикасъяс коми кывйын» («Знаменательные части речи в коми языке») (Сыктывкар, 1992, соавт. Г.В. Федюнева), «Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция» (Екатеринбург, 1997), «Грамматические категории глагола в коми языке» (Сыктывкар, 2005), «Структура и морфологические категории глагола в коми языке» (Сыктывкар, 2020). Его работы опубликованы в виде препринтов и включены в важные разделы академических изданий, такие как раздел «Ӧнія коми кыв. Морфология» («Современный коми язык. Морфология») (Сыктывкар, 2000).

Научно-исследовательская деятельность Е.А. Цыпанова сосредоточена на изучении различных аспектов коми языка, включая грамматику, семантику, лексику, а также актуальные вопросы неологии, социолингвистики и этнолингвистики. Он является автором более 400 научных, учебно-методических и научно-популярных публикаций, опубликованных как в России, так и за её пределами. Особое внимание уделяет исследованию лексики коми языка, сочетая теоретический анализ с практическими разработками. Благодаря его усилиям вышли в свет специализированные словари: неологизмов, общественно-политической лексики − «Выль коми кыввор» («Новая коми лек-

сика») (Сыктывкар, 1998; соавт. Л.М. Безносикова), «Выль кыввор» («Новая лексика») (Сыктывкар, 2005, 2009), сопоставительный − «Удмурт кыввор да лыддянкуд» («Удмуртско-коми сопоставительный словарь. Лексика. Хрестоматия») (Сыктывкар, 2007), кличек домашних животных − «Коми пемöс нимкуд» («Клички домашних животных в коми языке: словарь») (Сыктывкар, 2008), пейоративной лексики − «Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд» («Словарь бранных слов коми языка») (Сыктывкар, 2021), мелиоративной лексики − «Коми ошканкывъяс: зэв лöсьыдик кывкуд» («Словарь мелиоративной лексики коми языка») (Сыктывкар, 2024).

Важной вехой научного пути ученого стала разработка учебно-методической литературы для учебных заведений. На протяжении ряда лет Евгений Александрович занимался преподавательской деятельностью, читал спецкурсы по вопросам грамматики коми языка, курсы по актуальным вопросам грамматики финно-угорских языков, преподавал коми и финский языки студентам и учащимся Сыктывкарского, Югорского, Тартуского, Хельсинкского, Туркуского университетов, Коми республиканской гимназии искусств при Главе Республики Коми. Им разработана методика интенсивного преподавания коми языка для лиц, не владеющих коми языком. Специальные учебные пособия – самоучители, разговорники, составленные юбиляром, среди которых: «Коми кыв: самоучитель коми языка» («Коми язык: самоучитель коми языка») (Сыктывкар, 1992), «Рömпöштан. Учебник коми языка для взрослых» («Зеркало: Учебник коми языка для взрослых») (Сыктывкар, 1999, соавт. Л.А. Моторина, Ж.Г. Сизева), «Видза олан! Самоучитель коми языка» («Здравствуйте! Самоучитель коми языка») (Сыктывкар, 2007), «Видза олан, коми кыв» («Здравствуй, коми язык») (Сыктывкар, 2015), «Кöсъя юавны – Хочу спросить! Русско-коми разговорник» (Сыктывкар, 2020, соавт. Г.В. Пунегова), «Поговорим! – Сёрнитыштам!» (Сыктывкар, 2022, соавт. Г.В. Пунегова) и др. содержат учебно-методические материалы для усвоения коми разговорного и письменного литературного языка, предназначены для облегчения общения с говорящими на коми языке. В 2018 году под авторством ученого вышел в свет первый учебник по иностранному языку (финскому) на коми языке «Opiskellaanpa suomea – Велöдам суоми кыв» («Учим финский язык»).

Большое место в творчестве юбиляра, ратующего за сохранение и развитие родного языка, занимает распространение научных знаний об истории и культуре коми народа, коми и других финно-угорских языках в современной и доступной для широкого круга людей форме. Научно-популярные и справочно-информационнные издания адресованы не только специалистам, но и всем, кто интересуется коми и другими финно-угорскими языками: «Перым-коми гижöд кыв» («Коми-пермяцкий литературный язык») (Сыктывкар, 1999), «Финно- угорские языки: сравнительный обзор» (Сыктывкар, 2009), «Выний-

öра да мича миян коми кывным» («Могучий и красивый наш коми язык») (Сыктывкар, 2016), «Секреты коми языка в рассказах (Сыктывкар, 2020, соавт. Г.В. Пунегова, О.И. Некрасова)», «Коми нэм: чужан мулӧн да войтырлӧн история важ кадсянь öнія лунъясӧдз» («Коми век: история Коми края с древних времен до наших дней») (Сыктывкар, 2000, соавт. О.Е. Бондаренко, Т.М. Хорунжая) и др. Автор активно сотрудничает с республиканскими СМИ − статьи о коми языке часто публикуются в газете «Коми му» («Земля Коми»), журналах «Войвыв кодзув» («Северная Звезда»), «Йӧлӧга» («Эхо»), выходят теле- и радиопередачи о коми языке, о проблемах его развития и функционирования в различных сферах общества. Е.А. Цыпанов трудится также в составе Термино-орфографической комиссии при Министерстве культуры и национальной политики Республики Коми по созданию новых терминов, терминологических сочетаний, коррекции переводов, обсуждению различных спорных вопросов; является членом Правления Общества изучения Коми края.

В качестве учителя, наставника Евгений Александрович занимается воспитанием новых научных кадров, под его научным руководством подготовлены и успешно защищены шесть кандидатских диссертаций по грамматике, синтаксису, диалектологии, стилистике коми языка. Научная биография доктора филологических наук, доцента Е.А. Цыпанова связана также с выполнением обязанностей члена диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 10.02.02. – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки) (филологические науки), созданного на базе ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», официального оппонента диссертаций.

Владеющий несколькими языками юбиляр примыкает к стану тех, кто «стирает границы между странами и людьми», плодотворно и успешно занимаясь переводческой деятельностью. Широко известны его переводы на коми язык цикла рассказов эстонского автора Эно Рауда «Сипсик – живая кукла» – «Сипсик – ловъя акань» (2006), сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес» – «Алисаӧд Шемӧсмуын Лоӧмторъяс» (2017), сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» – «Дзоля принс» (2022), сказок и детских рассказов с эстонского и удмуртского языков.

Признанный в научном мире финно-угровед Е.А. Цыпанов является членом Международного комитета конгрессов финно-угроведов, Финно-угорского общества (Финляндия), редколлегии международного журнала «Linguistica Uralica», сериального научного издания по сопоставительному языкознанию «Lähivõrdlusi Lähivertailuja» (Таллин), научного журнала «Вестник угроведения», принимает активное участие в международных научных форумах, на всесоюзных, всероссийских, региональных и республиканских конференциях.

Юбиляр пользуется заслуженным авторитетом в коллективе Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, у учеников, в научных кругах финно-угорского мира в России и за рубежом. Его плодотворная научная и общественная деятельность по достоинству отмечены высокими наградами республиканского и федерального уровня. Он является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (1999), лауреатом премии Правительства Республики Коми в области образования (2004), премии Правительства Республики Коми в области научных исследований (2021), лауреатом конкурса «Доктора наук РАН» (2004), награжден знаком отличия Республики Коми «За безупречную службу Республике Коми» (2014).

Коллеги и друзья поздравляют Евгения Александровича с юбилеем, желают крепкого здоровья, успехов в творческой деятельности, осуществления замыслов. Кузь нэм да бур шуд!

Некрасова Ольга Ивановна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»,
г. Сыктывкар
e-mail: lesik3108@yandex.ru

Olga Nekrasova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of the Institute
of Language, Literature and History
of the Komi Research Centre,
the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: lesik3108@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 391(=511.152)

К ПРОБЛЕМЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ КОДОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДОВСКОГО (ЭРЗИ И МОКШИ) НАРОДА В ВЫШИВКЕ

Рец.: Кодификационно-семиотическая система мордовского этноса: прошлая и настоящая жизнь знака: монография / [рук. проекта Е.Е. Ледяйкин]; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2024. 152 с.

© 2025 г. В.И. Рогачев, Н.В. Карабанова

Последний квартал 2024 года явился весьма результативным для сотрудников Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, которым в кратчайшие сроки удалось завершить объемный проект по гранту Президентского фонда культурных инициатив «Иероглифы мордвы. Символы древней письменности в орнаменте и родовых знаках, языковые особенности формирования образов в литературном слове и устно-поэтическом наследии», и по его результатам издать монографию «Кодификационно-семиотическая система мордовского этноса: прошлая и настоящая жизнь знака», представляющую интерес для финно-угорского научного сообщества.

Знание темы, наличие публикаций по проблеме знаковой системы, орнаментике, помощь и участие в оформлении указанного гранта дают нам негласное право обратиться к жанру рецензии и высказать свое мнение об издании, увидевшем свет в последнем квартале 2024 года тиражом в 200 экземпляров. На наш взгляд, заведомо небольшим числом, потому что потребность в книге, как показало время, очень большая среди знатоков национальной культуры, ученых-этнографов, студентов, всех интересующихся традиционной культурой народов России.

В связи с тем, что на раздел книги, посвященный родоплеменным знакам, уже имеется научный отзыв, то нам в своей небольшой рецензии хотелось откликнуться и дать оценку той части работы, которая представляет интерес с точки зрения освоения в этническом сознании окружающего мира и его символического отражения в орнаментальных символах и мотивах декоративно-

прикладного искусства. Этому посвящаются три раздела – «Трансформация символа в орнаментике декоративно-прикладного искусства», «Орнаментальный язык мордовской вышивки» и «Терминология мордовской вышивки», где дается словарь терминов на языках мокши, эрзи и их этнографических групп – терюхан и каратаев.

В ряду имеющихся трудов по изучению механизма и природы возникновения отдельных орнаментальных символов, мотивов декора монография выделяется глубоким проникновением в философию и психологию способов кодификации мира древними финно-уграми, к числу которых относится и мордовский народ. Исследователи не без оснований видели, что представленные в книге сведения о символах, прошедших сложный путь трансформации способов нанесения, функциональных границ и смыслового наполнения, открывают перспективы для дальнейшего исследования мировоззренческих представлений этноса, отразившихся в традиционной культуре мордовского народа.

Издание можно назвать своевременным, потому что в ней собраны исчезающие на глазах остатки реликтовых форм культуры, родоплеменных знаков, орнаментальные сюжеты, восходящих когда-то к языческим мифологическими воззрениям, охотничье-рыболовецкому и промысловому быту, связанному с ландшафтными природно-климатическими условиями проживания этноса.

Обращение к символам орнаментации в декоративно-прикладном искусстве на современном этапе можно считать актуальным по той причине, что традиционная атрибутивная часть народной культуры, связанная с вышивкой, орнаментацией костюма, декоративной резьбой по дереву в связи со старением села, уходом из жизни старшего поколения, обновлением быта, изменением обрядов жизненного цикла, стремительно исчезает. И это, вероятно, одна из важных и последних попыток сохранить осколки, собрать их вместе, чтобы как в калейдоскопе вырисовалась картина единого ансамблевого видения мира, расцвеченного богатым творческим воображением эрзян и мокшан на протяжении тысячелетней истории проживания мордовского народа в Среднем Поволжье, средоточии финно-угорских этносов.

Важно, что в исследовании делается интересный разворот в сторону бытования знаков, как части орнаментальных мотивов вышивки, имеющей сакральный смысл защиты. Вслед за В.Н. Белицер, Т.А. Крюковой и другими этнографами исследователи обращают внимание на тесную связь знака и орнамента декоративно-прикладного искусства.

Во вводной части монографии вполне уместным стало обращение к работам Г.Н. Айплатова, А.Г. Акшикова, Г.Г. Грязева, к знаковой системе родственных марийцев, удмуртов, формам бытования и функциям, их роли в орнаментике, в целом кодификационно-семиотических системах других финно-угров Поволжья и Приуралья.

Отрадно, что научной базой для исследователей стала опора на историко-археологические и этнографические артефакты, материалы и свидетель-

ства информантов. В актив этнографической экспедиции можно включить то, что членам группы удалось в ходе скрупулезной работы в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее имени И.Д. Воронина, Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи, районных историко-этнографических музеях, где сконцентрированы экспонаты традиционного крестьянского быта, одежды, фрагментов вышивки, резьбы по дереву, сделать зарисовки, сфотографировать образцы отдельных орнаментальных мотивов, бытовавших на национальном костюме, в резьбе по *пари* (сундук для приданого невесты), домовой архитектуре и т.д.

В разделе авторы справедливо связывают орнаментальную терминологию с представлениями мордвы о человеке, его взаимоотношениях с природой и обществом, о мире и космосе. Указывается на то, что кроме религиозно-магических (*шкаень пацянят* – «божьи крылышки»), семантико-обереговых (*куень пря* – «змеиная головка», *налхт* – «стрелы», *кенжт* – «когти», на которые в свое время указывали А.С. Лузгин, В.И. Рогачев. – *Примечание наше*) можно усматривать и коммуникативно-информационные функции систематизации и упорядочивания человеческих взаимоотношений.

На наш взгляд, можно было упомянуть и эстетическую функцию, особенно в орнаментации женского костюма, который подчеркивал красоту, стать, молодость девушки и вместе с тем указывал на локальные и регионально-субэтнические особенности. Исследователи обращают внимание на локализацию эрзянской и мокшанской вышивок, с магической целью защиты наиболее важных частей тела: шею и грудь, лопатки от нечистой силы, руки от весьма опасных порезов серпом во время спорой работы на жнитве и т.д. Правомерно авторами указывается, что, вероятно, в древности в первобытном производственном коллективе, на руке, как на одном из важнейших частей тела делались какие-то пометки, знаки оберегового характера для его защиты. Справедливо утверждается, что характер орнаментации на рукаве можно признать за особый символический язык. Эта мысль находит подтверждение в широком использовании татуировок, в том числе и на руках, представителями полинезийских, африканских племен Амазонии, задержавшихся на стадии первобытно-общинного строя. Широко используется накладная, бранная орнаментация на одежде и татуировки на теле в качестве оберегов у родственных эрзе и мокше манси и хантов. Таковые орнаменты имеются у соседей мордвы – марийцев, у которых есть вышивка *чызе орол* – «сторож» грудей», закрывающая область женской груди. Положительной стороной издания стали размышления о мифолого-символическом характере орнаментального искусства, вышивки, наделяемой с древних времен обереговыми свойствами.

Орнамент в качестве художественного украшательства, как эстетический компонент женского костюма, появился у эрзи и мокши сравнительно поздно – в XX веке, когда на смену суеверному сознанию приходит материалистическое понимание мира. Происходило это постепенно.

Этнографы детально рассматривают орнаментацию женского костюма, наделенного сакральными символами в виде зигзагов, квадратов, ромбов, прямых и диагональных крестов, треугольников, воплощающих закодированные смыслы космогонических небесно-солярных мифов. Исследователи производят разбор вышивок орнамента женского костюма, основе которого присуща ромбическая сетка, варианты ромба с крючками, ромба с точкой-зерном в центре, слитные ромбы, которые издревле символизировали плодородие земли. А женщина древними не выделялась из мира природы, она, как колос, дает зерно, как яблоня дает плоды, должна плодоносить, отличаться чадородием, отсюда и обращение к ромбическим узорам.

В монографии учеными производится анализ и интерпретация полевых материалов – женских праздничных костюмов, их орнаментальных мотивов (с. Пайгарма Рузаевского района, с. Сарги Старошайговского района, сел Тарасово и Сабанчеево Атяшевского района, с. Шугурово Березниковского района Республики Мордовия). Вслед за специалистом Т.П. Прокиной выдвигается версия о тесной связи в далеком прошлом элементов национального костюма с земной жизнью человека, с миром божественным и загробным: несчетные повторы знаков, черных точек на красном фоне заключали бесконечное непрерывное движение, как движение небесных светил, движение земли, смена дня и ночи, времен года, поколений людей.

Актуально звучит положение главы о том, что орнамент в декоративно-прикладном искусстве несет закодированное информационное послание, семиотическую нагрузку, являясь специфической формой коммуникации, а использование и интерпретация вышивки в одежде – это наглядная презентация способов кодификации мира, окружающего пространства с помощью сакральных символов древней письменности. В целом делается вывод, обобщение о том, что вся одежда мордвы, как и у марийцев, несла функцию магической защиты от нечистой силы, болезней и т.д. Одежда носила ярко выраженный знаковый характер, являясь указателем на половозрастной, социальный, этнический, профессиональный статус человека.

В главе подробно рассматриваются головные уборы *панго* – «гриб», как неотъемлемая часть костюма, на которые нанесены сложные орнаментальные мотивы в виде стилизованных симметрично расположенных деревьев на лобной части, на затыльной части прямоугольных расшивок, символов плодородного поля, связанных с представлениями о земледельческом труде, указывающих на причастность женщин к плодородию. Существование священных деревьев и рощ у мордвы и марийцев, других финно-угров Среднего Поволжья и Приуралья могло явиться основанием для появления этих изображений на головных уборах. Перечисленные орнаментальные мотивы несут в себе религиозно-магические коды, являются стилизованными символами, указываю-

щими на связь с пространственными представлениями мордвы о Мировом дереве, соединяющем верхний, средний и нижний миры.

Все это в целом свидетельствует о сакральности женского головного убора.

В заключении главы делаются выводы о том, что в знаково-символическом пространстве культуры закодированы глубокие религиозно-философские и жизненные смыслы. Семиосфера мордовского народа, формировавшаяся на протяжении тысяч лет представляет огромную ценность, как удачная форма кодификации значимых сакральных ценностей, их передача с помощью орнаментальных мотивов и символов от поколения к поколению на протяжении длительного исторического периода как способ передачи социально значимой информацию о мире.

В разделе «Орнаментальный язык мордовской вышивки» исследуются история возникновения орнамента, составляющая его знаковая система, наделение символов смыслами, влияние различных культур соседних древних племен на характер и содержание знаков, взаимопроникновение знаков финно-угорских, славянских и тюркских народов. В этот период в вышивке находит отражение мировоззренческая эволюция, появляются усложненная пространственная структура мира и мифологических представлений этноса, космогонические мотивы, требующие ювелирного мастерства при исполнении вышивки, использования новых технических приемов. На страницах раздела рассматривается история и этапы экспедиционной работы НИИЯИЛИЭ (ныне – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), дается широкий историографический обзор изучения мордовской вышивки, указывается массив источников, который может пригодиться для исследователей финно-угорской культуры, даны выкройки, схемы узоров, способы нанесения рисунка, рассматриваются музейные коллекции, определяется их научная ценность для исследователей, предлагается путеводитель для ученых, приводятся названия и адреса организаций, где находятся ценные изделия декоративно-прикладного искусства.

При всех достоинствах монографии авторам не удалось объять весь материал, что практически было, наверно, невозможно избежать при столь коротких сроках, отведенных на реализацию проекта авторам, не всегда являющимися профильными специалистами в области декоративно-прикладного искусства, этнографии. И тем не менее справедливо будет сказать, что в монографии удалось отразить основные позиции и этапы развития декора эрзи и мокши, вызвать глубокий интерес к этой части культуры мордовского народа.

В заключительном разделе монографии «Терминология мордовской вышивки» авторам удалось собрать по крупицам значительный терминологический материал, разбросанный по архивам, рукописям полевых материалов, научным публикациям, от информантов. «Словарь терминов», данный в монографии на четырнадцати страницах, представляет большую историко-этно-

графическую ценность как летопись развития декоративно-прикладного искусства на протяжении длительного исторического периода.

В книгу в объеме 12,35 условных печатных листов, форматом 70х100 1/16 поместилось 152 страницы научно-популярного текста. К достоинствам издания следует отнести богатый иллюстративный материал, насчитывающий 6,12 п.л. (вкл.).

Монография получила хорошие отзывы известных ученых Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова Л.А. Таймасова, доктора исторических наук, профессора кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева Г.А. Корнишиной, доктора исторических наук, профессора кафедры истории России, в рецензиях других ученых.

Исследование «Кодификационно-семиотическая система мордовского этноса: прошлая и настоящая жизнь знака» формирует общее представление о развитии знаковой системы, возникновении и развитии орнаментального искусства от простых знаков до сложно-символических и стилизованных мотивов в декоративно-прикладном искусстве мордовского (эрзи и мокши) народа. Монография Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия стала важной вехой, знаковым событием в истории изучения материальной и духовной культуры одного из древнейших финно-угорских этносов России.

Владимир Ильич Рогачев
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
и методики обучения литературе
Мордовского государственного
педагогического
университета имени М.Е. Евсевьева,
г. Саранск
e-mail: rogachev-v@bk.ru

Карабанова Надежда Валериевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
и методики обучения литературе
Мордовского государственного
педагогического университета
имени М.Е. Евсевьева,
г. Саранск
e-mail: nadiakarabanova@yandex.ru

Vladimir Rogachev
Doctor of Philology, Professor,
Department of Literature
and Methods of Teaching Literature,
Mordovian State Pedagogical University
named after M. E. Evseviev,
Saransk
e-mail: rogachev-v@bk.ru,

Nadezhda Karabanova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of Literature and Methods
of Teaching Literature Mordovian State
Pedagogical University named after
M.E. Evseviev,
Saransk
e-mail: nadiakarabanova@yandex.ru

УДК 811.511.151

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЮЗОВ И СОЮЗНЫХ СРЕДСТВ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Рец.: Эрцикова Г.А. Союзы и союзные средства в современном марийском языке: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2025. 274 с.

© 2025 г. Т.В. Янцукова

Работа Г.А. Эрциковой «Союзы и союзные средства в современном марийском языке» представляет собой первое специальное научное исследование, посвященное изучению союзов и союзных средств в современном марийском языке. Несмотря на наличие общих сведений и ценных материалов в учебниках, монографиях, словарях и статьях, многие аспекты данной темы оставались недостаточно раскрытыми и детализированными.

Новизна рассматриваемой монографии прежде всего заключается в том, что в нем впервые в марийском языкознании дается многоаспектное описание современной системы союзов и союзных средств, функционирующих в горномарийском и лугово-восточном литературных языках, основанное как на имеющихся научных данных, так и на применении новейших методов исследования.

Опираясь на описательный, сравнительно-сопоставительный, стилистический, структурный и количественный методы, а также приемы статистического анализа, автор определяет состав связующих средств, описывает их синтаксические, семантические, стилистические и структурные свойства, выясняет происхождение и частоту употребления элементов одной лексико-семантической группы.

В издании впервые в марийской лингвистике представляется история изучения союзов, причем не только марийских (начиная с первой марийской грамматики 1775 года до настоящего времени), но и других финно-угорских языков. При необходимости автор обращается к фактам из истории исследования и многостороннего описания конкретных союзов.

В работе использованы картотечный материал МарНИИЯЛИ, выборка примеров из текстов художественных произведений марийских авторов, подобранных ученым, и выборка примеров, составленная при помощи корпус-менеджера AntConc из Национального корпуса марийского языка. В не-

обходимых случаях привлекались факты из современной разговорной речи. Применялся материал из нормативных словарей марийского языка. Исследование базируется на научных достижениях отечественных, зарубежных ученых, финно-угроведов и марийских лингвистов, рассматривающих проблематику служебных слов, в том числе союзов и союзных средств: В.В. Виноградова, Т.А. Колосовой, А.Ф. Прияткиной, В.З. Санникова, М.И. Черемисиной, А.А. Шахматова, Р. Карелсона, К.Е. Майтинской, Э.Н. Поповой, И.В. Тараканова, Л.П. Васиковой, И.С. Галкина, З.К. Ивановой, С.С. Сибатровой, В.Т. Тимофеевой, З.В. Учаева и других.

В исследовании выявляется состав союзов и союзных средств, достаточно подробно рассматриваются семантические особенности, выделяются синтаксические функции и стилистические свойства, устанавливается происхождение связующих средств, а также анализируются взаимоотношения союзов с другими частями речи. Ценным является информация о частоте употребления скреп, входящих в одну лексико-семантическую группу.

В монографии выделен целый ряд ранее не называвшихся применительно к отдельным средствам связи функциональных и семантических особенностей; определены основные отличия союзов-синонимов; немалое внимание уделено конкретизаторам – лексическим элементам, взаимодействующим с союзами.

Исследователем в современном марийском языке выявлено всего восемьдесят пять союзов и союзных средств, из которых сорок единиц являются заимствованными, двадцать восемь – собственно марийскими и двенадцать единиц представляют собой кальки с русского, в отдельных случаях, возможно, с тюркских языков. Ряд скреп имеют более одного значения (г. *вуйта*, л. *пуйто* ‘будто, будто бы, как будто’, г., л. *манын* ‘что; думая, что; чтобы’, г. *дӓ*, л. *да* ‘и, да; но, да’ и др.). Результаты работы показали, что формирование и пополнение фонда союзных средств в основном происходит за счет заимствованных единиц, преобладающее большинство из которых восходит к русскому языку. Интересно то, что в роли союзов достаточно часто выступают частицы, при этом сохраняя свою основную функцию – внесение разнообразных оттенков в значения тех слов, словосочетаний и предложений, к которым относятся.

В работе впервые подробно изложены структурные особенности марийских союзов и союзных средств, при этом представлен новый взгляд на их структуру, введены новые термины (взятые у русских языковедов) по отношению к марийским союзам и союзным средствам; у отдельных средств связи выявлены ранее не отмеченные функциональные и семантические особенности.

Исследование Г.А. Эрциковой показало, что категория союзных средств в современном марийском языке постоянно пополняется. Основным источни-

ком обогащения являются иноязычные единицы. Функции союзов принимают на себя отдельные самостоятельные и другие служебные части речи собственного языка. Союзы часто сопровождаются смысловыми конкретизаторами, уточняющими, дифференцирующими выражаемые значения.

Работа Г.А. Эрциковой логично структурирована: состоит из предисловия, введения, трех глав, заключения, условных сокращений, источников и использованной литературы. Монография написана доступным и научным языком, прослеживается стилистически правильное использование понятийного аппарата по теме исследования.

Список использованной литературы показывает, что рецензируемая работа имеет хорошую апробацию. Отдельные параграфы публиковались в виде статей в отечественных сборниках и журналах по финно-угроведению, а также в изданиях, индексируемых в российских и международных базах.

Теоретические положения, изложенные в монографии, подкреплены многочисленными примерами из произведений марийских писателей, а в некоторых случаях – материалами современной разговорной речи. Иллюстрации позволяют увидеть конкретные проявления описываемых автором закономерностей, способствуя лучшему пониманию структуры и функций союзов в живом тексте. Применение подобного подхода повышает научную обоснованность исследования, одновременно придавая ему значительную практическую направленность.

Обобщая, отметим, что монография Г.А. Эрциковой представляет собой многостороннее исследование марийских союзов и союзных средств, которое отличается глубоким анализом их семантического содержания. Полученные результаты представляют интерес для изучения аналогичной проблематики в родственных языках, могут служить основой для разработки учебных пособий, составления словарей и формирования современной научной грамматики марийского языка, а также станут ценным ресурсом для исследователей, преподавателей и студентов.

Янцукова Татьяна Вениаминовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурной
коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: stv79@bk.ru

Tatiana Yantsukova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Intercultural Communication
of Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: stv79@bk.ru

ХРОНИКА

УДК 811.511.151

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «III ӰПЫМАРИЙ ЛУДМАШ (III ВАСИЛЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ): АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ», ПОСВЯЩЁННАЯ ДНЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ

© 2025 г. М.Т. Ипакова

25 апреля 2025 года в г. Йошкар-Оле, в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории имени В.М. Васильева, в рамках празднования Дня национального героя (Марий талешке кече) прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «III Ӱпымарий лудмаш (III Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики». Мероприятие было проведено с целью организации продуктивного обмена мнениями по ключевым вопросам современной компаративистики.

Васильевские чтения являются значительным событием в культурной и научной жизни нашей республики. Конференция проводится раз в три года. Шесть лет назад, 26 апреля, в День марийского национального героя, дано начало Васильевским чтениям, результатом стал сборник научных материалов «I Ӱпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики»[1]. 9–10 декабря 2022 года проведена вторая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики», ее результатом также стал сборник научных материалов[2]. Конференция названа в честь марийского ученого Валериана

[1] I Ӱпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 26 апр. 2019 г.). Йошкар-Ола, 2019. 394 с.

[2] II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 9–10 дек. 2022 г.). Йошкар-Ола, 2023. 496 с.

Михайловича Васильева, имя которого носит наш институт – МарНИИЯЛИ. Для марийского народа В.М. Васильев стал настоящим символом национальной гордости и образцом самоотверженного служения науке. Он внес большой вклад в сохранение и развитие культурного наследия марийского народа, заложив основы научного изучения марийского языка и культуры. Опубликовал более 250 работ по проблемам марийского языкознания, фольклористики, музыковедения, этнографии, литературоведения, педагогики. Его научные труды продолжают оставаться значимой составляющей национального богатства марийского народа и высоко ценятся российским научным сообществом.

В этом году учредителем конференции выступило Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. Организатором стал Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева. Партнёрами мероприятия были ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Марийский региональный комитет финно-угроведов и Региональное общественное движение Республики Марий Эл «Марийский национальный конгресс».

В конференции приняли участие свыше 80 человек, среди которых учёные-исследователи, государственные служащие, специалисты образовательных и культурных учреждений, журналисты, аспиранты, студенты, общественные деятели. Они представляли разные регионы России (Москва, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Республика Мордовия, Республика Коми, Пермский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Республика Башкортостан, Республика Татарстан), а также Республику Беларусь и Эстонию.

Торжественная церемония открытия началась с возложения цветов к мемориальной доске выдающемуся деятелю науки В.М. Васильеву. Она была открыта Л.Я. Григорьевой, директором Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени В.М. Васильева. С приветственным словом выступили М.З. Васютин – Председатель Государственного Собрания Республики Марий Эл, Н.И. Любимов – заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, В.Б. Васюков – председатель региональной общественной организации «Землячество восточных марийцев «Ош Виче», П.Ш. Кайниев – представитель семьи В.М. Васильева.

Пленарное заседание конференции открыла директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева. С приветственным словом к участникам обратились: М.З. Васютин, Председатель Государственного Собрания Республики Марий Эл; Э.В. Александров, председатель Всемарийского совета – Мер Канаш, депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл; Э.А. Иманаев, депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл, директор Изда-

тельского дома «Марийское книжное издательство», председатель Марийского национального конгресса; Р.И. Чузаев, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета.

На пленарном заседании были представлены четыре доклада. Первой выступила ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ кандидат исторических наук О.А. Кошкина, она представила презентацию о научно-популярном издании «Сражался фронт, трудился тыл: Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Она подчеркнула, что издание освещает разные стороны жизни Марийской АССР в военные годы, включая героизм фронтовиков и самоотверженность работников тыла, чей вклад стал весомым фактором победы. Из региона было мобилизовано свыше 140 тыс. бойцов, из которых около 75 тыс. погибли на полях сражений. Колхозы направляли значительную долю урожая и сырья на нужды фронта и оборонной промышленности, обеспечивая потребности армии и населения продуктами питания и материалами. Патриотический дух поддерживался культурой и искусством, а учёные вносили значительный вклад в развитие научных отраслей.

Заведующий отделом этнополитологии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева доктор исторических наук, профессор Ф.Г. Сафин выступил следующим пленарным докладчиком. Его выступление было посвящено теме «Современные тенденции развития марийского языка в регионах компактного проживания марийцев (на примере Республики Башкортостан)». В нем обозначен ряд важных тенденций, выявленных при анализе переписи населения 2020 года. Согласно результатам исследования, как отметил автор, произошли значительные изменения в демографической ситуации большинства этнических групп, включая представителей финно-угорской языковой семьи, проживающих в Волго-Уральском регионе. Особенно отчетливы такие перемены среди марийцев, проживающих в Башкортостане, где численность этой группы традиционно держится на отметке чуть более 100 тыс. человек. Другой особенностью марийской этнической группы, на взгляд докладчика, является то, что она расселена достаточно компактно и имеет свою этноязыковую среду. Значительная численность марийцев в Башкортостане и их компактное расселение составляют основу для их стабильного этноязыкового развития. Следует также указать, что по своей численности марийцы в Башкортостане занимают второе место по стране и уступают только количеству титульной этнической группы Республики Марий Эл. Перепись 2020 года зафиксировала ещё большее снижение числа марийцев как в целом по стране, так и непосредственно в пределах Башкортостана.

Пленарный доклад Е.М. Гильмитдиновой, представленный в онлайн-формате, посвящен деятельности Дома-музея В.М. Васильева. Заведующий музе-

ем подчеркнула значимость мероприятий, направленных на популяризацию научного наследия В.М. Васильева. Среди ключевых форматов были выделены вечера памяти, научные конференции, тематические акции, интерактивные квест-игры и квизы. Такие мероприятия регулярно освещаются местными СМИ, также публикуются материалы о жизни и творчестве выдающегося ученого. Главная цель деятельности Дома-музея – способствовать повышению осведомленности общества о научных достижениях В.М. Васильева и в целом о марийской культуре. Особое внимание уделяется вовлечению молодого поколения в культурно-просветительные проекты. По словам докладчика, привлечение молодых людей к участию в культурных мероприятиях, например, в таких как фестивали и конкурсы, создает основу для развития устойчивого интереса к этническим традициям и народному искусству. Е.М. Гильмитдинова особо выделила необходимость воспитания патриотизма среди молодежи и подчеркнула, что активная позиция молодого поколения способна обеспечить преемственность традиций и сохранение уникального культурного наследия для последующих поколений. Таким образом, деятельность музея служит важной составляющей укрепления национальной идентичности и уважения к истории родного края.

Присоединился к работе пленарного заседания конференции Д.А. Ефремов, заведующий кафедрой журналистики Удмуртского государственного университета кандидат филологических наук, доцент, с онлайн-докладом на тему «Цифровой формат межкультурной коммуникации в эпоху глобализации (на примере этноблогов Удмуртии)». В своем выступлении ученый рассмотрел особенности цифровой коммуникации между представителями различных культур в условиях современной глобализации, использовал в качестве примера удмуртские этноблоги. Анализируя роль цифровых платформ в сохранении и распространении этнических традиций, автор подчеркнул значение блогосферы как инструмента взаимодействия и обмена опытом между культурами. Основное внимание было уделено им специфике содержания и формата этноблогов, способствующих развитию толерантности и взаимопонимания в многонациональном обществе. В выводах доклада отмечается значительный потенциал цифрового пространства для поддержания и продвижения культурного разнообразия в условиях современного мира.

Во второй половине дня конференция продолжила свою работу в трех секциях: «Актуальные проблемы языкознания», «Сохранение языкового и культурного наследия как важнейшая задача современного общества», «Актуальные проблемы и тенденции развития литератур и фольклора народов Урало-Поволжья в современном мире». В процессе очной и дистанционной работы участники конференции обсудили ключевые вопросы современного финно-угроведения, касающиеся сохранения и развития языков, культуры,

литературы и фольклора народов Урало-Поволжья. Были заслушаны доклады, посвящённые различным аспектам исследований: лексике, семантике, грамматике, фонетическим особенностям, диалектному разнообразию финно-угорских языков, межъязыковым контактам; способам передачи этнических особенностей при переводе художественных произведений, цифровым технологиям межкультурного взаимодействия, современному музыкальному искусству, изданию книг на национальном языке, методикам преподавания родного языка и др. Особое внимание уделено образам войны, семьи, природы, а также стилю аллюзии в художественной литературе. Кроме того, в рамках конференции была представлена выставка изданий МарНИИЯЛИ.

Состоялся круглый стол «Научное наследие марийских ученых и современная лингвистика», на котором заслушаны три доклада. Доцент кафедры марийского языка и литературы Института национальных культур и межкультурной коммуникации МарГУ кандидат филологических наук В.Н. Максимов представил доклад, посвященный памяти известного учёного-филолога В.Т. Тимофеевой (к 105-летию со дня рождения), отметил её весомый вклад в исследование марийского языка. С.С. Сибатрова, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ кандидат филологических наук, доцент, представила обзор научного творчества А.А. Саватковой (к 100-летию со дня рождения), видного специалиста по горномарийскому наречию. М.Т. Ипакова, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ кандидат филологических наук, посвятила своё выступление памяти крупного учёного, академика И.Г. Иванова (к 90-летию со дня рождения), раскрыла его роль в развитии марийского языкознания.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции и принята резолюция. Резолюция содержит ряд рекомендаций, из которых основной является активизация сравнительных исследований и применения методов компаративистики в различных областях науки (лингвистике, литературоведении, фольклористике, этнографии, культурологии, истории, социологии, религиоведении и др.).

Ипакова Марина Тимерьяновна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

Marina Ipakova
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

УДК 821.511.151

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XXV ИГНАТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ГОРНЫЕ МАРИЙЦЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ ГОДУ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

© 2025 г. Н.А. Федосеева

Начиная с 2001 года в городе Козьмодемьянске традиционно проходит ежегодная научно-практическая конференция, посвященная памяти Н.В. Игнатьева. Инициатором мероприятия выступила доктор филологических наук, профессор, известный финно-угорский ученый-лингвист Лидия Петровна Васикова (1927–2012).

Год за годом расширяется географический охват участников конференции. Так, в 2015 году мероприятие приобрело международный статус и прошло под названием «Горные марийцы в культурно-историческом пространстве Урало- Поволжья», тогда оно состоялось 21–22 мая и по счету было пятнадцатым. В связи с празднованием 90-летия со дня рождения профессора Л.П. Васиковой в 2017 году конференция была проведена 28 мая в МБОУ «Пайгусовская СОШ» Горномарийского района (с. Пайгусово), носящем ее имя. В этот день на территории учебного заведения состоялось торжественное открытие бюста ученого.

Согласно устоявшейся традиции, 1 апреля 2025 года прошли юбилейные XXV Игнатьевские чтения. Тема научного мероприятия, посвященного Году защитника Отечества, – «Горные марийцы в историко-культурном пространстве России». Конференция состоялась в Троицко-Посадской основной общеобразовательной школе Горномарийского района Республики Марий Эл.

Организаторы конференции – Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», администрация Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл.

Нынешний 2025 год отмечен рядом значимых юбилеев: 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, 95 лет со дня выхода первого номера журнала «У сем» («Новый лад»), 30-летняя годовщина основания Краеведческого

музея имени Н. Игнатьева, 130-летие со дня рождения основоположника горномарийской литературы Никона Игнатьева, 120-летие первого профессионального марийского режиссёра Алексея Ивановича Маюка-Егорова, 100-летие со дня рождения видного лингвиста Анны Андреевны Саватковой и крупного советского и российского композитора Андрея Яковлевича Эшпая и другие памятные даты. Это обусловило включение в программу конференции научных сообщений, посвященных указанным датам.

Перед началом форума участники возложили цветы к памятнику Никона Игнатьева, установленному в деревне Салымсола (Чаломкино) на территории музея, носящего имя марийского писателя. Краеведческий музей, открытый тридцать лет назад, служит не только хранителем творческого наследия классика горномарийской литературы, но и важным культурным центром, бережно сохраняющим исторические и этнографические традиции горных мари. А деревня Чаломкино, родина автора первого марийского романа Никона Васильевича Игнатьева (1895–1941), приобрела широкую известность благодаря горномарийской народной песне «Салымсола вуйыштет лаштыра тумет шалга» («У села Чаломкино дуб развесистый стоит»). До революции эта местность славилась мастерами серебряных украшений, особенно популярными были изделия в форме цепочек. Рядом с населенным пунктом пролегал знаменитый Сибирский тракт, именуемый местными жителями *Кӹтьӹри кугижӓ корны* (Екатерининский тракт).

На открытии конференции с приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились глава Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл Е.В. Смелов, консультант отдела межнациональных и межконфессиональных отношений Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл А.В. Илларионов, председатель Всемарийского совета – Мер Канаш, депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл Э.В. Александров, директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева, председатель правления Регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» Республики Марий Эл С.Д. Архипова.

Среди почетных гостей присутствовали правнук писателя Павел Игнатьев и его супруга Анна, специально приехавшие из города Краснодара, чтобы почтить память своего знаменитого прадеда.

На пленарном заседании прозвучали доклады кандидата филологических наук ведущего научного сотрудника МарНИИЯЛИ Н.А. Федосеевой «Литературная критика Никона Игнатьева: основные идеи и подходы»; кандидата исторических наук ассистента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук Г.Ю. Устьянцева

«Горномарийская экспедиция кафедры этнологии МГУ-2024: локальные традиции глазами молодых исследователей»; заведующей сектором публикационной деятельности отдела использования документов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» Н.С. Петровой «Энциклопедия народного подвига (о подготовке электронных книг «Памяти сел и муниципальных образований в Республике Марий Эл»)».

Кроме того, состоялись презентации изданий. Кандидат сельскохозяйственных наук председатель Отделения Русского географического общества в Республике Марий Эл, заведующий кафедрой экологии, почвоведения и природопользования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» Е.А. Гончаров представил краеведческий атлас Горномарийского района и города Козьмодемьянска. Актриса Марийского национального театра драмы им. М. Шкетана М.Г. Почтенева и руководитель литературно-драматической части ГАУК РМЭ «Горномарийский драматический театр» С.А. Васканова презентовали книгу-альбом «Профессиональный театр – культурное достояние горных мари».

Работа основных участников проходила в 6 секционных заседаниях и на круглом столе «Роль журнала „У сем“ в сохранении, развитии и популяризации горномарийского литературного языка и национальной литературы», посвященном 95-летию со дня выхода первого номера журнала. Было заслушано более 70 докладов по актуальным вопросам лингвистики, литературоведения и фольклористики, истории и краеведения, образования, культуры и искусства. Кроме Республики Марий Эл заявки на участие в конференции поступили из Москвы, Зеленограда, Петрозаводска, Чебоксар, Махачкалы.

Особое внимание участников конференции в 2025 году привлекли доклады, посвященные судьбе ветеранов Великой Отечественной войны и участию местных жителей в современных вооруженных конфликтах. Обсуждались проблемы героического наследия соотечественников, сохранения памяти о погибших защитниках Отечества и роли военной службы в формировании общественного сознания.

На заключительном пленарном заседании при подведении итогов Игнатьевских чтений участники выразили благодарность организаторам конференции и высказали следующие рекомендации:

– издать материалы конференции в виде отдельного сборника и разместить его электронный формат в социальных сетях;

– с целью обмена успешным опытом работы по мотивации учащихся и их родителей к изучению родного языка периодически проводить районные методические мероприятия для учителей, которые будут способствовать сохранению и развитию родного языка, укрепляя его позиции в образовательном процессе и обществе;

– МарНИИЯЛИ совместно с администрацией Горномарийского муниципального района рассмотреть вопрос об увековечении памяти видного марийского лингвиста Анны Андреевны Саватковой, внесшей наибольший вклад в исследование языка горных марийцев;

– издательскому дому «Марийское книжное издательство» организовать работу по созданию и выпуску сборника произведений горномарийского поэта-песенника Н.П. Егорова. Переиздать сборник Н.П. Егорова «Цӓрӓ ялан жепем» («Мое босоногое детство»);

– школам Горномарийского района организовать сбор фольклорных материалов и для дальнейшего исследования направлять их в МарНИИЯЛИ;

– учителям-краеведам осуществлять сбор воспоминаний об участниках Великой Отечественной войны, систематически публиковать собранные материалы, размещая их в информационно-телекоммуникационной сети Интернет с целью последующего использования в учебно-воспитательной деятельности с подрастающим поколением;

– администрации Горномарийского района организовать целенаправленный сбор достоверной информации о ветеранах Афганской и Чеченской кампаний, её научную обработку и публикацию в виде специализированных изданий;

– Марийскому институту образования совместно с Министерством образования и науки Республики Марий Эл организовать курсы «индивидуальный проект»;

– Министерству образования и науки Республики Марий Эл регулярно обновлять учебно-методические комплекты;

– оргкомитету «Игнатьевских чтений» расширять круг участников ежегодных конференций, обеспечивая участие представителей родительской общественности.

Федосеева Надежда Александровна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: fedna74@mail.ru

Nadezhda Fedoseeva
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: fedna74@mail.ru

«Финно-угроведение», № 2 (70) 2025

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 24.06.2025. Вышел в свет 30.06.2025. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 11,94. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 1066.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
помещение 12-12А, корпус 101А

